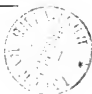

СВЯТЫЙ

АПОСТОЛЪ ПАВЕЛЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Декабря 11-го дня 1862 года.

Цензор Архимандрит *Макарiй.*

В типографiи Дома Призр. Мал. Бѣдных.

СВЯТЫЙ АПОСТОЛЪ ПАВЕЛЪ.

§ 1. Павелъ до своего обращенія въ Христіанство.

Савлъ (по еврейской формѣ) или *Павелъ* (по еллинистической [1]) былъ сынъ Іудейскихъ родителей, изъ колѣна Веніаминова (Фил. 3, 5. 2 Кор. 11, 22) и родился, вѣроятно, спустя

[1]) У Іудеевъ было въ обычаѣ носить по два имени и въ обращеніи съ иностранцами употреблять имя или Греческое или Римское напр. Кифа-Петръ, Іоаннъ-Маркъ, Симеонъ-Нигеръ, Іисусъ-Іустъ. Этимъ какъ нельзя лучше объясняется то, что имя Павелъ является съ той самой поры, какъ только Павелъ выступилъ самостоятельно Апостоломъ язычниковъ (Дѣян. 13, 9), между тѣмъ какъ до обращенія и въ первое время по обращеніи, когда Лука слѣдуетъ въ изложеніи Палестинскимъ документамъ, Павелъ называется Савломъ. Но, вѣроятно, еще живя въ Тарсѣ, онъ употреблялъ греко-римскую форму имени. Мнѣніе *Іеронима* (de vir. illustr. c. 5), будто Павелъ принялъ это имя въ знакъ памяти о первомъ плодѣ, своей апостольской дѣятельности—объ обращеніи римскаго Проконсула Сергія Павла (Дѣян. 13, 7), capostolus a primo ecclesiae spolio, Proconsule Sergio Paulo, victoriae suae trophaea retulit erexitque vexilla, ut paulus a Saulo vocaretur) опровергается слѣдующими положеніями: 1) имя Савла (Павелъ) встрѣчается еще раньше обращенія Сергія Павла: именно въ 9 стихѣ 13 гл. Дѣяній Апостольскихъ, тогда какъ, при мнѣніи Іеронима, должно было бы встрѣтить это имя въ первый разъ въ 13 ст. 13 гл. 2) Въ древности былъ обычай называть ученика по имени учителя, но не наоборотъ (см. у *Неандера* Apostelgeschichte 1. стр. 135. Note). 3) Безъ сомнѣнія, Павелъ еще прежде обращался съ язычниками, хотя Дѣянія Апостольскія и не говорятъ ясно объ этомъ (см. однакожъ 11, 25. 26), точно также какъ и о трехгодичномъ пребываніи Павла въ Аравіи онѣ не говорятъ ни слова, да и о его жизни въ Тарсѣ разсказываютъ коротко. Какъ бы то ни было,

*

весьма немного лѣтъ по Рождествѣ Христовомъ [1] въ Тарсѣ—главномъ городѣ Киликіи въ Малой Азіи, одномъ изъ знаменитыхъ мѣстъ греческой образованности [2] (Дѣян. 9, 11; 21, 39; 22, 3) и притомъ былъ Римскимъ гражданиномъ (22, 28: 16, 37). Хотя онъ предназначался въ учители Закона Божія, однако, по Іудейскому обычаю, занимался и ремесломъ, именно дѣлалъ палатки: этимъ ремесломъ онъ содержалъ себя [3]) и во время своего Апостольскаго служенія съ тою мыслію, чтобы съ одной стороны не быть въ тягость обществамъ, а съ другой — и затѣмъ, чтобы сохранить свою

а нельзя представить себѣ, почему бы Апостолу обращеніе именно проконсула, по видимому, впослѣдствіи, не имѣвшее никакого значенія, показалось столь важнымъ, что онъ изъ-за этого перемѣнилъ свое имя. Въ проповѣдяхъ и поученіяхъ издревле и еще доселѣ въ употребленіи двойное имя Апостола относить къ рѣзкой религіозной противоположности въ его жизни. Такъ, напримѣръ, *Августинъ* (Serm. 315) проводитъ параллель между гонителемъ христіанъ Савломъ и между Сауломъ, гонителемъ Давидовымъ (Saulus enim nomen est a „Saule“. Saul persecutor erat regis David. Talis fuerat Saul in David, qualis Saulus in Stephanum) и въ новомъ имени, происходящемъ, по его мнѣнію, отъ Латинскаго прилагательнаго pavlus видитъ понятіе о смиреніи (quia Pavlus modicus est, Pavlus parvus est. Nos solemus sic loqui: videbo te post pavlum, i. e. post modicum. Unde ergo Pavlus: «ego sum minimus Apostolorum» 1 cor. XV, 9). Еще произвольнѣе и противнѣе рѣчи та игра словъ, какая представлена Златоустомъ (de nominum Smutatione) и имъ же рѣшительно отвергнута, по которой слово «Савлъ,» будто бы происходитъ отъ σαλεύειν т. е. τὴν ἐκκλησίαν и Павелъ отъ παύσασθαι т. е. τοῦ διώκειν, такимъ образомъ первое его имя означаетъ его гоненіе на христіанъ, а второе —изображаетъ прекращеніе гоненія. А извѣстно, что слово «Савлъ» есть Еврейское слово и значитъ вымоленный, вожделѣнный. Всѣ эти и подобныя аллегорическія объясненія опровергаются уже и тѣмъ, что Лука нашего Апостола много разъ называетъ Савломъ и *послѣ* его обращенія (Дѣян. 9, 8. 11. 17. 19. 22. 26; 11, 25. 30; 12, 25; 13, 2. 9).

[1]) Потому что при написаніи посланія къ Филимону ст. 9 во время темничнаго заключенія въ Римѣ въ 63 году по Р. Х. онъ былъ уже *старцемъ* πρεσβύτης.

[2]) *Страбонъ* современникъ Императора Августа въ своей географіи XIV, 5 по отношенію къ философіи и литературѣ Тарсъ считаетъ выше даже Аѳинъ и Александріи.

[3]) Палатки тогда были въ большомъ употребленіи, какъ во время войны, такъ и въ морскомъ плаваніи, у пастуховъ и путешественниковъ и готовились большею частію изъ шерсти козъ и козловъ, которыя особенно въ Киликіи были жёстки и для этой-то цѣли очень пригодны (отсюда κιλίκιος τράγος означаетъ также грубаго человѣка см. Hug. Einl. in's. N. T. 11. стр. 328 и д. по 3-му изданію). Іудейскій обычай при изученіи закона заниматься и ремесломъ имѣлъ впрочемъ свое основаніе не только въ томъ, чтобы имѣть средства въ внѣшней жизни, но и къ тому, чтобы укрощать искушенія чувственности, ограничить и устранить вредное вліяніе ея на высшую духовную жизнь. Этими же мыслями руководились и руководятся монашествующіе и въ христіанскомъ мірѣ, упражняясь въ тѣлесныхъ работахъ

независимость [1]). На своей родинѣ онъ имѣлъ самый лучшій случай съ молодыхъ лѣтъ познакомиться съ греческимъ языкомъ и народностью, что очень много помогло ему во время его дальнѣйшаго служенія. Получилъ ли онъ собственно классическое образованіе, объ этомъ ученые разногласятъ. Въ основаніи его умственнаго и нравственнаго образованія лежало, конечно, Іудейство. Но онъ былъ нѣсколько знакомъ и съ греческою литературою, какъ бы и гдѣ бы онъ ни ознакомился съ нею—въ Тарсѣ, или въ Іерусалимѣ у Гамаліила, который не чуждался и греческой философіи. Въ пользу этаго знакомства говорятъ не только его цитаты изъ языческихъ и притомъ не очень извѣстныхъ поэтовъ, именно изъ Арата и Клеанѳа (Дѣян. 17, 28), изъ Менандра (1 Кор. 15, 33) и изъ Епименида (Тит. 1, 12), но еще болѣе его глубокія мысли о существѣ и развитіи языческой религіи и философіи.

Еще юношею отправили Савла родители въ Іерусалимъ и тамъ онъ получилъ образованіе въ школѣ ученаго Гамаліила (Дѣян. 22, 3; 26, 4. 5), который былъ главою основанной его дѣдомъ Гиллеломъ ригористической школы Іудейскаго пониманія Писанія, но который впрочемъ обнаруживалъ извѣстную долю благосклонности и вниманія к христіанству (равно какъ и греческой литературѣ 5, 38 и д.), былъ въ большомъ уваженіи у всего народа (5, 34) и, по талмудическимъ преданіямъ, назывался «славою Закона». Именно тогда-то и процвѣтало раввинское школьное богословіе или Іудейскій схоластицизмъ въ двухъ враждебныхъ другъ къ другу направленіяхъ (въ школѣ Гиллела и въ школѣ Шаммая), по разрушеніи храма сдѣлавшійся новою связью національнаго единства и характеристическимъ признакомъ нынѣшняго Іудейства. Въ Іерусалимѣ, по раввинскимъ разсказамъ, было 480 синагогъ; какъ бы то ни было, а тамъ были представители всѣхъ отраслей и оттѣнковъ іудейской учености.

Надѣленный превосходными способностями, одаренный рѣдкою остротою и силою мысли, Павелъ усвоилъ всю раввинскую ученость, которую составляло столько же познаніе права, сколько и богословіе,—различные способы толкованія биб-

---

[1]) Только отъ Филиппійцевъ, къ которымъ онъ былъ особенно расположенъ, апостолъ по временамъ принималъ дары. Фил. 4, 15.

ліи—чрезъ аллегорію, прообразовательный смыслъ (типологію) и на основаніи преданія, какъ достаточно свидѣтельствуютъ его посланія. Посредствомъ такого теоретическаго образованія онъ былъ способенъ впослѣдствіи озаренный благодатію опровергать сильно и рѣзко фарисейскія заблужденія, возвышеннѣе и подробнѣе всѣхъ апостоловъ—развивать сущность христіанскаго ученія. Отъ природы горячій, рѣшительный—онъ былъ фарисеемъ самаго строгаго разряда и сильнымъ ревнителемъ закона отцевъ (Фил. 3, 6. Гал. 1, 13. 14). Безъ сомнѣнія, онъ принадлежалъ къ числу самыхъ ревностныхъ и благородныхъ личностей этой секты, которая состояла не изъ однихъ только лицемѣровъ, какъ показываютъ примѣры Никодима, Іосифа Аримаѳейскаго и Гамаліила. Онъ истинно честно дѣйствовалъ по идеалу ветхозавѣтнаго благочестія, какъ онъ тогда понималъ его; но впослѣдствіи сильно осуждалъ свою ревность въ преслѣдованіи христіанъ: глубокая скорбь овладѣвала имъ при взглядѣ на свой прошлый фанатизмъ; и хотя прибавляетъ, что онъ такъ поступалъ по невѣдѣнію (Тим. 1, 13), но, конечно, этимъ вовсе не думалъ уменьшать свою вину. При ревности о совершенномъ оправданіи закономъ онъ не разъ чувствовалъ разладъ въ своей душѣ, который на основаніи опыта изобразилъ такъ поразительно. Именно этотъ практическій ходъ образованія привелъ его въ состояніе—послѣ, когда онъ уже обрѣлъ оправданіе вѣрою, такъ прекрасно развить отношеніе Евангелія къ Закону, нужду спасенія для человѣческой природы, ничтожность всякой естественной праведности и силу вѣры въ Единаго и Единственнаго Искупителя.

Сначала Савлъ хотѣлъ, кажется, держать себя по отношенію къ христіанству равнодушно, или не обращалъ на него особеннаго вниманія. Но когда оно открыто выступило противъ фарисейства, что впервые сдѣлалъ Стефанъ; тогда Савлу при его ревности къ іудейству проповѣдываніе христіанства должно было показаться оскорбленіемъ его отеческаго закона, возмущеніемъ противъ авторитета Іеговы; и поэтому истребленіе новой секты онъ считалъ долгомъ совѣсти и дѣломъ богоугоднымъ. Этимъ и объясняется то ревностное участіе, какое онъ еще юношею, имѣя около тридцати лѣтъ отъ

роду, принималъ въ осужденіи на смерть Стефана и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ гоненіи. Онъ насильно входилъ въ домы, вытаскивалъ оттуда мужчинъ и женщинъ для того, чтобы предать ихъ суду и заключить въ темницу (Дѣян. 8, 3. 4. 22, 4). Но и этимъ онъ былъ недоволенъ; «еще дыша угрозами и убійствомъ на учениковъ Господнихъ,» явился къ первосвященнику, предсѣдателю въ Синедріонѣ, имѣвшемъ главный надзоръ за всѣми синагогами и право налагать исправительныя мѣры и наказанія на нарушителей закона,—и выхлопоталъ у него себѣ полномочіе на арестованіе всѣхъ христіанъ. Съ такимъ полномочіемъ отправился въ самый древній Сирійскій городъ Дамаскъ (9, 1 и д. сн. 22, 5), куда убѣжали многіе изъ нихъ и гдѣ было много іудейскихъ синагогъ [1]). Но тогда-то коснулась его милосердая десница Того, Кого онъ преслѣдовалъ, и произвела въ немъ перемѣну: верхъ его отпаденія былъ для него началомъ спасенія.

---

§ 2. Обращеніе Павла.

(37 г.).

На пути въ Дамаскъ случилось то самое чудо благости, вслѣдствіе котораго дышащій гнѣвомъ Савлъ сталъ молящимся Павломъ, самонадѣянный фарисей превратился въ смиреннаго христіанина, самый опасный врагъ Церкви сдѣлался самымъ дѣятельнымъ и сильнымъ ея Апостоломъ и къ своимъ богатымъ природнымъ дарованіямъ воспринялъ обильные дары Святаго Духа. Самъ Павелъ много разъ въ своихъ посланіяхъ приводитъ это, послужившее началомъ новой его дѣятельности, событіе въ защиту своего Апостольскаго служенія, отвергаемаго іудействующими его противниками, причемъ однакожъ не вдается въ подробное изложеніе обстоятельствъ, которыя онъ считалъ извѣстными, такъ какъ онъ ихъ уже описывалъ вѣрую-

---

[1]) Іосифъ *Флавій* de bello Iudaic. 11, 20, 2. разсказываетъ, что въ царствованіе Нерона почти всѣ женщины въ Дамаскѣ были преданы Іудейству, и за разъ было казнено смертію десять тысячъ Іудеевъ.

щимъ и знакомымъ. Въ посланіи къ Галатамъ онъ съ особенною ясностію выставлялъ то, что онъ призванъ къ Апостольскому служенію не чрезъ посредство человѣческое (какъ напр. нѣкогда избранный по жребію на мѣсто Іуды Матѳій), но прямо,—воскресшимъ Христомъ (гл. 1, 1) и что Евангельское ученіе, назначенное для возвѣщенія язычникамъ, получилъ независимо отъ человѣческаго наставленія, по откровенію отъ Іисуса Христа (ст. 11—16). Согласно съ этимъ онъ говоритъ и въ 6 ст. 4 гл. 2-го посл. къ Коринѳянамъ, гдѣ познаніе Христовой вѣры приписываетъ творческому дѣйствію Божію, которое онъ уподобляетъ появленію естественнаго физическаго свѣта изъ хаотическаго мрака. Возникаетъ вопросъ: было ли это озареніе, о коемъ упоминается въ вышеприведенномъ мѣстѣ, только внутреннимъ дѣломъ (актомъ) въ немъ или вмѣстѣ съ тѣмъ сопровождалось и внѣшнимъ явленіемъ? по крайней мѣрѣ въ 1-мъ ст. 9 гл. 1-го посланія къ Коринѳянамъ сказано прямо, что Павелъ «видѣлъ Іисуса Христа». А что онъ считаетъ это дѣйствительнымъ, внѣшнимъ явленіемъ, это видно изъ 1 Кор. 15, 8. гдѣ ставитъ оное на ряду съ другими явленіями Воскресшаго ученикамъ; «а послѣ всѣхъ явился и мнѣ, какъ извергу какому», говоритъ Апостолъ.

Что же касается рода и способа обращенія Павлова, то объ этомъ мы имѣемъ три довольно подробныхъ разсказа въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, именно: одно вышло изъ подъ пера Луки (гл. 9, 1—19) и два изъ устъ Павла, именно въ его рѣчи къ Іудейскому народу въ Іерусалимѣ (гл. 22, 3—16) и въ его апологіи предъ царемъ Агриппою и прокураторомъ Фестомъ, во время темничнаго заключенія Апостола въ Кесаріи (гл. 26, 9—20). Всѣ они согласны въ главномъ, именно въ томъ, что обращеніе совершилось при посредствѣ личнаго явленія прославившагося Искупителя. По разсказу Дѣяній Апост. Павелъ подходилъ однажды въ полдень къ Дамаску—этому богатому водою оазису и саду въ пустынѣ: вдругъ озарилъ его и его спутниковъ необыкновенный свѣтъ съ неба, который былъ ослѣпительнѣе самаго солнца (26, 13). Въ этомъ свѣтѣ Павелъ увидѣлъ прославленнаго Господа Христа (9, 17. 27. сн. 1 Кор. 9, 1 и 15, 8) и слышалъ Его голосъ, говорящій ему на Еврейскомъ языкѣ: (26, 14) «Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня? трудно тебѣ идти

противъ рожна [1]». На вопросъ Павла упавшаго на землю вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія отъ такого явленія: «Кто Ты, Господи?» Спаситель, по силѣ жизненнаго общенія съ своими учениками, каждое гоненіе противъ нихъ считающій гоненіемъ противъ Себя Самого, сказалъ: «Я Іисусъ, Котораго ты гонишь; встань и поди въ городъ; тамъ тебѣ будетъ сказано, что надобно тебѣ дѣлать». При этомъ видѣніи Савлу нѣсколько уяснилась тайна Божественнаго всесильнаго могущества Христова, единеніе Господа съ Церковію — Своимъ тѣломъ, а также совершенная безуспѣшность всѣхъ нападокъ на нее. Прежняя его дѣятельность и гоненія были осуждены; естественный человѣкъ его уничиженнымъ и пораженнымъ лежалъ на землѣ—въ прахѣ. Когда Павелъ всталъ, то уже никого не видалъ, надземный блескъ ослѣпилъ его очи. Какъ младенца привели его въ Дамаскъ, гдѣ онъ въ теченіи трехъ сутокъ оставался слѣпымъ и все это время провелъ въ постѣ, размышленіи и смиренной молитвѣ о вышнемъ свѣтѣ благодати и вѣры. Не могъ ли онъ среди такихъ скорбей рожденія въ новую жизнь прочувствовать все бѣдственное положеніе естественнаго человѣка и несносное рабство закона,—и отъ всей души взывать: «бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ тѣла сей смерти» (Рим. 7, 24)! Послѣ такого приготовленія онъ внутренно былъ увѣренъ въ приближающейся помощи, [2]) и ему былъ указанъ человѣкъ, который долженъ быть посредникомъ и органомъ его тѣлеснаго и духовнаго исцѣленія, и имѣлъ привести его въ братское общеніе съ церковію. Ананія, уважаемый въ Дамаскѣ ученикъ, котораго Господь предувѣдомилъ о томъ также, какъ Петра на счетъ обращенія

---

[1]) Этотъ употребляемый о лошадяхъ и буйволахъ оборотъ рѣчи: πρὸς κέντρα λακτίζειν adversus stimulum calcitrare, лягать ногами въ то время, когда кнутомъ стегаютъ, можетъ означать или субъективную невозможность противодѣйствія силѣ внѣдряющейся благодати и въ такомъ случаѣ содержалъ бы доказательство въ пользу Августинова ученія о неотразимой благодати (gratia irresistibilis), или, что намъ кажется болѣе вѣроятнымъ,—выражаетъ безполезность объективнаго (внѣшняго) противодѣйствія стоящей на незыблемомъ основаніи Церкви Христовой. Это объясненіе подтверждается сличеніемъ съ рѣчью Гамаліила (гл. 5, 39): «а ежели дѣло это—отъ Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь же, чтобы вамъ не сдѣлаться противниками Самому Богу.»

[2]) Савлъ, *трепеща и ужасаяся, глагола: Господи, что мя хощеши творити?* (Дѣян. 9, 6).

Корнелія, по высшему повелѣнію возвратилъ тѣлесное зрѣніе молящемуся Савлу чрезъ возложеніе на него рукъ, преподалъ ему крещеніе во оставленіе грѣховъ и даръ Святаго Духа и познакомилъ его съ божественнымъ его назначеніемъ, объявивъ, что онъ какъ избранный сосудъ долженъ пронести имя Іисуса Христа къ язычникамъ и Іудеямъ, и среди множества страданій за это имя удостоится прославленія [1].

Оставляемъ въ сторонѣ тѣ воззрѣнія на такую богатую послѣдствіями перемѣну, которыя выступаютъ изъ области библейско-Христіанскаго пониманія [2]; но все-таки нужно разсмотрѣть вопросъ: при совершенной увѣренности въ истори-

[1]) Извѣстныя всѣмъ разнорѣчія, какія находятся въ трехъ разсказахъ и которымъ недавно Бауръ, по своему миѳизму (стр. 60 и д.), придалъ чрезмѣрное значеніе, касаются только маловажныхъ побочныхъ обстоятельствъ и для каждаго безпристрастнаго человѣка служатъ только подтвержденіемъ достовѣрности и опроверженіемъ Баурова предположенія о послѣдовательно—проведенной преднамѣренности и разсчитанности Писателя Дѣяній Апостольскихъ. Вопервыхъ: по 7 ст. 9 гл. Дѣяній Апостольскихъ спутники Павла слышали говорящій ему голосъ, а въ 9 ст. 22 гл. не слыхали. Это просто можно примирить тѣмъ, что спутники, хотя слышали звуки голоса, но не понимали членораздѣльныхъ словъ, которыя назначались собственно для Савла. *Во вторыхъ*: по ст. 9, гл. 22 (ср. 26, 13) спутники видѣли охватившій Павла свѣтъ, а по 7 ст. 9 гл. они никого (μηδένα) не видали т. е. никакого опредѣленнаго образа въ яркомъ свѣтѣ, что нисколько не противорѣчитъ первому свидѣтельству и изображенію. *Въ третьихъ:* по 15—18 ст. 26 гл. Самъ Іисусъ открылъ Павлу объ избраніи его въ Апостолы, между тѣмъ какъ по двумъ другимъ разсказамъ оно происходитъ при посредствѣ Ананіи. Это объясняется тѣмъ, что Павелъ предъ Агриппою для краткости разсказываетъ о дѣлѣ въ общихъ словахъ; да и первое повѣствованіе вполнѣ вѣрно, такъ какъ сообщеніе Ананіею о служеніи произошло по порученію Господа, и Павелъ еще дорогою былъ о томъ предувѣдомленъ.

[2]) Сюда относятся уже давно опровергнутое *раціоналистическое* объясненіе *Аммона* и другихъ, которые совершенно противъ яснаго смысла текста неземной яркій свѣтъ прославленнаго Богочеловѣка считаютъ молніею, по Еврейски говорящій голосъ Его—громомъ, а во всемъ прочемъ видятъ дополненіе разгоряченной восточной фантазіи. Нисколько не лучше этого недавно предложенное Бауромъ *миѳическое* пониманіе, по которому мы не должны бы видѣть въ разсказѣ никакого объективнаго явленія ни естественнаго, ни сверхъестественнаго, но только просто субъективное приключеніе, психологическій процессъ. «Свѣтъ,» говоритъ Бауръ, «есть не что иное, какъ символическо-миѳическое выраженіе сознательности дѣйствительнаго и непосредственнаго присутствія прославившагося до небесныхъ почестей Іисуса». (Pavlus стр. 68). Такой взглядъ нисколько не основывается на историческихъ данныхъ, но на бездоказательныхъ философскихъ предположеніяхъ, напр. о невозможности чуда, особенно на отверженіи воскресенія Хри-

ческомъ характерѣ событія и въ божественной дѣятельности нельзя ли допустить и психологической подготовки въ душѣ Павла; потому что вѣдь Богъ не дѣйствуетъ же на человѣка насильно-магически. Въ этомъ отношеніи обыкновенно указывали на отголосокъ мудраго совѣта его учителя Гамаліила (Дѣян. 5, 38. 39) и еще болѣе на то впечатлѣніе, которое должна была произвести на него рѣчь Стефана и просвѣтлѣвшее во время страданій лице Стефана и другихъ христіанъ, впечатлѣніе, отъ котораго онъ, быть можетъ, и думалъ освободиться еще болѣе сильнымъ преслѣдованіемъ. Но о такихъ предшествовавшихъ состояніяхъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ и Посланіяхъ Павловыхъ столькже мало сказано, сколько и о громѣ и молніи; а между тѣмъ Дѣянія Апостольскія ясно говорятъ, что онъ одобрялъ убіеніе Стефана (ἦν συνευδοκῶν 8, 1; 22, 20); да такія предварительныя состоянія совершенно противорѣчатъ сильному, рѣшительному характеру Апостола, который въ своей ревности о законѣ былъ твердо убѣжденъ, что преслѣдованіемъ христіанъ онъ угождаетъ Богу и содѣваетъ спасеніе своей душѣ, и который, кажется, только и могъ быть обращенъ или внезапно, или никакъ и никогда. На такія натуры Духъ Божій дѣйствуетъ чрезъ землетрясенія, молніи и бури, а не въ тихомъ дыханіи вѣтерка. Да, именно внезапное превращеніе ревностнаго (Зилота) Іудея въ искренно и пламенно преданнаго вѣрѣ Іисусовой христіанина объясняетъ намъ и особенность его положенія, какъ апосто-

стова, в сверхъ того Павла—этотъ умъ свѣтлый, строго-логическій и глубокоиспытующій считаетъ слѣпымъ и упорнымъ мечтателемъ, тогда какъ и Бауръ не могъ же отвергать того, что Павелъ (даже помимо разсказовъ изъ Дѣяній Апостольскихъ) по 1 Кор. 9, 1 и 15 гл. 8 ст. дѣйствительно видѣлъ Господа, что воскресеніе Христово представлялось ему самымъ сильнымъ и важнымъ изъ всѣхъ событій, и что безъ него онъ свои проповѣди и всю вѣру считалъ пустою и безполезною, а христіанъ самыми жалкими людьми (1 Кор. 15, 14—19). Что же благоразумнѣе? повѣрить ли въ простотѣ сердца яснымъ и подтвержденнымъ самыми блестящими успѣхами изреченіямъ такого человѣка и свою философію исправлять исторіею въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она противорѣчитъ послѣдней, вмѣсто того, чтобы ее совсѣмъ отвергать, или изъ угожденія все-какимъ раньше составленнымъ мнѣніямъ самую дѣятельную и благодатную жизнь, служащую вмѣстѣ съ жизнію Спасителя предметомъ исторіи, жизнь еще доселѣ проводимую милліонами лицъ въ каждодневномъ изученіи, утвержденіи и утѣшеніи, производить изъ чистѣйшихъ призраковъ фантазіи и изъ самообольщенія? Чтобы рѣшить это, не много нужно здраваго смысла.

ла язычниковъ, и представителя самаго свободнаго и въ высшей степени Евангельскаго понимания христианства. При этомъ его ветхозавѣтное вѣроисповѣданіе, ревность и энергія его воли, его искреннее, хотя неправильное стремленіе къ славѣ Божіей, къ оправданію, безъ сомнѣнія, составляли точку соприкосновенія для благодати, потому что, если бы онъ преслѣдовалъ христіанъ не по невѣдѣнію (какъ онъ самъ говоритъ 1 Тим. 1, 13), но по злости и своеволію, подобно Нерону, если бы онъ былъ просто легкомысленнымъ человѣкомъ, подобно Каіафѣ и Ироду, или лицемѣромъ, подобно Іудѣ, тогда никакое явленіе изъ міра духовъ не могло бы преобразовать его нравственный строй (сн. Лук. 16, 31). Отъ того то впослѣдствіи, когда онъ сверхъестественно уже просвѣщенъ былъ Христомъ, рѣчь Стефана, содержащееся въ ней идеальное болѣе духовное воззрѣніе на Ветхій Завѣтъ и пророческій, говорящій самъ за себя, характеръ Закона Моисеева и богослуженія должны были показаться ему въ гораздо болѣе знаменательномъ свѣтѣ и послужить основою для развитія его собственнаго понимания вѣры.

Но въ какихъ отношеніяхъ стоялъ Павелъ къ первобытному кружку Апостоловъ? То обстоятельство, что онъ прямо Христомъ былъ призванъ безъ всякаго человѣческаго посредства и самъ по себѣ по своему могъ проповѣдывать о Воскресшемъ, равно какъ блестящій успѣхъ его дѣятельности ставятъ его апостольское достоинство выше всякаго сомнѣнія. Но при этомъ или выборъ Матѳія на мѣсто предателя (Дѣян. 1, 15 и д.) нужно считать недѣйствительнымъ, или должно опустить и отвергнуть необходимость и символическое значеніе числа двѣнадцати, или наконецъ здѣсь нужно принять недостаточно уясненною особенность и независимость божественнаго домостроительства. Символическаго значенія въ числѣ «двѣнадцать» ни въ какомъ случаѣ нельзя и не слѣдуетъ отвергать, потому что оно ясно выставлено Самимъ Христомъ (Мѳ. 19, 28 и Лук. 22, 30), еще и потому, что и въ Апокалипсисѣ (21, 14) упоминается только двѣнадцать Апостоловъ Агнца. Но если сказать, что число двѣнадцать обнимаетъ собственно только Апостоловъ для проповѣди Іудеямъ, а Павелъ — есть тринадцатый, какъ самостоятельный Апостолъ,

предназначенный на дѣятельность въ мірѣ языческомъ [1]), то это уже и потому не совсѣмъ основательно, что съ одной стороны Павелъ дѣйствовалъ также и между Іудеями (сн. Дѣян. 9, 15), а съ другой Петръ и Іоаннъ впослѣдствіи времени дѣйствовали также между язычниками, какъ и Павелъ. Да вообще-то двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ представляютъ типъ не одной какой нибудь части, но всей Христовой Церкви. Отъ того-то другіе рѣшились на нѣсколько смѣлое и рѣзкое предположеніе, именно: въ выборѣ Матѳія—видѣть благовидную торопливость. Въ пользу этого можно привести 1) то, что выборъ этотъ совершился до сошествія или изліянія Святаго Духа на Апостоловъ, слѣдовательно прежде ихъ озаренія и боговдохновенности; 2) то, что онъ происходилъ безъ всякаго повелѣнія Христова, только по предложенію Петра и при чисто человѣческомъ посредствѣ; 3) что Матѳій впослѣдствіи нигдѣ ни разу не упоминается, между тѣмъ какъ Павелъ—этотъ призванный непосредственно Самимъ Господомъ безъ вѣдома или не по мысли учениковъ, органъ потрудился болѣе всѣхъ другихъ апостоловъ (1 Кор. 15, 10. 2 Кор. 11, 23). Но съ другой стороны противъ этого включенія Павла въ число двѣнадцати говоритъ то, что онъ самъ свое апостольское достоинство нигдѣ не основываетъ на открывшейся въ первенствующемъ сонмѣ Апостоловъ ваканціи вслѣдствіе предательства Іуды, или вслѣдствіе мученической кончины Іакова Старшаго; но производитъ его прямо отъ Христа, и особенно въ посланіи къ Галатамъ противопоставляетъ его, какъ самостоятельное и однородное авторитету старшихъ Апостоловъ. Во всякомъ случаѣ, такъ ли дѣло было или иначе, а весь ходъ призванія, положеніе и дѣятельность Апостола Павла имѣетъ нѣчто необыкновенное, чего нельзя ввести въ механизмъ установленнаго порядка. Отъ того-то онъ всегда и былъ главнымъ авторитетомъ и представителемъ проявленій болѣе свободнаго воззрѣнія на Церковь, ея ученіе и жизнь [2]).

---

[1]) Это мнѣніе принимаетъ *Ольсгаузенъ* въ III т. его толкованій стр. 5 и д.

[2]) Если выходить изъ строго іерархическаго римскаго ли то, или пюзеистическаго воззрѣнія, которое всегда имѣетъ въ виду внѣшнее осязательное преемство, то нельзя достаточно уяснить себѣ напр. совершеннаго неучастія Апостоловъ въ

Наконецъ, что касается хронологіи, то изъ всѣхъ опредѣленій [1]) времени обращенія Апостола Павла, имѣющихъ разницу въ десяти годахъ (отъ 31-го какъ *Бенгель* до 41-го какъ принимаетъ *Вурмъ*) намъ кажется больше всѣхъ имѣетъ за себя то, которое относитъ это событіе къ 37 году по Рождествѣ Христовомъ.

---

§ 3. Приготовленіе Павла къ апостольской дѣятельности.

Ап. Павелъ ужъ дошелъ до того состоянія, въ которомъ, не

освященіи Павла по его обращеніи (Дѣян. 9, 17), и при его отправленіи къ язычникамъ въ антіохійское общество (13, 3). По причинѣ божественнаго особеннаго призванія своего и дальнѣйшей независимости своей въ дѣйствіяхъ Апостолъ Павелъ есть, такъ сказать, прототипъ (первообразъ) Евангельскаго протестантизма, который, будучи искаженіемъ ученія Святаго Павла, все еще доселѣ главнымъ образомъ основывается на немъ, подобно тому, какъ католичество на Петрѣ. Какъ бы то ни было, а есть доля правды въ словахъ д. *Ланге* (Seschichte der Apost. Zeitalt 1, 366), который говоритъ: двѣнадцать Апостоловъ вообще служатъ представителями *консервативнаго направленія* въ церкви, а Апостолъ Павелъ — *прогрессивнаго*; онъ первый положилъ начало развитію Церкви, всестороннему изслѣдованію христіанскаго начала и постоянному углубленію въ его свойства и духъ; и такое значеніе первыхъ и послѣдняго проходитъ по всей церковной исторіи.

[1]) Наши основанія въ пользу этого слѣдующія: 1) то выраженіе Павла, будто онъ спустя три года по обращеніи избѣжалъ въ Дамаскѣ поисковъ Эѳнарха царя Ареты (2 Кор. XI, 32,) не приводитъ ни къ какой опредѣленной мысли, потому что наши свѣдѣнія о времени существованія и кончины этого Ареты и исторія Дамаска слишкомъ неопредѣленны и темны. Только-то хорошо извѣстно, что обращеніе Павла нужно принимать случившимся не раньше 37-го года, такъ какъ Арета не могъ вступить въ управленіе этимъ городомъ раньше смерти Тиверія (въ 37 г.) (объ этомъ у *Визелера* стр. 167—175). 2) Обращеніе можетъ быть случилось вскорѣ послѣ смерти Стефана, которую полагаютъ,—на основаніи своевольнаго поведенія и анархіи, бывшихъ тотчасъ по отставкѣ Пилата,—въ 36 году или въ началѣ царствованія Калигулы (съ 37 г.), заявившаго себя на первомъ году мягкосердымъ къ своимъ подданнымъ, какъ ясно замѣчаетъ объ этомъ *Іосифъ* (Antiq. XVIII, 8, 2). 3) Болѣе вѣрный исходный пунктъ даетъ намъ *второе* путешествіе Апостола Павла въ Іерусалимъ (Дѣян. 11, 29. 30), которое не можетъ быть раньше 44 или 45 года, такъ какъ въ этотъ годъ случился голодъ въ Палестинѣ, подавшій поводъ Павлу и Варнавѣ отправиться туда съ сборомъ милостыни и пожертвованіями. Между этимъ и первымъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (9, 26 ст.) упомянутымъ путешествіемъ Павлонымъ въ Іерусалимъ нужно положить промежутокъ около четырехъ или пяти лѣтъ; такъ какъ Апостолъ въ этотъ промежутокъ цѣлый годъ провелъ въ Антіохіи (11, 26), и, вѣроятно, отъ двухъ до трехъ лѣтъ въ Сиріи и Тарсѣ (9, 30. Гал. 1, 21), и нѣсколько времени употребилъ на путешествія. Если бы первое путешествіе падало на 40-й годъ, тогда бы опредѣлился и годъ обращенія, потому что оно, по показанію Гал. 1, 18 ст., случилось тремя годами раньше, слѣдовательно въ 37 году. Впрочемъ, и это счисленіе въ свою очередь неубѣдительно и несостоятельно потому, что продолжительность пребы-

совѣтуясь съ плотію и кровію, безусловно и съ радостію на всю жизнь обрекъ себя на служеніе Искупителю и посвятивши себя этому служенію, все, что прежде было его гордостью и славою, онъ считалъ ничего не стоющимъ, сравнительно съ весьма высокимъ познаніемъ Іисуса Христа—своего Господа (Фил. 3, 4—9). Еще во время видѣнія на пути въ Дамаскъ былъ къ нему зовъ: «Я посылаю тебя въ среду язычниковъ (Дѣян. 26, 17 и д. сн. 9, 15,) но впервые то вслѣдствіе еще болѣе яснаго откровенія въ храмѣ (22, 17—21) онъ выступилъ семью годами позже въ 44 г. формально, какъ апостолъ язычниковъ съ самостоятельною властію и авторитетомъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ служилъ Господу, частію посредствомъ скромнаго приготовленія, частію въ второстепенномъ положеніи какъ простой «пророкъ» и «учитель» (13 гл. 1). Послѣ такого сильнаго потрясенія его самой внутренней основы и жизни онъ долженъ былъ еще сильнѣе ощутить потребность въ тихой переработкѣ воспринятыхъ впечатлѣній. Поэтому когда въ теченіи нѣсколькихъ дней укрѣпился (Дѣян. 9, 19) чрезъ обращеніе съ христіанами въ Дамаскѣ, онъ отправился въ пограничную часть Аравіи пустой, вѣроятно, въ

ванія въ Тарсѣ не обозначена ни Лукою, ни Павломъ, а догадки-то здѣсь разногласятъ, такъ напр. *Ангеръ* полагаетъ два года, а *Шрадеръ* и *Визелеръ* только полгода. 4) Кажется всего вѣрнѣе ведетъ къ цѣли лѣтосчисленіе, помѣщенное въ посл. къ Галатамъ (2, 1 ст.), по которому Апостолъ ходилъ «опять въ Іерусалимъ спустя четырнадцать лѣтъ». Если считать вмѣстѣ съ большею частію толкователей эти годы отъ обращенія, какъ главнаго года въ эпохѣ и подъ упомянутымъ здѣсь путешествіемъ разумѣть его путешествіе на Апостольскій соборъ (гл. 15), который, по довольно вѣрному счисленію, приходится въ 50 или 51 году, то мы опять получимъ 37 годъ, какъ самый позднѣйшій предѣлъ для его обращенія. Впрочемъ и это соображеніе легко можетъ быть оспариваемо, такъ какъ хронологи и толкователи разногласятъ, какъ о томъ, должно ли считать четырнадцать лѣтъ съ его обращенія, или отъ перваго путешествія въ Іерусалимъ (Гал. 1, 18), такъ и о томъ, подъ упоминаемымъ въ посланіи къ Галатамъ (2, 1) путешествіемъ должно ли разумѣть второе (Дѣян. 11, 30. 12, 25) или третье (гл. 15), или четвертое (18, 21. 22). *Визелеръ* напр. старается (стр. 179—208) подробно доказать, что Павелъ (Гал. 2) имѣетъ въ виду четвертое путешествіе въ Іерусалимъ (Дѣян. 18, 22) и такъ какъ это путешествіе, по его мнѣнію, было въ 54 году, то за вычетомъ четырнадцати лѣтъ, согласно съ другими своими выкладками, онъ считаетъ 40-й годъ годомъ обращенія Апостола. Но очень трудно принять, чтобы Павелъ въ посланіи къ Галатамъ ни слова не сказалъ о путешествіи на Апостольскій соборъ въ тотъ разъ, когда происходилъ описанный въ посланіи къ Галатамъ (2 гл.) споръ. См. объ этомъ ниже.

ту страну, которая нынѣ называется Сирійскою пустынею и прожилъ тамъ довольно не мало времени. Цѣлью этого упомянутаго самимъ Павломъ (Гал. 1, 17) путешествія была вовсе не проповѣдь Евангелія между тамошними іудеями; по крайней мѣрѣ до насъ не дошло ни малѣйшихъ слѣдовъ о такой дѣятельности,—но не развлекаемое ничѣмъ приготовленіе его къ высокому и святому служенію. Такимъ образомъ пребываніе это принадлежитъ болѣе ко внутренней частной жизни апостола. Этимъ-то и объясняется всего проще молчаніе Дѣяній апостольскихъ. Уединеніе было для него чѣмъ-то въ родѣ вознагражденія за трехлѣтнее личное обращеніе другихъ апостоловъ съ самимъ Господомъ. Безъ сомнѣнія, Павелъ посвящалъ себя тамъ молитвѣ и размышленію, изученію христіанскаго преданія и Ветхаго Завѣта, на который онъ сталъ смотрѣть совершенно другими глазами, какъ на всегдашнее и ясное свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ, и чрезъ внутреннее вотровеніе получалъ болѣе и болѣе глубокое рѣшеніе на вопросъ о сущности и связи евангельскаго ученія о спасеніи съ Ветхозавѣтнымъ ученіемъ.

Изъ Аравіи онъ возвратился въ Дамаскъ (Гал. 1, 17), для того чтобы засвидѣтельствовать объ Іисусѣ, какъ о Мессіи, и именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его впервые объялъ необычайный свѣтъ, и чтобы основать церковь тамъ, гдѣ хотѣлъ искоренить ее до основанія. Его проповѣдь возбудила сильное негодованіе въ Іудеяхъ, которые потеряли въ немъ самаго даровитаго и ревностнаго поборника. Они раздражили противъ него намѣстника Ареѳы царя Аравійскаго, такъ что этотъ поставилъ стражу у воротъ города съ цѣлію схватить Павла. Но вѣрные спасли жизнь Апостола, который только что предназначался къ самой важной служебной дѣятельности и также далекъ былъ отъ мечтательнаго презрѣнія смертію, какъ и отъ боязни смерти; они ночью въ корзинѣ спустили его сквозь какое-то отверстіе въ стѣнѣ, вѣроятно, чрезъ окно пристроеннаго къ городской стѣнѣ дома (1)

(1) Сп. 9 гл. 23—25 стихи Дѣян. Апост. съ согласнымъ съ ними собственнымъ замѣчаніемъ Павла (2 Кор. 11, 32. 33), гдѣ встрѣчаются впрочемъ очень легко примиримыя разности: именно въ томъ, что по словамъ Луки, Іудеи, а по свидѣтельству Павла, Эѳнархъ (т. е. оба за одно другъ съ другомъ) взялись карау-

Вотъ въ это-то время Павелъ въ *первый разъ* явился *христіаниномъ* въ Іерусалимѣ къ первому по времени христіанскому обществу, и притомъ, какъ онъ самъ же говоритъ [1]), спустя три года по своемъ обращеніи, слѣдовательно, по нашему лѣтосчисленію, въ 40-мъ году. Его главною цѣлію было лично познакомиться съ ап. Петромъ представителемъ миссіи между іудеями и всего церковнаго устройства. Онъ хотѣлъ войти въ дружескія отношенія и довѣріе у братьевъ; но тѣ съ самаго начала отвратились отъ него и сомнѣвались въ искренности обращенія (Дѣян. 9, 26). Не нужно удивляться сему, потому что его гоненіе на Церковь было еще въ свѣжей памяти; а что случилось съ нимъ послѣ того, это вѣроятно еще мало было извѣстно въ Іерусалимѣ, такъ какъ онъ по обращеніи своемъ весьма не мало времени провелъ въ Аравіи. На счетъ его Апостольскаго служенія должны были возникнуть еще особенныя сомнѣнія, такъ какъ сами Апостолы число двѣнадцать уже восполнили избраніемъ Матѳія, и только особое откровеніе или короткое личное знакомство, а особенно чрезвычайный успѣхъ его дальнѣйшей дѣятельности могли убѣдить ихъ въ томъ, что этотъ прежде бывшій врагъ христіанъ избранъ былъ на такое видное служеніе [2]). Это подозрѣніе братіи должно было быть для Апостола строгимъ испытаніемъ; но терпѣливымъ перенесеніемъ онъ и доказалъ дѣйствительность

литъ у воротъ города. Этотъ и другіе случаи ненамѣреннаго согласія Луки съ Павловыми посланіями въ разсказахъ незначительныхъ историческихъ обстоятельствъ, равно какъ весьма сильные слѣды его точныхъ свѣдѣній о тогдашнихъ современныхъ ему отношеніяхъ дѣлаютъ рѣшительно невозможною Баурову гипотезу о позднемъ составленіи Дѣяній Апостольскихъ во второмъ столѣтіи.

[1]) Гал. 1, 18. Лука имѣетъ въ пользу этого (Дѣян. 9, 23) конечно не довольно опредѣленное, но нисколько не противорѣчащее выраженіе ἡμέραι ἱκαναί, не мало времени, по какому поводу Бауръ въ Тюбингенѣ (стр. 106) при чтеніи разражается остротами! Если бы Дѣянія Апостольскія были составлены, какъ принимаетъ Бауръ, въ началѣ втораго вѣка; тогда Писателю ихъ, для своей собственной пользы, было бы весьма легко обезопасить себя отъ такихъ упрековъ, такъ какъ тогда у него предъ глазами уже было точное показаніе посланія къ Галатамъ. Въ пользу преднамѣреннаго искаженія, которымъ этотъ критикъ хотѣлъ заклеймить эти и подобныя, ничего неговорящія, разности здѣсь рѣшительно нельзя представить себѣ никакого основанія.

[2]) Съ самаго начала въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, гдѣ Павелъ и Варнава упоминаются вмѣстѣ, имя Варнавы ставится напереди имени Павла 11, 30; 13, 2; и даже на соборѣ Апостольскомъ (15, 12). Но между тѣмъ уже въ той же главѣ ст. 2 и 22 и еще въ 13 гл. 43. 46. 50. встрѣчается обратная разстановка именъ.

своего обращенія. Варнава, свободно мыслящій Еллинистъ, быть можетъ еще прежде познакомившійся съ нимъ, взялся быть посредникомъ, представилъ его Петру и Іакову брату Господню, и разсказалъ имъ о бывшемъ ему явленіи Христа и его откровенномъ исповѣданіи Іисуса въ Дамаскѣ. Кромѣ этихъ Павелъ тогда никого не видалъ изъ апостоловъ [1]). Быть можетъ, другіе отлучились на проповѣдь по странѣ. Онъ прожилъ у Петра пятнадцать дней (Гал. 1, 18), до тѣхъ поръ пока заговоръ противъ него Еллинистовъ, съ которыми онъ вступалъ въ разсужденія (Дѣян. 9, 29) какъ дѣлалъ прежде него Стефанъ, не заставилъ его для безопасности удалиться оттуда. Безъ сомнѣнія, ап. Павелъ говорилъ съ ап. Петромъ о жизни и ученіи Іисуса, объ отношеніи Евангелія къ закону и о распространеніи Церкви. Но неизвѣстно, въ какой мѣрѣ они уже тогда объяснились на счетъ своихъ основоположеній. Можетъ быть, это свиданіе, по волѣ Промысла, послужило къ тому, чтобы нѣкоторымъ образомъ настроить Петра на болѣе свободное воззрѣніе о призваніи язычниковъ; потому что обращеніе Корнелія послѣдовало нѣсколько позднѣе этого свиданія. Петръ съ своей стороны могъ быть полезенъ Павлу на счетъ того, что̀ касалось историческаго преданія Христовой вѣры. Впрочемъ Павлу это въ сущности было, конечно, извѣстно еще раньше, частію изъ бесѣдъ съ Ананіею и другими христіанами, частію по откровенію свыше [2]). Что же касается пониманія Евангелія, обнаруживающагося въ посланіяхъ и убѣжденія въ его призваніи въ *Апостолы язычниковъ;* то это нужно представлять себѣ нимало независящимъ отъ какого нибудь человѣческаго наставленія. Потому что онъ ясно говоритъ въ посланіи къ Галатамъ (1, 11. 12. 16), что онъ получилъ ученіе не отъ человѣка, но по непосредственному откровенію отъ Іисуса Христа, для того, чтобы проповѣдывать его язычникамъ [3]). Это внутреннее озареніе и просвѣщеніе

[1]) Какъ онъ ясно замѣчаетъ Гал. 1, 19; этимъ мѣстомъ можно опредѣлить довольно неточное показаніе Дѣяній Апостольскихъ 9, 27. πρὸς τοὺς ἀποστόλους «къ Апостоламъ».

[2]) Такъ напр. свои свѣденія объ установленіи Евхаристіи онъ производитъ (1 Кор. 11, 23) отъ Господа; при этомъ предлогъ ἀπὸ конечно не долженъ подобно παρὰ означать непосредственнаго источника, но можетъ указывать только на источникъ посредственный (чрезъ преданіе).

[3]) См. ученыя замѣтки д. Неандера «объ источникахъ христіанскихъ свѣденій Павла» въ его Apostel-geschichte 1, стр. 166—176.

отъ Духа Святаго мы должны представлять себѣ въ Павлѣ, равно какъ и въ прочихъ Апостолахъ въ Пятидесятницу,—*центральнымъ* и *начальнымъ*, которое на первый разъ заключало для него общее, опытное уразумѣніе христіанской истины, особенно ученія о Іисусѣ, какъ Мессіи, какъ живомъ Источникѣ спасенія и сообщало ему новое воззрѣніе на міръ и жизнь. Этимъ, конечно, не исключались дальнѣйшія особыя откровенія Духа касательно отдѣльныхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія и практики, потому что вдохновеніе Апостоловъ вообще нужно представлять себѣ не только однократнымъ дѣйствіемъ, но и постояннымъ состояніемъ съ различными степенами силы, опредѣляемыми нуждою и потребностью. Ап. Павелъ ясно говоритъ о многихъ бывшихъ ему откровеніяхъ (2 Кор. 12, 1. 7) и умѣетъ отличать отъ этого собственное свое мнѣніе, которое онъ образовалъ себѣ путемъ размышленій и умозаключеній (1 Кор. 7, 6. 25). Такъ во время перваго, по обращеніи его, посѣщенія Іерусалима, онъ за молитвою въ храмѣ былъ восхищенъ Духомъ и ему было Господомъ заповѣдано немедленно оставить Іерусалимъ и проповѣдывать Евангеліе дальнимъ языческимъ народамъ (Дѣян. 22, 17—21).

Послѣ этого двух-недѣльнаго пребыванія ап. Павелъ въ сопровожденіи братіи отправился въ Кесарію, а оттуда въ Сирію и на свою родину—въ городъ Тарсъ (Дѣян. 9, 30. Гал. 1, 21). Безъ сомнѣнія, онъ проповѣдывалъ Евангеліе въ Киликіи. Потому что по Дѣян. 15, 23. 41. тамъ уже были христіанскія общины, когда онъ снова пришелъ туда во второе свое путешествіе съ проповѣдію, хотя въ первое-то миссіонерное путешествіе не посѣтилъ ее. Послѣ того какъ онъ нѣсколько (около двухъ или трехъ) лѣтъ трудился на своей родинѣ, Варнава вызвалъ его въ Антіохію (11, 26), гдѣ въ это время составлялась первая изъ обратившихся язычниковъ и Іудеевъ Церковь и открылось новое славное поприще для распространенія царства Божія. Въ этой первой между язычниками христіанской общинѣ Ап. Павелъ нашелъ центръ для своей дѣятельности, которую только теперь онъ началъ открыто въ громадныхъ и обширныхъ размѣрахъ.

---

§ 4. Второе путешествіе Павла въ Іерусалимъ. — Гоненіе на тамошнюю церковь (въ 44 г.).

Вскорѣ послѣ того, какъ Павелъ цѣлый годъ съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ Антіохіи, какъ «пророкъ» и «учитель» (Дѣян. 11, 26; 13, 1), въ правленіе Императора Клавдія въ 44 или 45 г. наступилъ страшный голодъ въ Палестинѣ [1]). Это подало поводъ Антіохійской церкви, раньше изъ Іерусалима предувѣдомленной объ этомъ несчастіи чрезъ пророка Агава, послать въ Іудею Варнаву и Павла съ вспоможеніемъ нуждающейся братіи и въ этомъ нѣкоторымъ образомъ принести имъ дань благодарности за полученные отъ нихъ дары духовные (11, 29. 30) [2]). Это-то и есть второе послѣ обращенія путешествіе Апостола Павла въ Іерусалимъ. Тамошняя церковь Христова въ теченіи почти семи лѣтъ жила въ мирѣ (сн. 9, 31), какъ вдругъ царь Иродъ Агриппа, по язычески мыслящій, любимецъ Римской куріи, изъ угожденія народу приказалъ обезглавить Іакова старшаго (брата Іоаннова), который, какъ одинъ изъ сыновей Грома, вѣроятно, смѣлымъ исповѣданіемъ раздражилъ фанатиковъ-Іудеевъ. Такимъ образомъ изъ сонма Апостоловъ убылъ одинъ (12, 2) [3]). Подобной участи Иродъ Агриппа хотѣлъ подвергнуть и Ап. Петра и притомъ въ праздникъ Пасхи, для того чтобы доставить толпѣ народной пріятное для ней зрѣлище. Но чуднымъ дѣйствіемъ Промысла Ап. Петръ былъ

---

[1]) Дѣян. 11, 28 согласно съ точнымъ показаніемъ Іосифа въ «Археологіи» В. XX, с. 2. § 5 и XX, 5, 2. Чрезъ это мы получаемъ твердую хронологическую основу, но съ тѣмъ различіемъ, что Іосифъ этотъ годъ признаетъ 45-мъ, а по разсказу Луки онъ 44, такъ какъ въ промежутокъ между путешествіемъ Павла вслѣдствіе голода и его возвращеніемъ изъ Іерусалима онъ относитъ смерть царя Агриппы, которая, какъ извѣстно, падаетъ на 44 годъ, и такъ какъ онъ ясно замѣчаетъ, что оба эти событія случились почти въ одно время сн. Дѣян. Апост. 11, 30; и 12, 25.

[2]) Іудейскій историкъ говоритъ, что тогда многіе умерли съ голоду и что царица Елена Адіабенская, Прозелитка, и ея сынъ царь Идатъ послали въ Іерусалимъ хлѣба, смоквъ и денегъ, для того, чтобы уменьшить нужды бѣдныхъ и голодныхъ.

[3]) Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно ничего достовѣрнаго о дѣятельности этого Апостола состоявшаго въ числѣ трехъ любимыхъ учениковъ Іисусовыхъ. Климентъ Александрійскій (у Евсев. Hist. Eccl. 11, 9) разсказываетъ, что обвинитель Іакова на пути къ мѣсту суда, мучимый совѣстію принялъ Христову вѣру и испросилъ отъ него прощеніе, на что Іаковъ сказалъ ему: «да будетъ миръ съ тобою» и далъ ему братское лобзаніе и обвинитель умеръ мученической смертію вмѣстѣ съ невинно осужденнымъ.

освобожденъ изъ темницы; вслѣдъ за тѣмъ оставилъ Іерусалимъ,—центръ своей бывшей доселѣ дѣятельности и поручилъ общину другому Іакову, который до самой смерти былъ въ ней предстоятелемъ (12, 3—19). Вмѣсто его вскорѣ послѣ этихъ событій померъ въ Кесаріи самъ Агриппа, и притомъ, подобно своему дѣду Ироду Великому, самою страшною смертію (Дѣян. 12, 20—23),—во время праздника бывшаго въ честь Императора, послѣ того какъ приказалъ народу въ театрѣ величать себя богомъ. Смерть эта случилась осенью 44 года [1]). Вѣроятно, слѣдствія этого гоненія на Христіанъ продолжались до времени втораго путешествія Павлова, и отъ того-то дольше оставаться тамъ въ это время для него было не безопасно. И Лука намекаетъ на то, что довѣренные отъ Антіохійскихъ Христіанъ Варнава и Савлъ по исполненіи порученія тотчасъ возвратились и въ это же время взяли съ собою Іоанна Марка,—двоюроднаго брата Варнавѣ (12, 25 [2]). Этимъ всего лучше объясняется то, что Павелъ ни слова не сказалъ объ этомъ путешествіи въ посланіи къ Галатамъ [3]).

§ 5. Первое *миссіонерное* путешествіе Павла и Варнавы. (45 г.)

Вскорѣ по возвращеніи пословъ пророки и учители Антіохійской церкви, изъ которыхъ вмѣстѣ съ Симеономъ Нигеромъ, Люціемъ и Манаемомъ упоминается по имени и Варнава и Савлъ, среди поста и молитвы объ озареніи ихъ на распространеніе царства Божія получили откровеніе чрезъ возложеніе рукъ посвятить двоихъ послѣднихъ на проповѣдь и отправить ихъ (13, 1—13). Такимъ образомъ Павелъ и Вар-

---

[1]) Это *второе* вѣрное опредѣленіе времени въ жизни Павла видно изъ выше приведеннаго мѣста Дѣяній Апостольскихъ въ связи съ показаніемъ *Іосифа* (Antiqu. XIX, 8. 2. См. объ этомъ у *Визелера* стр. 129 и д., который думаетъ опредѣлить даже день смерти Агриппы (6-го Августа).

[2]) Извѣстный Евангелистъ-благовѣстникъ. Его первоначальное еврейское имя *Іоаннъ* (Дѣян. 12, 12. 25; 15, 37; 13, 5. 13), впослѣдствіи, когда онъ выступилъ на миссіонерную дѣятельность среди заграничныхъ жителей, совсѣмъ уступило мѣсто римскому имени Марка (15, 39. Кол. 4, 10. Филим. 24, 2 Тим. 4, 11. I Петр. 5, 13), точно также какъ это случилось съ именемъ Савла,— доказательство въ пользу правильности нашего объясненія (см. прим. 1-е въ 1 параграфѣ).

[3]) Правда, нѣкоторые толкователи и хронологи (*Кальвинъ*, *Кюнëль*, *Павлюсъ*, *Флаттъ*, *Фрицше* и др.) принимали, что Павелъ въ посланіи къ Гал. (2, 1) разумѣетъ именно это второе путешествіе въ Іерусалимъ, что слѣдовательно уже

нава въ сопровожденіи Марка съ уполномочіемъ этой церкви и по порученію свыше отъ Святаго Духа отправились прямо на островъ Кипръ, на родину Варнавы, гдѣ прежнія его связи обѣщали доставить благосклонный пріемъ ихъ проповѣднической дѣятельности. Это *первое* изъ трехъ главныхъ миссіонерныхъ путешествій Павла, описанныхъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ. Они прошли весь островъ отъ востока къ западу, отъ Саламиса до Паѳоса. При этомъ они шли по пути, указанному имъ самою исторіею; они прежде всего обращались къ Іудеямъ (13; 5, 14; 1). Во первыхъ потому, что синагоги представляли самое удобное и приличное мѣсто и господствующая тамъ свобода рѣчи давала самый лучшій способъ къ проповѣди Евангелія. Во вторыхъ потому, что онѣ были оазисами истиннаго Богопознанія среди пустынь и пустоты идолопоклонства, и вмѣстѣ съ тѣмъ сборными мѣстами тѣхъ благочестивыхъ пришельцевъ вратъ, которые занимали средину между Іудеями и язычниками, слѣдовательно какъ нельзя лучше могли быть посредниками при возвѣщеніи Евангелія язычникамъ. Но наконецъ и главнымъ образомъ Іудеи, въ силу своего особеннаго положенія въ исторіи религіи и дарованныхъ имъ ясныхъ обѣтованій истиннаго Бога, имѣли, такъ сказать, прежде всѣхъ право на Евангеліе (Дѣян. 13, 46. 18, 6. Рим. 1, 16. сн. Іоан. 4, 22.). Павелъ не смотря на всѣ постигавшія его гоненія былъ постоянно воодушевленъ искреннею и скорбящею любовію къ своимъ соотечественникамъ, и надеждою на имѣющее когда нибудь послѣдовать обращеніе ихъ (Рим. 11, 26),— даже желалъ, подобно Моисею (сн. Исх. 32, 32) быть отлученнымъ отъ Христа (т. е. не отъ святой воли, что было бы безбожно, но отъ божественнаго общенія со Христомъ), если бы только такою трудною и великою жертвою могъ онъ содѣйствовать вѣрѣ и спасенію своихъ невѣрующихъ братьевъ по плоти; но это, конечно, было невозможно (Рим. 9, 1—3). Такая любовь дѣйствительно приводитъ на память самопожертвованіе Спасителя, Который добровольно оставилъ престолъ своего небеснаго Отца, сдѣлался за насъ клятвою (Гал. 3, 13) и

тогда происходили важные переговоры между имъ и апостолами для іудеевъ. Но эта мысль, помимо другихъ затрудненій, уже хронологически рѣшительно несостоятельна, такъ какъ догадка τεσσάρων вмѣсто δεκατεσσάρων не имѣетъ въ свою пользу ни одного свидѣтеля изъ критиковъ.

умеръ на крестѣ позорною смертію для того, чтобы развратившемуся міру даровать жизнь и спасеніе. Вслѣдствіе такой дѣятельности Павловой почти въ каждой изъ основанныхъ имъ общинъ вмѣстѣ славословили Христа Іудеи и язычники. Да, уже въ первое его путешествіе обнаружилась большая воспріимчивость со стороны язычниковъ. Тамъ, гдѣ не жили Іудеи, или, покрайней мѣрѣ, не было синагогъ, какъ напр. въ Листрѣ, Апостолы вѣропроповѣдники на площадяхъ и улицахъ вступали въ разговоры съ отдѣльными лицами, до тѣхъ поръ пока изъ любопытства не собиралась около нихъ большая толпа народу, и разговоръ могъ перейти въ формальную проповѣдь.

Что же касается важнѣйшихъ событій и успѣховъ этого, такъ называемаго, *перваго миссіонернаго* путешествія, то Лука упоминаетъ только объ обращеніи Римскаго проконсула Сергія Павла, имѣвшаго мѣстопребываніе въ Паѳосѣ [1]). Этотъ человѣкъ, въ то время когда невѣріе и суевѣріе такъ близко граничили другъ съ другомъ, предался было обольщеніямъ Іудейскаго лжепророка, по имени Баръ Іисуса [2]), но, не довольный имъ, онъ желалъ по крайней мѣрѣ послушать христіанскихъ проповѣдниковъ. Подобно тому, какъ Петръ противъ сроднаго съ Баръ Іисусомъ по духу Симона Мага, такъ и Павелъ—гнѣвнымъ судіею выступилъ противъ этого обманщика, желавшаго воспрепятствовать успѣхамъ его про-

---

[1]) Островъ Кипръ былъ тогда сенаторскою провинціею и по этому состоялъ подъ властію проконсула (ἀνθύπατος), между тѣмъ какъ намѣстникъ Императорской провинціи назывался propraetor или „legatus Caesaris“ (ἀντιστρατηγός). Что Дѣянія Апостольскія строго наблюдаютъ это различіе въ терминологіи (19, 38; 18, 12; ср. Лук. 2, 2), это служитъ однимъ изъ многихъ доказательствъ въ пользу историческаго ея характера и ранняго происхожденія. См. у *Визелера* стр. 224 и особенно у *Толукка* „Glaubwürdigkeit d. evang. Geschichte“ стр. 171. и д.

[2]) Подобно ему и волхвъ Александръ изъ Абонотейхоса (маленькаго городка Пафлагонскаго) имѣлъ успѣхъ при Маркѣ Авреліи и входъ къ весьма именитымъ Римлянамъ; особенно былъ принимаемъ государственнымъ человѣкомъ Рутиліаномъ. Такъ разсказываетъ *Лукіанъ* въ своей, посвященной Цельсу, брошюрѣ объ этомъ человѣкѣ (гл. 20), котораго онъ называетъ стольже великимъ обманщикомъ, сколь великимъ героемъ былъ Александръ Македонскій. Хотя Лукіанъ многое выдумывалъ и раскрашивалъ, но все-таки въ общемъ-то предлагаетъ снятую съ натуры картину нравовъ въ его время. Да и то, что разсказываетъ *Іосифъ* о вліяніи Симона Кипрскаго волхва на Римскаго прокуратора Феликса (Antiqu. XX. 7, 2), служитъ къ подтвержденію повѣствованія книги Дѣяній Апостольскихъ.

повѣди, грозившей его ремеслу, и поразилъ его слѣпотою. Это внезапное чудесное наказаніе рѣшило обращеніе проконсула въ христіанство.

Изъ Кипра вѣропроповѣдники поплыли далѣе къ сѣверу въ Пергію, въ Памфилію, гдѣ Маркъ отсталъ отъ нихъ и отправился въ Іерусалимъ (Дѣян. 13, 13), вѣроятно отъ того, что истомился отъ трудовъ и сильно тосковалъ о родинѣ, но, быть можетъ, также и отъ того, что какъ ученикъ Петра и членъ Іерусалимской церкви, составившейся изъ строгихъ Іудеевъ, онъ не могъ освоиться и помириться съ довольно свободною дѣятельностію апостола язычниковъ (см. 15, 37. 38). Изъ Пергіи они отправились въ Антіохію Писидійскую. Здѣсь Павелъ въ субботу въ Синагогѣ, по приглашенію Начальниковъ, говорилъ рѣчь, исполненную мудрости, увлекательности и силы (13, 14—41). Въ этой рѣчи онъ изобразилъ благодатныя отношенія Божіи къ Израилю,—возвѣстилъ явленіе Мессіи изъ рода Давидова, Его смерть и воскресеніе, указалъ на вѣру въ Него, какъ на условіе прощенія и оправданія, и закончилъ ее грознымъ предостереженіемъ противъ невѣрія. Эта проповѣдь произвела впечатлѣніе и Апостола просили въ слѣдующую субботу [1]) изложить его ученіе поподробнѣе. Въ этотъ промежутокъ времени воспріимчивые между Іудеями и прозелитами поточнѣе разузнавали объ ученіи, такъ что вѣсть о Евангеліи распространилась по всѣмъ домамъ и въ наступающую субботу собрался въ Синагогѣ весь городъ — даже и язычники. Это возбудило зависть въ Іудеяхъ высоко мечтавшихъ о своемъ происхожденіи и привиллегіяхъ, и они прерывали проповѣдь Павла частыми противорѣчіями и ругательствами. Тогда онъ объяснился съ ними въ такихъ словахъ: по Божію усмотрѣнію и по своему апостольскому долгу мы обязаны вамъ прежде всѣхъ возвѣстить слово Божіе. Но такъ какъ вы его отвергаете отъ себя и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни, то вотъ, смотрите, мы теперь обращаемся къ язычникамъ, по пророчеству (Ис. 49, 6), что Мессія

[1]) Предлогъ μεταξύ ст. 42 очевидно также долженъ указывать подобно частицамъ ἑξῆς или μετέπειτα на послѣдовательность, какъ это видно и въ позднѣйшихъ хорошихъ сочиненіяхъ напр. у *Іосифа* (de bello Ind. V, 4, 2). Объясненіе «въ теченіе недѣли» опровергается 44-мъ стихомъ.

долженъ быть свѣтомъ и источникомъ блаженства для народовъ до послѣдняго края земли. Тогда возрадовались язычники; многіе изъ нихъ увѣровали, и слово Божіе распространялось по всей странѣ Писидійской. Но фанатики жиды съумѣли подстрекнуть почетныхъ женщинъ расположенныхъ къ Іудейству, а чрезъ нихъ и ихъ мужей, и выгнали Павла и Варнаву.

Они отправились теперь далѣе къ востоку въ Иконію, лежащую при подошвѣ Тавра [1]), бывшую тогда главнымъ городомъ въ Ликаоніи. Но такъ какъ они дѣйствовали здѣсь довольно не мало времени съ большимъ успѣхомъ, то и вынуждены были удалиться оттуда, потому что невѣрующіе іудеи посягали на ихъ жизнь. Отправились въ Листру и Дервію— Ликаонскіе города. Чудесное исцѣленіе Павломъ въ Листрѣ невладѣвшаго ногами надѣлало много шуму между жителями-язычниками, у которыхъ по причинѣ ихъ разобщенности еще жила непоколебимою древняя миѳологическая народная вѣра. Они думали, что боги, которые, какъ гласятъ сказки, нѣкогда были радушно приняты въ этой странѣ набожными супругами Филимономъ и Бавцидою [2]), снизошли въ человѣческомъ образѣ съ неба и щедро оказываютъ теперь благодѣянія. Варнава старшій годами, вѣроятно и по внѣшности болѣе представительный показался имъ богомъ покровителемъ ихъ-Юпитеромъ, которому былъ посвященъ храмъ вблизи города, а Павелъ постоянно проповѣдовавшій и имѣвшій даръ убѣдительнаго слова и притомъ краснорѣчиваго не для блеску и мимолетнаго эффекта, но состоявшаго въ явленіи духа и силы (1 Кор. 2, 4) [3]), показался имъ вѣстникомъ боговъ, Меркурі-

---

[1]) Въ настоящее время Кони (Konieh) мѣстопребываніе турецкаго паши.

[2]) Ouid. Metamorph. VIII, 611 и дал. Изъ этой страны вышелъ извѣстный волшебникъ Аполлоній Тіанскій, котораго его земляки, по свидѣтельству Филострата, считали за сына Юпитерова.

[3]) Какъ объ этомъ достаточно говорятъ его рѣчи, записанныя въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, напр. рѣчь въ Аѳинахъ, и его посланія напр. Рим. 8, 31—39 и 1 Кор. 13., которыя принадлежатъ къ весьма замѣчательнымъ и высокимъ явленіямъ во всей исторіи краснорѣчія и поэзіи. Правда, Ап. Павелъ передаетъ (2 Кор. 10, 10) взглядъ одного человѣка на него: «онъ въ письмахъ строгъ и силенъ, а на очной ставкѣ и въ разговорѣ слабъ и небоекъ (ἀσθενής) и рѣчь его низка (ἐξουθενημένος)». Но этотъ взглядъ есть поверхностное сужденіе, потому что тогда извращенный вкусъ требовалъ отъ рѣчи внѣшняго блеска и витіеватости позднѣй-

емъ [1]). Уже жрецъ привелъ и быковъ для того, чтобы принести жертву этимъ мнимымъ богамъ; но Павелъ и Варнава въ гнѣвѣ на такое идолопоклонническое поведеніе разорвали на себѣ одежды, бросились въ толпу и отъ суетныхъ идоловъ отвлекали ее и указывали ей на живаго Бога—Творца всего и подателя всѣхъ благъ (14, 8—18).

Такимъ грубымъ, чувственнымъ суевѣріемъ этихъ язычниковъ легко объясняется то явленіе, что они отъ идолопоклонства скоро переходили въ другую крайность—въ фанатическую ненависть къ врагамъ своихъ боговъ. Павла, по наущенію жидовъ, пришедшихъ изъ Писидійской Антіохіи и Иконіи, во время народнаго волненія били камнями, и еле-живаго вытащили изъ города, но онъ поправился отъ изнуренія и побоевъ, и остатокъ дня провелъ у вѣрующихъ въ Листрѣ, а на другой день отправился съ Варнавою въ Дервію. Пріобрѣтши здѣсь многихъ для Евангелія, они пошли опять въ тѣ города, гдѣ уже проповѣдывали христово ученіе, новообращенныхъ увѣщевали быть твердыми, посредствомъ избранія предстоятелей дали имъ прочное общественное устройство, за тѣмъ поплыли изъ Атталіи въ то мѣсто, откуда начали проповѣдь,—въ Сирійскую столицу и разсказали Антіохійской Церкви объ успѣхахъ этого миссіонернаго путешествія (14, 19—27.

---

§ 6. Путешествіе въ Іерусалимъ на Апостольскій соборъ. Рѣшеніе спора между Христіанами изъ Іудеевъ и Христіанами изъ язычниковъ.

(50 г.)

Пробывши немало времени въ Антіохіи (Дѣян. 14, 28) Павелъ (въ 50 г.) [2]) въ третій разъ отправился въ Іеруса-

---

шихъ языческихъ риторовъ. Но что онъ былъ слабъ по тѣлу, объ этомъ можно заключать изъ словъ, содержащихся въ 1 Кор. 2, 3; Гал. 4, 13 и д. и 2 Кор. 12, 7. По преданію (Acta Pavli et Theclae и у Никифора Каллиста 11, 37), на которое, конечно, нельзя вполнѣ полагаться, онъ былъ не большаго роста и не виденъ собою.

[1]) Меркурій у Ямвлиха (de myst. Aeg. 1) называется θεὸς ὁ τῶν λόγων ἡγεμών. Макровій называетъ Меркурія vocis et sermonis potens. (Sat. 1, 8).

[2]) Этотъ годъ опредѣляется во-первыхъ прибавленіемъ къ году обращенія Павлова (37) четырнадцати лѣтъ (Гал. 2, 1), если предположить, что упомянутое въ

лимъ и притомъ по крайне важному обстоятельству, которое должно же было разъясниться, прежде чѣмъ онъ могъ безпрепятственно продолжать великое дѣло обращенія ко Христу невѣрующихъ.

Успѣшное распространеніе Евангелія между язычниками чрезъ Павла, фактически удостовѣрявшее въ дѣйствительности его апостольскаго служенія, грозило расколомъ въ нѣдрахъ самой Церкви, между двумя главными Церквами Іерусалимскою и Антіохійскою, равно какъ между вѣрующими отъ обрѣзанія и вѣрующими отъ язычниковъ. Именно между христіанами изъ Іудеевъ многіе, особенно изъ принадлежавшихъ прежде къ узкосердечной фарисейской сектѣ (Дѣян. 15, 5), еще не въ силахъ были освободиться отъ своихъ прежнихъ національныхъ предразсудковъ и отъ исключительности. Соблюденіе всего Моѵсеева закона, особенно обрѣзаніе они считали необходимымъ условіемъ спасенія, и думали, хотя несправедливо, видѣть подтвержденіе этому заблужденію въ авторитетѣ Апостоловъ для Іудеевъ, преимущественно въ строгомъ блюстителѣ закона—Іаковѣ. Отъ того-то они чрезвычайно не благопріятно смотрѣли на дѣятельность Павла, поставлявшаго спасеніе въ зависимости отъ вѣры во Христа, сомнѣвались въ его божественномъ посольствѣ и апостольскомъ достоинствѣ, (какъ видно особенно изъ посланія къ Галатамъ и Коринѳянамъ) и нарушали миръ, спокойствіе въ Церкви Антіохійской, гдѣ было весьма много христіанъ изъ язычниковъ, сдѣлавшихся христіанами помимо обрѣзанія. Это подало поводъ Церкви отправить Павла и Варнаву вмѣстѣ съ другими къ Апостоламъ и старѣйшинамъ въ Іерусалимъ, для того чтобы уяснить и примирить возникшее разногласіе (15, 2).

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсужденіямъ такъ называемаго Апостольскаго собора, перваго Синода въ Христіанской церкви, нужно намъ рѣшить трудный вопросъ: важное путе-

---

этомъ мѣстѣ путешествіе тожественно съ путешествіемъ на Апостольскій соборъ; а во-вторыхъ вычетомъ изъ времени путешествія въ Коринѳъ (Дѣян. 18, 1) годовъ почти двухъ. Потому что это посѣщеніе Коринѳа падаетъ на осень 52 года (см. у *Визелера* стр. 118 и 128); въ дорогѣ онъ былъ годъ или года два, и предпринялъ свое второе миссіонерное путешествіе тотчасъ по возвращеніи съ Апостольскаго собора (15, 33. 36), который былъ, нужно полагать, никакъ не позже начала 51 года, а вѣроятнѣе въ 50 году.

шествіе въ Іерусалимъ упоминаемое Павломъ во 2-й главѣ Посланія къ Галатамъ и бывшее спустя 14 лѣтъ послѣ его обращенія одно ли тоже съ путешествіемъ на Апостольскій соборъ (Дѣян. 15) или съ четвертымъ путешествіемъ (Дѣян. 18, 21. 22), предпринятымъ четырьмя годами послѣ того и приходившимся въ 54-мъ году?

Визелеръ недавно рѣшилъ въ пользу послѣдняго мнѣнія и въ подтвержденіе своей хронологической системы (1). Его хронологическія основанія, которыя у него, кажется, составляютъ руководительное начало въ воззрѣніи, для насъ не имѣютъ ни какого значенія, потому что обращеніе Павла мы полагаемъ не въ 40-мъ году, какъ думалъ онъ, а въ 37-мъ. Но и другія основанія весьма не доказательны. 1) По Гал. 2, 2. Павелъ путешествовалъ въ Іерусалимъ вслѣдствіе откровенія, а въ Дѣян. (15, 2) сказано, что по порученію Антіохійскаго общества. Но здѣсь вовсе нѣтъ никакого противорѣчія. То было внутреннее личное побужденіе, самое важное для Павла, а это внѣшнее, публичный поводъ, на который обратилъ особенное вниманіе Лука. Впрочемъ вѣдь и при четвертомъ то его путешествіи Дѣян. 18, 21. 22. во все не упоминается о какомъ нибудь откровеніи. 2) По Гал. 2, 1. Павелъ взялъ съ собою Тита, а объ этомъ Дѣянія Апостольскія (гл. 15) не говорятъ ни слова. Но вѣдь и въ 18 гл. Дѣян. Апостольскихъ также не поименованъ Титъ, между тѣмъ какъ въ Дѣян. Апост. 15, 2. ясно говорится, что вмѣстѣ съ Павломъ и Варнавою на Апостольскій соборъ отправлялись еще «нѣкоторые другіе,» и въ числѣ ихъ-то можно считать и Тита, который для такой цѣли былъ весьма способенъ, какъ энергическій вѣрующій и ревностный, хотя и необрѣзанный Христіанинъ изъ язычниковъ. 3) Между тѣмъ какъ Павелъ въ посл. къ Галат. 2, 3. рѣшительно возстаетъ противъ требуемаго отъ Тита Іудаистами Іерусалимскими обрѣзанія, самъ однако по свидѣтельству 3-го ст. 16 гл. Дѣяній Апостольскихъ, слѣдовательно послѣ Апостольскаго собора обрѣзываетъ Тимоѳея. Такая кажущаяся непослѣдовательность, по мнѣнію *Визелера*, объясняется только тѣмъ предположеніемъ, что обрѣзаніе Тимоѳея случилось *раньше* упомянутаго въ посланіи къ Галатамъ (2, 1) путеше-

(1) Въ вышепр. книгѣ у Визелера стр. 180—208.

ствія. Но не такъ было дѣло; потому что Павелъ имѣлъ свои, какъ извѣстно, собственныя свободныя убѣжденія еще до Апостольскаго собора, и могъ согласиться на эту уступку и исключеніе изъ практическихъ отношеній гораздо раньше, чѣмъ когда Апостолы для іудеевъ уже признали его *начало* (принципъ), слѣдовательно раньше, чѣмъ когда оно было утверждено. Слѣдовательно этотъ поступокъ нужно объяснить какъ нибудь иначе. Собственно отъ Тита, который вовсе не принадлежалъ къ Христіанамъ изъ іудеевъ, обрѣзанія другіе требовали категорически и притомъ какъ доказательства въ пользу заблужденія іудеевъ; а у Тимоѳея, который по матери былъ іудей и, слѣдовательно, Христіанами изъ іудеевъ считался нѣкоторымъ образомъ за своего [1], обрѣзаніе происходило по доброй волѣ Павла и Тимоѳея, и совершено было не по догматическимъ основаніямъ, какъ таинство, необходимое для спасенія, но какъ безразличный обрядъ совершенный съ самопожертвованіемъ изъ-за мелочной совѣстливости слабоумныхъ іудеевъ и для большаго вліянія Тимоѳея на нихъ, слѣдовательно, безъ всякаго ущерба началу [2]. 4) Самое важное основаніе противъ тожества путешествія, упомянутаго въ посланіи къ Галатамъ (2 гл.), съ путешествіемъ на Апостольскій соборъ—то, что Павелъ въ приведенномъ мѣстѣ ни слова не говоритъ о *соборныхъ* разсужденіяхъ, а Лука напротивъ о *частныхъ* собесѣдованіяхъ между Апостолами. *Д. Бауръ*, предполагающій впрочемъ тожество этихъ двухъ путешествій, старается доказать, что между разсказомъ Ап. Павла (Гал. 2) и повѣствованіемъ Луки (Дѣян. 15.) существуетъ неразрѣшимое противорѣчіе, которымъ онъ далѣе и пользуется, какъ оружіемъ противъ достовѣрности Дѣяній Апостольскихъ. *Визе-*

---

[1]) По талмудическому толкованію сынъ отъ смѣшаннаго брака долженъ быть обрѣзанъ и только подъ этимъ условіемъ дозволяется такой бракъ.

[2]) Вмѣсто безхарактерной непослѣдовательности, которую, по выраженію Баура стр. 130, писатель Дѣяній Апостольскихъ придумалъ въ свободно мыслящемъ Апостолѣ язычниковъ, мы напротивъ въ этомъ поступкѣ видимъ подтвержденіе Павлова правила, изъ любви быть *всѣмъ вся* для того, чтобы всячески спасти кого нибудь (1 Кор. 9, 19. 20. 22.) и доказательство на то, какъ далеко Апостолъ былъ чуждъ своевольной притязательности и какъ онъ готовъ былъ съ требующею самопожертвованія любовію приспособляться къ другимъ для пользы царства Божія въ тѣхъ случаяхъ, когда это могло произойти только безъ измѣны и ущерба его правилamъ.

леръ напротивъ, и справедливо, не видитъ никакого противорѣчія; мало того, его хронологическое сочиненіе даже есть общее и притомъ побѣдоносное оправданіе исторической вѣрности Дѣяній Апостольскихъ; при этомъ онъ думаетъ совершенно избѣжать значенія Баурова доказательства только тѣмъ, что переговоры описанные въ посланіи къ Галатамъ (2 гл.) относитъ къ позднѣйшему времени. Но если вникнуть хорошенько, то Визелеръ для своей собственной мысли не пріобрѣтаетъ ничего, и упомянутая разность, какъ она дальше подробнѣе раскрывается, говоритъ не противъ, но въ пользу тожества обѣихъ этихъ путешествій. Потому что Павелъ рядомъ съ своими частными собесѣдованіями съ столпами—Апостолами,—словами: ἀνεθέμην αὐτοῖς (предложилъ имъ) въ отличіе отъ κατ' ἰδίαν δὲ τοῖς δοκοῦσιν (на единѣже разсуждающимъ) указываетъ на общее разсужденіе съ Іерусалимскими братьями, хотя объ немъ онъ и не говоритъ подробно, такъ какъ могъ предполагать его уже извѣстнымъ Галатамъ, послѣ того какъ онъ раньше того объявилъ своимъ малоазійскимъ общинамъ рѣшеніе апостольскаго собора и увѣщевалъ ихъ исполнять его (Дѣян. 16, 4). Главнымъ предметомъ для Павла наперекоръ Галатскимъ лжеучителямъ, ложно ссылавшимся на Петра и Іакова и низачто не соглашавшимся его считать за истиннаго Апостола—былъ результатъ его частныхъ разсужденій съ самими Апостолами для іудеевъ, и увѣдомленіе о его признанномъ послѣдними самостоятельномъ апостольскомъ достоинствѣ. Лука съ своей стороны имѣлъ въ виду не личныя отношенія Павла къ его противникамъ, а вообще права христіанъ изъ язычниковъ; но этимъ нисколько не исключаетъ предшествовавшихъ частныхъ переговоровъ. А что онъ расказываетъ о публичныхъ собесѣдованіяхъ, это легко видно изъ всего догматическаго характера и цѣли его разсказа.

Притомъ онъ умалчиваетъ о многомъ такомъ, что касается собственно только частной жизни, какъ напр. о пребываніи въ Аравіи св. Павла, о его внутренней борьбѣ,—видѣніяхъ и т. п. Если здѣсь нѣтъ никакого достаточнаго основанія въ пользу Визелерова мнѣнія, за то съ другой стороны говорятъ противъ него рѣшительныя доказательства. Упоминаемое въ посланіи къ Галатамъ путешествіе въ Іерусалимъ (2, 1) нельзя считать четвертымъ (Дѣян. 18, 22) во первыхъ потому,

что Павелъ, по свидѣтельству Луки, только привѣтствовалъ тамошнюю Церковь, что очевидно указываетъ на какое-то кратковременное посѣщеніе, въ которое не было времени для такихъ важныхъ разсужденій, каковы упомянутыя въ посланіи къ Галатамъ (2 гл.); во вторыхъ—потому, что въ Дѣян. Апост. 18 гл. не упоминается о Варнавѣ, который еще при тѣхъ переговорахъ (Гал. 2 гл.) вмѣстѣ съ Павломъ замѣтно выдается (ср. Дѣян. 15). Кромѣ того нельзя вполнѣ доказать, да и невѣроятно, что Варнава, не долго спустя послѣ Апостольскаго собора отдѣлившійся отъ Павла и предпринявшій самостоятельное миссіонерное путешествіе съ Маркомъ за одно (Дѣян. 15, 39), уже опять въ 54 году соединился съ нимъ.

Наконецъ главное основаніе, почему мы посѣщеніе Іерусалима, описанное въ посланіи къ Галатамъ (2, 1) считаемъ за одно съ тѣмъ, о которомъ рѣчь въ Дѣян. Апост. (15 гл.)—это то, что Павелъ въ посланіи къ Галатамъ никакъ не могъ пройти молчаніемъ о своемъ путешествіи на соборъ Апостольскій. Даже если онъ намѣренно не хотѣлъ перечислять о всѣхъ своихъ путешествіяхъ въ Іерусалимъ, такъ какъ онъ умалчиваетъ о второмъ, упомянутомъ въ Дѣян, 11, 30 и 12, 35 ст. когда оно имѣло цѣлію только доставку милостыни, и, по всей вѣроятности, было весьма кратковременно [1]); то все-таки всего менѣе могъ онъ пропустить именно третье путешествіе, такъ какъ оно было важнѣе всѣхъ по цѣли, какую имѣлъ Павелъ въ виду въ посланіи къ Галатамъ, именно доказать независимость своего апостольскаго служенія отъ человѣческаго авторитета, а вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе его собственнаго воззрѣнія самими Апостолами іудеевъ. Да, формальное молчаніе объ этомъ нѣкоторымъ образомъ бросило бы даже подозрѣніе на честность Павлову.

Такимъ образомъ отрицательными и положительными доводами мы принуждены примкнуть къ тому мнѣнію, которое высказано еще св. *Иринеемъ* [2]) и защищено знаменитѣйшими

---

[1]) Что въ посл. къ Гал. (2, 1.) нельзя разумѣть именно этого втораго путешествія, объ этомъ мы уже упоминали выше въ послѣдн. примѣч. 4-го § Ср. и у *де Wette* Comment. на посл. къ Галатамъ 2 изд. стр. 24; у *Мейера* ad. loc. и у *Визелера* стр. 180 и д.

[2]) Aduer. haer. 111. 13.

хронологами и толкователями [1]). По этому мнѣнію мы должны смотрѣть на разсказъ Павла (гл. 2) какъ на лучшее дополненіе къ разсказу Дѣяній Апостольскихъ 15 гл. о томъ же предметѣ, и должны ставить его въ понятіи напередъ, такъ какъ частныя совѣщанія съ самими Апостолами, изложенныя Павломъ сообразно довольно подробно, по ходу дѣла были конечно прежде публичныхъ разсужденій и окончательнаго рѣшенія.

§ 7. Частныя совѣщанія.
(Гал. 2, 1 и д.).

Такимъ образомъ Павелъ явился въ Іерусалимъ въ сопровожденіи Варнавы и только что обратившагося изъ язычниковъ Тита, котораго онъ взялъ съ собою, какъ живое доказательство его успѣшной миссіонерной дѣятельности, какъ печать его Апостольскаго служенія. Прежде всего естественно ему нужно было частнымъ образомъ и лично [2]) переговорить съ знаменитыми представителями общества и всей христіанской изъ іудеевъ части съ столпами—Апостолами Іаковомъ, Петромъ и Іоанномъ [3]) и побудить ихъ къ формальному признанію въ немъ апостольскаго достоинства, его основоположеній, и благодатной дѣятельности между язычниками. Когда онъ привлекъ ихъ на свою сторону, особенно Іакова, который за свое исполненіе Моисеева Закона и свое служеніе въ одномъ Іерусалимѣ у Іудаистовъ пользовался особеннымъ уваженіемъ, между тѣмъ какъ Петръ со времени своего обращенія съ Корниліемъ у нихъ подвергся подозрѣнію; тогда вкравшіеся ложные братья, какъ онъ называетъ Фарисейски мыслящихъ лжеучителей [4]), лишились своего мнимаго главнаго

[1]) *Ѳеодоритъ*, *Бароній*, *Пэрсонъ*, *Гессъ*, *Гугъ*, *Винеръ*, *Эйхгорнъ*, *Устери*, *Ольсгаузенъ*, *де Ветте*, *Мейеръ*, *Шнекенбургеръ*, *Неандеръ*, *Эбрардъ*, *Тиршъ* и *Баумгартенъ*, а также англичане *Конибэръ* и *Гоусонъ* въ своихъ сочиненіяхъ о Павлѣ (vol. 1 p. 244 и д.) въ своей полемикѣ противъ Визелера, независимо отъ насъ, сошлись съ нами во мнѣніи о тожествѣ путешествія описаннаго въ Дѣян. 15 гл. съ путешествіемъ, упомянутымъ въ посланіи къ Галатамъ (2 гл.).

[2]) Это выражено словами κατ' ἰδίαν частнымъ образомъ, на единѣ ст. 2.

[3]) οἱ δοκοῦντες στῦλοι εἶναι Гал. 2, 9), въ основаніи такого выраженія лежитъ мысль о Церкви какъ о храмѣ или какомъ-то зданіи.

[4]) παρείσακτοι ψευδάδελφοι ст. 4. Это выраженіе означаетъ тайно, противозаконно проскользнувшихъ или злохитростно пробравшихся ложныхъ христіанъ

авторитета, а въ тоже время возстановилось и освятилось братское общеніе его христіанскихъ, составившихся изъ язычниковъ, обществъ съ христіанами изъ Іудеевъ, слѣдовательно возстановилось единство Церкви, о которомъ онъ такъ много заботился (Еф. 4, и 1 Кор. гл. 12—14). Его повѣствованіе о большихъ успѣхахъ своей проповѣди между язычниками должно было по правилу: «отъ плодовъ ихъ познаете ихъ» произвести сильное впечатлѣніе на апостоловъ вѣро-проповѣдниковъ между Іудеями. Да уже въ слѣдствіе обращенія Корнелія, пріявшаго Духа Святаго помимо обрѣзанія, они приходили къ болѣе свободному воззрѣнію, и подготовлены были къ примиренію съ Павловымъ ученіемъ. Павелъ съ своей стороны нисколько не отвергалъ того, что Богъ предопредѣлилъ Петра на дѣло обращенія Іудеевъ, и руководилъ его въ томъ своею благодатію, а и они съ своей стороны признали, что Павелъ Самимъ Богомъ былъ избранъ на такое служеніе среди язычниковъ (ст. 7. 8). Мало того; три столпа—апостолы въ доказательство признанія полученныхъ Павломъ и Варнавою даровъ благодати братски подали имъ руки и согласились съ ними на то, чтобы безъ ущерба другъ другу дѣйствовать за одно каждому на указанномъ ему Господомъ мѣстѣ, тѣмъ—между Іудеями, а этимъ—между язычниками, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы послѣдніе любвеобильно посредствомъ сборовъ милостыни между христіанами изъ язычниковъ помнили о множествѣ бѣдныхъ Іерусалимскихъ христіанъ, и такимъ образомъ свидѣтельствовали о своемъ духовномъ общеніи и благодарности къ Матери-Церкви (9, 10), о чемъ и Павелъ ревностно заботился (сн. Дѣян. 24, 17; 1 Кор. 16, 1 и д. 2 Кор. 8, 1. и д. Рим. 15, 15 и д.).

Такимъ образомъ чрезъ эти совѣщанія сохранились права обѣихъ сторонъ. Павелъ вовсе не требовалъ отъ христіанъ изъ Іудеевъ никакого насильственнаго разрыва съ ихъ исторической почвою и съ истинною свободою духа призналъ право ихъ собственнаго особеннаго призванія. Апостолы Іудеевъ съ своей стороны согласились съ его важнымъ началомъ, что

(такъ какъ христіане назывались братьями), которые перемѣнили только имя, а не настроеніе, и въ сущности-то еще остаются Іудеями, по фарисейски рабами закона, и не имѣютъ никакого понятія о Евангельской свободѣ (см. Гал. 5, 23; 6, 12—14 и Дѣян. 15, 5).

вѣра въ Іисуса Христа составляетъ единственно необходимое условіе спасенія; они не налагали на язычниковъ никакого ига и не принуждали св. Павла къ обращенію его спутника Тита (Гал. 2, 3), между тѣмъ какъ ложные-то братья настойчиво требовали того, какъ можно заключать изъ тотчасъ слѣдующихъ стиховъ въ связи съ 5 стихомъ 15 гл. Дѣяній Апостольскихъ ([1]). Во первыхъ здѣсь идетъ рѣчь не о легкихъ условіяхъ въ родѣ напр. соблюденія Ноевыхъ заповѣдей, каковыя условія вслѣдъ за тѣмъ Соборъ вообще предписалъ христіанамъ изъ язычниковъ. Далѣе, конечно, не могли идти Палестинскіе апостолы, взглядъ которыхъ для тогдашнихъ отношеній и повсюднаго успѣха царства Божія былъ столь же справедливъ и необходимъ, какъ и воззрѣніе Павла и Варнавы. Однимъ словомъ, эти частные переговоры носятъ на себѣ характеръ христіанской мудрости, самоотверженія и братскаго общенія. Кто читаетъ безпристрастно посланіе къ Галатамъ, тотъ долженъ согласиться, что недавно высказанное съ такою благовидностію предположеніе о непримиримой противоположности между Павломъ и Петромъ не имѣетъ въ немъ ни малѣйшаго основанія, что на оборотъ апостолы Іудеевъ въ этихъ

[1]) Это конечно очень трудное и различно понимаемое мѣсто (Гал. 2, 3—5) мы объясняемъ такъ: «Но даже и спутники моего Тита, хотя онъ былъ (необрѣзанный) грекъ, Апостолы іудеевъ не принуждали къ обрѣзанію, и при томъ (не принуждали) изъ за вкравшихся ложныхъ братьевъ (настоятельно требовавшихъ отъ Тита обрѣзанія), которые вкрались съ цѣлію по зависти вывѣдать нашу свободу во Христѣ Іисусѣ, чтобы впослѣдствіи подвести насъ подъ рабство (закона),—которымъ (ложнымъ братьямъ) мы ни на часъ не уступили въ (требуемомъ ими) подчиненіи (τῇ ὑποταγῇ дат. способа или манеры: такъ, чтобы мы послушались ихъ),—за тѣмъ, чтобы истинное Евангеліе (ученіе о евангельской свободѣ и оправданіи вѣрою) осталось при насъ». Если же слово ἠναγκάσθη и слѣдующую за тѣмъ частицу δέ (которую мы принимаемъ вмѣстѣ съ *Безою*, *Бенгелемъ*, *Фрицшемъ*, *де Ветте* и др.) считать объясняющими предыдущую мысль, какъ напр. и въ Фил. 2, 8. Рим. 3, 32; то въ этомъ, конечно, можно найти указаніе и на то, что Апостолы іудеевъ *совѣтовали* обрѣзаніе, но только изъ практическихъ отношеній и при извѣстномъ случаѣ, — πρὸς ὥραν. Подобный совѣтъ дѣйствительно предложилъ впослѣдствіи Іаковъ Павлу касательно обѣта Назореевъ (Дѣян. 21, 24). При другихъ обстоятельствахъ, когда нужно было только успокоить немощную совѣсть, а не оказать только поблажку еретическому принципу, Павелъ по своему правилу (1 Кор. 9, 20—23. Рим. 14, 1), пожалуй, согласился бы на уступку, какъ показываетъ добровольное обрѣзаніе Тимоѳея (Дѣян. 16, 3). Но въ настоящій разъ, когда лжехристіане этимъ хотѣли сдѣлать насиліе совѣсти, и когда еще не былъ окончательно рѣшенъ спорный вопросъ объ этомъ, самая малѣйшая уступка могла наводить на мысль о поблажкѣ лжеучителямъ.

частныхъ бесѣдахъ снизошли къ Павлу еще больше, чѣмъ на описанномъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (15 гл.) соборѣ, гдѣ имѣлось въ виду отношеніе къ *цѣлому*—обществу, и нужно было проложить средній путь. Въ этомъ-то и заключается, какъ выше показано, причина, почему Павелъ въ борьбѣ съ Галатійскими лжеучителями ссылается на частныя бесѣды, которыя для его цѣли имѣли больше силы и доказательности, чѣмъ рѣшеніе собора. Потому что эти Іудаисты отвергали даже его апостольское достоинство (Гал. 1, 1. 15 и д.), которое вполнѣ было признано за нимъ на частныхъ собесѣдованіяхъ, и, вѣроятно, ссылались не на публичное рѣшеніе, котораго не могли отвергнуть, но на практику апостоловъ—среди Іудеевъ, при чемъ изъ соблюденія апостолами Моисеева Закона (который Іаковъ соблюдалъ весьма строго и точно) они дѣлали несправедливый догматическій выводъ, какъ дѣлается еще и доселѣ въ интересахъ партіи. Когда же Павелъ свое вполнѣ самостоятельное апостольское достоинство доказалъ поведеніемъ самихъ апостоловъ для іудеевъ, тогда его собственнаго слова уже было достаточно и ссылка на чужое увѣреніе тѣмъ менѣе нужна была, послѣ того какъ это удостовѣреніе уже было раньше сообщено и извѣстно обществамъ.

---

§ 8. Публичныя разсужденія и постановленіе Собора. (Дѣян. гл. 15).

Такъ какъ споръ объ отношеніи язычниковъ къ Евангелію нарушалъ миръ во всей церкви, то естественно было и разрѣшить его публично. Поэтому случаю апостолы и старѣйшины и весьма много другихъ христіанъ, интересовавшихся этимъ споромъ и имѣвшихъ жилище здѣсь въ Іерусалимѣ (Дѣян. 15, 1. 12. 22), собрались для общественнаго разсужденія. Здѣсь дѣло шло не столько о личныхъ отношеніяхъ Апостоловъ другъ къ другу и объ Апостольскомъ достоинствѣ Павла, сколько *о правахъ и обязанностяхъ христіанъ изъ язычниковъ*. Послѣ того, какъ обѣими сторонами много было высказано и *за* и *противъ*, всталъ ап. *Петръ*, который былъ вѣроятно предсѣдателемъ на соборѣ и занималъ средину между Іаковомъ

и Павломъ и по дѣятельности, и по ученію: онъ собственнымъ своимъ опытомъ въ исторіи Корнелія засвидѣтельствовалъ объ успѣхѣ, какой имѣло Евангеліе между язычниками и о духовныхъ дарахъ, какіе Богъ сообщилъ имъ помимо іудейства. При этомъ ап. Петръ высказалъ чисто Павлово основоположеніе, что и они т. е. христіане изъ іудеевъ наравнѣ съ необрѣзанными братіями спасутся не посредствомъ неудобоносимаго ига Закона, но единственно по благодати Господа Іисуса и живою вѣрою въ Него. При этомъ онъ ссылался на общеизвѣстный, неопровержимый фактъ—на обращеніе и возрожденіе Корнелія—первенца между язычниками, обратившимися въ христіанство, и на немъ основывалъ свое ученіе о правахъ язычниковъ на свободную благодать Евангелія. Такія рѣчи изъ устъ знаменитѣйшаго Апостола не могли не произвести впечатлѣнія, которое и выказалось въ торжественномъ молчаніи собранія. За тѣмъ выступили *Варнава*, еще издавна пользовавшійся въ Іерусалимѣ большимъ уваженіемъ, и *Павелъ*, —и разсказали о знаменіяхъ и чудесахъ, которыми Богъ сопровождалъ и запечатлѣвалъ ихъ дѣятельность между язычниками.

До сихъ поръ разсужденія, кажется, хотѣли доставить Павлу полное торжество и подтвердить частныя совѣщанія Апостоловъ. Но такъ какъ тутъ присутствовали также христіане изъ іудеевъ вообще еще несовершенные въ вѣрѣ, то и нужно было нѣсколько снисходить ихъ мнительной набожности, ихъ немощной совѣсти, для того чтобы вполнѣ возстановить миръ во всей церкви. Это и дѣлаетъ теперь *Іаковъ*, который по своему настроенію и жизни былъ весьма близокъ къ нимъ и отъ того-то имѣлъ на нихъ огромное вліяніе. Онъ высказался посредникомъ между интересами обѣихъ сторонъ и обнаружилъ при этомъ большую практическую мудрость и благоразуміе. Именно: онъ отдалъ полную справедливость Петрову основоположенію, что Богъ и изъ язычниковъ приготовлялъ для себя народъ—въ наслѣдіе и видѣлъ въ этомъ исполненіе пророчества (Амос. 9, 11 и д.) о славномъ возстановленіи и распространеніи Ѳеократіи между языческими народами,—осуществленіе вѣчнаго божественнаго домостроительства. Такою ссылкою на Ветхій Завѣтъ данъ былъ дѣлу другой оборотъ, чрезъ который оно могло заслужить одобреніе

отъ христіанъ изъ іудеевъ. Чтобы вполнѣ ихъ удовлетворить, онъ сдѣлалъ предложеніе, что хотя обратившіеся язычники не подлежатъ обрѣзанію, потому что иначе это было бы поблажкою еретическому основоположенію «ложныхъ братьевъ»,— все-таки они должны воздерживаться отъ тѣхъ обычаевъ, которые были особенно соблазнительны для совѣстливыхъ и мнительныхъ іудеевъ, и съ которыми нельзя согласить истиннаго благочестія: именно должны воздерживаться отъ вкушенія *идоложертвеннаго мяса* [1]), *крови* [2]) и, содержащаго ее, *удавленнаго животнаго* [3]) и наконецъ отъ *блуда* (Дѣян. 15, 20). Эти же опредѣленія находятся и въ Ноевыхъ (т. е., по преданію, еще будто бы Ноемъ данныхъ) заповѣдяхъ, соблюдать которыя обязаны были пришельцы вратъ. Страннымъ, правда, кажется то, что на ряду съ вещами, которыя по видимому безразличны сами по себѣ и только относительно безнравственны, запрещается и нѣчто безусловно безнравственное. Но нужно при этомъ вспомнить, что блудодѣяніе очень часто соединяется съ идольскими жертвами, и язычниками считалось за дѣло безразличное, такъ какъ у нихъ вовсе не было болѣе глубокаго взгляда на блудъ. Идолослуженіе, которое въ Ветхомъ Завѣтѣ такъ часто называется духовнымъ блудомъ, имѣло необходимымъ слѣдствіемъ тѣлесное осквернение. Отъ того-то Павелъ такъ часто и предостерегаетъ язычниковъ именно отъ этого грѣха (1 Кор. 5, 9. Еф. 5, 3. 5. 1 Сол. 4, 3. Кол. 3, 5). Во-вторыхъ, это выраженіе нужно понимать вѣ-

---

[1]) Остающееся жертвенное мясо, вкушеніе котораго строго было запрещено іудеямъ (Исх. 34, 15), съѣдали или во время обѣдовъ при жертвоприношеніяхъ, или продавали на рынкѣ. Участіе въ этомъ принесенномъ въ жертву ложнымъ богамъ мясѣ считалось за оскверненіе, идолопоклонство; между тѣмъ какъ наоборотъ, участіе въ жертвоприношеніяхъ Израильскихъ за признакъ общенія съ Іеговою (см. Исх. 29, 28. 33).

[2]) По Быт. 9, 4. Лев. 17, 10. и д. Втор. 12, 23. и д.: вонми крѣпцѣ, еже не ясти крове, кровь бо есть душа его: да не снѣстся душа съ мясы, да не снѣсте ея, на землю проліете ю, аки воду и д. Кровь назначена на то, чтобы у олтаря умолять о душахъ людей (Лев. 17, 11) и по этому запрещеніе на вкушеніе ея основывается на уваженіи къ священнодѣйствію при жертвоприношеніи какъ средоточіи ветхозавѣтной религіи. Правда, и у язычниковъ кровь считалась единственнымъ средствомъ примиренія, но вкушеніе ея у нихъ не было запрещено, такъ какъ освященное отъ неосвященнаго у нихъ не раздѣлялось рѣзко.

[3]) Т. е. такихъ животныхъ, которые, какъ напр. курицы, изловлены и удавлены въ петлю и у которыхъ не выпущена кровь см. Лев. 17, 13; 19, 26.

роятно въ болѣе обширномъ смыслѣ, именно здѣсь разумѣются супружества съ необращенными язычниками (Исх. 34, 16) и браки въ такихъ степеняхъ родства, которыя запрещены не только іудеямъ въ пятокнижіи, но и пришельцамъ вратъ—заповѣдями Ноевыми, и казались кровосмѣшеніемъ (сн. 1 Кор. 5, 1. гдѣ πορνεία стоитъ вмѣсто кровосмѣшенія), между тѣмъ какъ язычники не имѣли объ этомъ никакого понятія.

Такое предложеніе Іакова, если исключить лишь лжеучителей, которые этимъ, конечно, какъ показываютъ ихъ дальнѣйшія козни, не могли быть довольны, или по временамъ объясняли въ своемъ смыслѣ, встрѣтило общее одобреніе и было принято соборомъ за рѣшеніе. Оно было и въ самомъ дѣлѣ для тогдашнихъ отношеній какъ нельзя болѣе исполнимымъ и, какъ нельзя лучше, способнымъ возстановить равновѣсіе между спорящими сторонами и мало по малу совершенно примирить ихъ, такъ какъ оно съ одной стороны ближе ставитъ Іудеевъ къ язычникамъ, а съ другой отклоняетъ послѣднихъ на будущее время отъ ихъ прежняго образа жизни, равно какъ отъ увлеченій и соблазновъ въ идолопоклонническихъ бесѣдахъ. Справедливо говоритъ *Гессъ*, что апостолы сдѣлались чрезъ это всѣмъ для всѣхъ—для Іудеевъ Іудеями, для язычниковъ язычниками, доставляя первымъ случай—безъ оскорбленія своей совѣсти, обращаться съ иноплеменными Христіанами, а послѣднихъ увѣряя въ ихъ свободѣ [1]. Іаковъ и Павелъ здѣсь съ различныхъ точекъ зрѣнія выказываютъ одинаковую практическую мудрость и сдержанность,—первый въ томъ, что свою привязанность къ Іудейству подчиняетъ общимъ христіанскимъ интересамъ, а послѣдній въ томъ, что для христіанъ изъ язычниковъ, изъ снисхожденія къ ихъ немощной совѣсти и ради братскаго единодушія, не противорѣча себѣ, согласился на то ограниченіе, которое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ правда было необходимо и весьма полезно, но, что касается одной части его,—т. е. воздержанія отъ идоложертвеннаго мяса, крови и удавленины, должно было утрачивать свою обязательную силу въ той мѣрѣ, въ какой изчезала національная разобщенность между христіанами изъ іуде-

[1]) Hess Ap. Gesch. 1 стр. 211.

евъ и между христіанами изъ язычниковъ. Впрочемъ и въ настоящее время могутъ случиться такія отношенія, въ которыхъ воздержаніе отъ этихъ и имъ подобныхъ предметовъ небезнравственныхъ самихъ по себѣ, а считаемыхъ обыкновенно безразличными, составляетъ долгъ христіанской любви. Апостолъ Павелъ предлагаетъ намъ на этотъ разъ прекрасное правило: «все мнѣ позволено, но не все полезно; все мнѣ позволено, но не все назидаетъ. Никто не ищи своего, но каждый—пользы другаго.» (1 Кор. 10, 23. 24). Истинно христіанская свобода здѣсь обнаруживается въ снисхожденіи къ немощному, въ самоограниченіи и въ нѣжной осторожности. Такъ онъ съ силою совѣтуетъ Коринѳскимъ христіанамъ изъ язычниковъ воздерживаться отъ вкушенія идоложертвеннаго мяса, чтобы не оскорбить совѣсть немощныхъ братій, за которыхъ тоже Христосъ умеръ (1 Кор. 8, 7—13; 10, 14. 24—29); между тѣмъ какъ въ тоже время съ другой стороны утверждаетъ, что земля со всѣмъ, что на ней, принадлежитъ Господу, и что каждая пища сама по себѣ добра, если мы принимаемъ ее съ благодарностію (1 Кор. 10, 25. 26; 8, 4. 8; 1 Тим. 4, 4). Точно такой же мудрый и истинно свободный взглядъ высказываетъ ап. Павелъ въ спорѣ, возникшемъ между Римскими Христіанами о вкушеніи извѣстной пищи, и о соблюденіи Іудейскихъ праздниковъ—(Рим. гл. 14 и 15).

Такое примирительное рѣшеніе отъ лица собора и въ короткомъ посланіи, составителемъ [1]) котораго былъ, вѣроятно, *Іаковъ*, было сообщено христіанскимъ, образовавшимся изъ язычниковъ, обществамъ въ Сиріи и Киликіи двумя знаменитыми мужами церкви вѣроятно изъ пресвитеровъ Іерусалимскихъ, именно Іудою, Варнавою и Силою. Оффиціальный документъ долженъ былъ послужить для нихъ основаніемъ для болѣе точнаго и подробнаго ознакомленія съ Евангельскимъ ученіемъ при посредствѣ живой рѣчи. Посланные съ такимъ порученіемъ въ этотъ разъ до самой Антіохіи были спутниками Павла и Варнавы, который опять взялъ съ собою своего двоюроднаго брата Марка. Такимъ образомъ

[1]) Какъ нѣсколько можно заключать изъ его участія, которое онъ высказалъ въ самомъ предложеніи, а съ другой стороны изъ сродства слога съ посланіемъ Іакова, особенно изъ привѣтственной формулы χαίρειν (15, 23), которая въ Новомъ Завѣтѣ находится только еще въ посланіи Іакова.

первое важное и серьезное разногласіе въ Христіанской церкви было высказано, но въ тоже время и публично было признано, что разность воззрѣнія у христіанъ изъ Іудеевъ и у христіанъ изъ язычниковъ, пока они держатъ себя въ должныхъ границахъ, не касается сущности христіанскаго благочестія, и можетъ существовать при единствѣ церкви. Конечно противодѣйствіе не исчезло, и продолжалось еще не мало времени до тѣхъ поръ, пока не упразднилась совсѣмъ древняя фарисейская закваска.

---

§ 9. Размолвка у Павла съ Петромъ и Варнавою.

Не долго спустя послѣ братскаго примиренія въ Іерусалимѣ Петръ и Варнава въ Антіохіи, гдѣ они провели нѣсколько времени (15, 33. 35. 36) въ проповѣди язычникамъ, принуждены были выслушать обличеніе и обвиненіе на самихъ себя въ той замѣчательной непослѣдовательности, которая, какъ показываетъ дальнѣйшая исторія, произвела только что миновавшее разногласіе между Павломъ и Варнавою (Гал. 2, 11 и д.) [1]. Тотъ же Петръ, который ввелъ въ церковь первыхъ язычниковъ безъ обрѣзанія и такъ сильно защищалъ ихъ права на апостольскомъ соборѣ и даже на практикѣ въ Антіохіи, выказалъ себя безразличнымъ по отношенію къ чистымъ и нечистымъ кушаньямъ,—теперь опасаясь нѣсколькихъ мнительныхъ, совѣстливыхъ до мелочности, христіанъ изъ Іудеевъ, пришедшихъ туда изъ Іерусалима, и, конечно,

[1]) Въ этомъ мѣстѣ хронологія составляетъ спорный пунктъ. *Августинъ, Гроцій, Гугъ* полагаютъ это событіе случившимся до Апостольскаго собора; но это не согласно съ ходомъ разсказа въ посл. къ Галатамъ. Непосредственное изложеніе этого событія вслѣдъ за собесѣдованіями и обсужденіями апостоловъ говоритъ въ пользу того, что это происшествіе случилось не долго спустя послѣ апостольскихъ совѣщаній. И весьма вѣроятно само по себѣ, что многіе тотчасъ послѣ апостольскаго собора отправились изъ Іерусалима въ Антіохію, одни потому что сильно были заинтересованы обращеніемъ тамошнихъ язычниковъ, а единомышленники фарисеевъ изъ-за досады и съ цѣлію произвести противодѣйствіе крайне опасному, какъ имъ казалось, нововведенію Павлову, подобно тому, какъ они пытались дѣлать тоже впослѣдствіи въ Галатіи и въ другихъ мѣстахъ. Нужно допустить, что эти люди или не согласны были съ рѣшеніемъ бывшаго собора, или раскаевались въ томъ, когда имъ приходили въ голову вытекающія изъ этого, хотя быть можетъ сверхъ ихъ ожиданія, слѣдствія для христіанъ изъ іудеевъ, или они, не понявъ это рѣшеніе, толковали по своему.

безъ достаточнаго основанія ссылавшихся на авторитетъ Іакова,—сталъ мало по малу удаляться отъ бесѣдъ съ обращенными язычниками. Правда, онъ не требовалъ отъ нихъ обрѣзанія. Но когда онъ отказывался отъ пищи вмѣстѣ съ ними, то уже этимъ самымъ онъ фактически какъ будто отказывался признавать ихъ за братьевъ, и подкрѣплялъ тотъ предразсудокъ, будто бы христiане изъ язычниковъ были еще нечисты, а уже вмѣстѣ съ этимъ становился виноватымъ хоть въ непрямомъ нарушеніи принятаго въ Іерусалимѣ рѣшенія. Такое многознаменательное его поведеніе имѣло нравственное вліяніе и на другихъ христіанъ изъ іудеевъ; даже Варнава искренне сочувствующій Павлу дозволилъ себѣ увлечься этою слабостію. Павелъ, врагъ двоедушія, замѣтивши, что сильнымъ авторитетомъ апостола возмущается совѣсть христіанъ, обращенныхъ имъ изъ язычниковъ въ самой значительной церкви, и Евангельскимъ его основоположеніямъ и миру церкви снова грозитъ опасность,—такую уклончивость назвалъ лицемѣріемъ и безъ лицепріятія прямо въ присутствіи всѣхъ указалъ Петру на его противорѣчіе самому себѣ, на опасныя послѣдствія такого поведенія, если только хорошенько объ этомъ подумать. Но что Петръ дозволилъ себѣ вразумить себя призванному позже его апостолу языковъ, не обнаруживъ по отношенію къ нему никакого неудовольствія, это свидѣтельствуетъ о его рѣдкомъ смиреніи, достойномъ такогоже уваженія, какого—безстрашная пламенная ревность Павла по Евангельской свободѣ. Истинно трогательно позднѣйшее указаніе Петра на посланія его «возлюбленнаго брата Павла» (2 Петр. 3, 15), тогда какъ въ одномъ изъ этихъ посланій разсказывается о его видимой непослѣдовательности.

Изъ поступка Павла мы познаемъ не только право противодѣйствовать ошибкамъ даже знаменитѣйшихъ служителей Божіихъ, но и равенство апостоловъ въ противоположность непристойному главенству Петра надъ своими товарищами.

Книга Дѣяній Апостольскихъ, умалчивая о непослѣдовательности Петровой, откровенно повѣствуетъ о разногласіи у Павла съ Варнавою, которое было, вѣроятно, въ тѣсной связи съ только-что описанною исторіею. Именно, когда Павелъ спустя нѣсколько времени послѣ Апостольскаго собора предложилъ Варнавѣ новое миссіонерное путешествіе; тогда Вар-

нава хотѣлъ взять съ собою своего двоюроднаго брата Марка, между тѣмъ какъ Павелъ отказывался отъ него, потому что Маркъ еще въ прежнемъ путешествіи оказался не твердымъ.

Это обстоятельство въ десницѣ Господа, умѣющаго наклонять все и слабости своихъ чадъ къ славѣ Своего имени, имѣло добрыя послѣдствія для самаго проповѣдническаго труда, именно въ томъ отношеніи, что дѣятельность удвоилась и вода жизни оросила болѣе зелень. Потому что Варнава отплылъ вмѣстѣ съ Маркомъ на свою родину Кипръ, а Павелъ въ сопровожденіи Силы (Силуана) напутствуемый благословеніями Антіохійской христіанской общины, стоявшей въ этомъ спорѣ, вѣроятно, на его сторонѣ, согласно съ своимъ правиломъ Рим. 15, 20. 2 Кор. 10, 16. избралъ самостоятельный кругъ дѣятельности (Дѣян. 15, 30—41).

---

§ 10. Второе миссіонерное путешествіе Павла. Галатія. Явленіе Македонянина.

Спустя нѣсколько времени послѣ апостольскаго Собора въ 51-мъ или нѣсколько позже въ 52 году Павелъ предпринялъ второе большое миссіонерное путешествіе, во время котораго принесъ Евангеліе въ Европу и тѣмъ рѣшилъ обращеніе въ Христіанство этой части свѣта. Сперва онъ посѣтилъ Церкви въ Сиріи и Киликіи, которыя онъ основалъ еще до втораго своего путешествія въ Іерусалимъ (сп. Гал. 1, 21. Дѣян. 9. 30; 11, 25), за тѣмъ—общины въ Ликаоніи, основанныя имъ послѣ вмѣстѣ съ Варнавою, для того, чтобы укрѣпить ихъ и заповѣдать имъ соблюдать рѣшеніе апостольскаго Собора. Въ *Листрѣ* [1]) онъ нашелъ юношу *Тимоѳея*, котораго обратилъ, вѣроятно, еще во время перваго своего здѣсь посѣщенія (сн. 1 Кор. 4, 17 и 1 Тим. 1, 2). Происходя отъ отца язычника и матери благочестивой іудеянки Евники вмѣстѣ съ бабкою Лоидою, съ дѣтства познакомившей его съ Ветхимъ Завѣтомъ (2 Тим. 1, 5; 3, 14. 15), Тимоѳей какъ нель-

---

[1]) На эту мѣстность, а не на Дервію, очевидно, указываетъ частица ἐκεῖ Дѣян. 16, 1; сн. ст. 2; этому нисколько не противорѣчитъ четвертый стихъ 20-й главы, гдѣ не указана родина Тимоѳея, но предполагается извѣстною.

зя болѣе былъ способенъ къ проповѣди между язычниками и іудеями и *пророческими голосами* въ обществѣ былъ признанъ способнымъ органомъ для распостраненія Царства Божія (Дѣян. 16, 2. си. 1 Тим. 4, 14; 1, 18). Для того, чтобы среди множества Іудеевъ въ странѣ, по причинѣ его тамъ рожденія имѣвшей на него право, доставить ему еще болѣе успѣха, Павелъ позволилъ ему обрѣзаться по доброй волѣ и по христіанскому благоразумію [1]). Тимоѳей оказывается впослѣдствіи вѣрнымъ спутникомъ и сотрудникомъ Апостола (Дѣян. 17, 14 и д. 18, 5; 19, 22. Рим. 16, 21. 2 Кор. 1, 19, равно какъ и въ надписи многихъ посланій именно 1 Сол. 2 Сол. 2 Кор. Колос. Филип. и Филим.) и былъ имъ особенно цѣнимъ и любимъ (1 Тим. 1, 2. 2 Тим. 1, 2. 1 Сол. 3, 2. Фил. 2, 19—23).

Изъ Ликаоніи Павелъ пошелъ въ богатую городами Фригію, гдѣ мы впослѣдствіи видимъ въ цвѣтущемъ состояніи Церковь *Колосскую*, *Іерапольскую и Лаодикійскую*, которыя, впрочемъ, какъ обыкновенно думаютъ, основаны были не имъ, а его ученикомъ Епафрасомъ (сн. Кол. 2, 1. и д. 1, 7). Дѣйствительно, по крайней мѣрѣ тогда онъ, кажется, не путешествовалъ въ южную часть этой области, но устремился къ сѣверу въ *Галатію*, называвшуюся также *Галлогрецією* (Gallograecia), мѣстечко, заселенное Кельтами (Galatae) и Германцами, которые переселились туда въ третьемъ столѣтіи до Рождества Христова и въ 189 г. до Рождества Христова подпали подъ власть Римлянъ. Здѣсь онъ дѣйствовалъ при большой слабости своего тѣла, которое жестоко было удручено, —среди множества трудовъ, гоненій средства къ жизни до-

[1]) Что этимъ поступкомъ Павелъ нисколько не противорѣчитъ своимъ правиламъ и своему отказу обрѣзать язычника Тита, это уже выше замѣчано (см. § 6). Есть формализмъ (страсть къ обрядности) двоякаго рода: отрицательный и положительный, когда нѣкоторые безразличные сами по себѣ обряды можно или фанатически отвергать, или раболѣпно защищать, какъ будто бы отъ ихъ отверженія и ихъ соблюденія зависѣло вѣчное спасеніе души. Точно также на оборотъ истинная свобода духа, замѣчаемая въ Ап. Павлѣ, обнаруживается съ одной стороны—въ приноровленіи къ безразличнымъ обычаямъ, когда требуютъ того христіанская любовь и польза для Царства Божія, а съ другой—въ отверженіи ихъ, когда этимъ обычаямъ приписывается не свойственное имъ, оскорбительное для сущности вѣры и внутренняго настроенія, значеніе. См. 1 Кор. 9, 20. Филип. 4, 12. 13. и замѣтки Неандера противъ *Баура* Bemerkungen Neander's gegen Baur 1. стр. 290.

ставалъ себѣ своимъ ремесломъ, и при этомъ еще страдалъ отъ какой-то особой, не довольно извѣстной боли «жала въ плоти» (2 Кор. 12, 7). Но всѣ эти страданія и преграды послужили ему для упражненія въ смиреніи и терпѣніи, и для болѣе крѣпкой приверженности къ удовлетворяющей во всемъ благодати. Потому-то тѣмъ полнѣе, разительнѣе и чище открывалась въ слабомъ органѣ (ἀσθένεια τῆς σαρκὸς Гал. 4, 13) преодолѣвающая всѣ преграды Сила Божія, и съ неодолимою властію привлекала къ себѣ сердца язычниковъ и прозелитовъ. Такъ-какъ онъ, при своей любви къ ближнему, не дорожилъ собою среди самыхъ тяжкихъ обстоятельствъ; то чрезъ это пріобрѣлъ себѣ всеобщее довѣріе и любовь. Галатійцы принимали его какъ ангела Божія, даже какъ самаго Іисуса Христа, и считали себя до того счастливыми, что за преподанные имъ дары неба желали пожертвовать для него самымъ дорогимъ, именно своими глазами, и дать ихъ ему (Гал. 4, 14. 15). Этимъ-то и объясняется болѣзненная скорбь Апостола по тому случаю, когда эти цвѣтущія общины впослѣдствіи допустили обольстить себя іудейскимъ лжеучителямъ и покориться подъ иго закона.

Изъ Галатіи Павелъ хотѣлъ отправиться на югъ въ проконсульскую Азію ([1]), и за тѣмъ на сѣверъ въ Виѳинію, для того, чтобы продолжить свою дѣятельность; но духъ Святый, управляющій желаніями вѣропроповѣдниковъ, и на этотъ разъ назначавшій имъ другой кругъ дѣятельности, не дозволилъ имъ тамъ проповѣдывать и, чрезъ откровеніе къ ихъ совѣсти, мало-по малу возбудилъ въ нихъ, быть можетъ, уже существовавшее неопредѣленное желаніе отправиться въ Европу. Когда они, недоумѣвая, куда отправиться, прибыли въ портовый городъ Троаду на Геллеспонтѣ (нынѣшній Эски Стамбулъ), ночью во снѣ или, что вѣроятнѣе, во время молитвы (сн. Дѣян. 16, 25) явился одинъ Македонянинъ, который, пламенно желая спасенія и обѣщая обильную жатву,—отъ лица всей Греціи, такъ сказать, всего европейскаго человѣчества просилъ у Павла помощи въ такихъ словахъ: «приди въ Македонію и по-

---

[1]) Слово *Азія* Ἀσία (Дѣян. 16, 6, равно какъ гл. 2, 9) должно понимать въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. области Мизію, Лидію, Карію. Сн. толкователей этого мѣста у *Винера* въ Реальномъ словарѣ Winer's Realwörterbuch, Artikel Asien, и у *Визелера* Wieseler стр. 81.

моги намъ (Дѣян. 16, 9)!« —Это—такой зовъ на помощь, который не можетъ не тронуть сколько нибудь внимательнаго христіанина. Съ этою-то минутою, полагающею начало эпохѣ, соединилось христіанство въ Европѣ, а съ нимъ и всѣ добрые плоды новѣйшей цивилизаціи.

---

§ 11. Христіанство въ Филиппахъ и Солунѣ.

Первымъ городомъ Македоніи, куда приплыли по морю изъ Троады чрезъ двое сутокъ вѣропроповѣдники, (между ними былъ и врачь Лука (сн. Кол. 4, 14; Фил. 24; 2 Тим. 4, 10, писатель книги Дѣяній Апостольскихъ), (¹)—былъ Филиппы, въ то время римская колонія. Этотъ старинный городъ (древнее имя его Крэнидъ) увеличенный и укрѣпленный въ 358 г. до Рождества Христова Филиппомъ, царемъ Македонскимъ, лежалъ на высотѣ Ѳракійской, богатой источниками освященными религіозными сагами (сказками)—въ прибрежной области при Стримонійскомъ заливѣ, на мѣстѣ нынѣшней, населенной бѣдными Греками деревни *Филибе*. Онъ былъ извѣстенъ не особеннымъ величіемъ и населенностію, но торговлею,—находившимися въ сосѣдствѣ съ нимъ золотыми рудниками, и чеканившеюся въ немъ монетой (philippici); послѣ же рѣшительнаго сраженія, въ которомъ нашли свою трагическую погибель убійцы Цезаревы—Брутъ и Кассій, а вмѣстѣ съ ними и римская республика (въ 42 до Р. Х.) Филиппы пріобрѣли всемірноисторическую славу (²). На этомъ мѣстѣ должно было процвѣсти первое, или (если нужно признать за Римомъ очень вѣроятное первенство по времени) второе христіанское общество въ Европѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и истинная свобода духа.

Ап. Павелъ вмѣстѣ съ своими спутниками отправился на мѣсто молитвы (³) на рѣку Стримонъ за городъ, гдѣ Іудеи и

---

¹) Потому-что съ 10-го ст. 16 гл. и дальше (сн. 20, 5 и д. 13, и д. 21 г. 17 ст. гл. 27 и 28) Лука говоритъ въ первомъ лицѣ множественнаго числа, слѣдовательно включаетъ и себя самаго, тогда какъ прежде онъ употреблялъ всегда третье лице. Причина, почему онъ умалчиваетъ о своемъ имени, есть также скромность, которая замѣтна и въ Евангелистахъ,—въ совершенномъ заслоненіи имя своей личности.

²) Всѣхъ подробнѣе описываетъ этотъ городъ Аппіанъ (Appianus de bellis civilibus 1. IV, c. 105. и д. (стр. 499 Парижскаго изданія).

³) Такъ называемая προσευχή Дѣян. 16, 13, или προσευχτήριον—постройка, замѣ-

прозелиты, которыхъ было тамъ не слишкомъ много, имѣли обыкновеніе строить синагоги и собираться на молитву и для другихъ религіозныхъ занятій. Они вступили въ разговоръ о религіозныхъ предметахъ съ набожными приверженными къ іудейству женщинами. Одна изъ нихъ, торговавшая порфирами, Лидія изъ Ѳіатиры, въ которой Господь возбудилъ внимательность (вѣдь и слушаніе Слова Божія есть дѣйствіе благодати), вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ крестилась и своею благодарною любовію принудила вѣропроповѣдниковъ остановиться у себя въ домѣ. Безъ сомнѣнія, ея домъ въ то же время послужилъ первымъ мѣстомъ собранія только что образующагося Христіанскаго общества, къ увеличенію котораго должно было содѣйствовать даже и очевидное препятствіе. Именно одна рабыня, считавшаяся орудіемъ Пиѳійскаго оракула Аполлонова, своимъ прорицательствомъ доставлявшая господамъ много доходу, пошла вслѣдъ за вѣропроповѣдниками, и съ тою глубокою прозорливостію, которая заставляетъ трепетать и злыхъ духовъ (Iак. 2, 20), объявляла объ этихъ проповѣдникахъ, что они—служители Бога Всевышняго, возвѣщающіе путь спасенія (Дѣян. 16, 17). Здѣсь вовсе нельзя представлять себѣ какой нибудь хитрости, съ цѣлію выманить у нихъ сколько нибудь денегъ,—поставить имъ какія нибудь ковы, но нужно представлять это свидѣтельствомъ невольнаго благоговѣнія, какъ мы много разъ видимъ его въ бѣсноватыхъ, при встрѣчѣ ихъ съ Іисусомъ (сн. Мѳ. 8, 29. Мар. 1, 34; 3, 11. Лук. 4, 41). Но Павелъ, подобно Христу, не желалъ пользоваться такимъ свидѣтельствомъ о его дѣлѣ, и выгналъ этотъ нечистый прорицательствующій духъ именемъ Того, Кто пришелъ разрушить всѣ бѣсовскія и нечистыя силы. Чрезъ это онъ лишилъ господъ этой рабыни доходнаго промысла. Озлобленные такимъ поступкомъ апостола, они схватили его и Силу, притащили ихъ, какъ іудейскихъ возмутителей спокойствія, къ дуумвирамъ, какъ назывались въ римскихъ колоніальныхъ городахъ два верховные начальника, и обвинили ихъ въ строго запрещенномъ введеніи чужой религіи и нравовъ, про-

---

няющая синагогу. Такими мѣстами молитвы были или простыя зданія, или только загороженныя пространства подъ открытымъ небомъ и, по причинѣ употреблявшихся предъ молитвою омовеній, они обыкновенно бывали при рѣкахъ и прудахъ.

тивныхъ существующимъ. Это подало поводъ къ народному волненію: служителей Христовыхъ безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій били палками (1 Сол. 2, 2) и засадили въ самую средину темницы. Но въ радостномъ сознаніи, что страдаютъ за Господа, они—хотя были изранены отъ ударовъ, заключены въ колодку, въ деревянное орудіе пытки и истомлены голодомъ,—въ полночь воспѣли хвалебную пѣснь Богу и такимъ образомъ темницу и мѣсто преступниковъ превратили въ храмъ благодати ([1]). Тогда землетрясеніе, въ отвѣтъ Божій на ихъ молитву, вдругъ поколебало фундаментъ зданія, отворило двери и со всѣхъ засаженныхъ въ тюрьму сняло цѣпи. Смотритель тюрьмы, человѣкъ мнительный, боязливый и опрометчивый, въ первую минуту страха хотѣлъ умертвить себя, думая, что всѣ заключенные убѣжали изъ тюрьмы. Но когда Павелъ крикнулъ ему, чтобы онъ отступился отъ своего перваго намѣренія, и увѣрилъ, что въ тюрьмѣ всѣ сполна; тогда тюремный начальникъ палъ къ его ногамъ, и, переходя отъ отчаянія къ надеждѣ—(это явленіе въ такія минуты напряженнаго состоянія совершенно естественно),—спрашивалъ: «что мнѣ дѣлать, чтобы спастись?»—вопросъ, который уже предполагаетъ нѣкоторое знакомство съ проповѣдію апостола, и съ этого часа тюремный смотритель для нѣсколькихъ тысячь служилъ примѣромъ перехода отъ смерти къ животу. Вѣстники мира дали ему утѣшителный отвѣтъ: «вѣруй въ Господа Іисуса Христа и спасешься ты, и домашніе твои;» подробно преподали ему и его домашнимъ христіанское ученіе и крестили ихъ—тогда, когда они съ радостію приняли евангеліе. Праздничное угощеніе, какое приготовилъ въ чувствѣ благодарности новообращенный, и которое было въ одно время Евхаристіею, трапезою любви и пиромъ, заключило рядъ событій этой замѣчательной ночи.

На другой день начальники, быть можетъ, вслѣдствіе испуга отъ землетрясенія, а, можетъ быть, вслѣдствіе вразумленія чрезъ донесеніе тюремнаго смотрителя, послали къ нему своихъ слугъ съ приказомъ освободить изъ тюрьмы вѣропропо-

---

[1]) Прекрасно выражается объ этомъ Тертулліанъ въ похвальномъ словѣ мученикамъ гл. 2: Nihil crus sentit in nervo, quum animus in coelo est, т. е. ноги ничего не чувствуютъ отъ колодокъ, когда душа на небѣ.

вѣдниковъ. Но Павелъ, съ истиннымъ смиреніемъ предъ Богомъ соединявшій сознаніе своего достоинства предъ людьми, не хотѣлъ выдти оттуда безъ сохраненія своей чести, и сылался (этого прежде, по причинѣ волненія, не могъ сдѣлать) на свое право римскаго гражданина, которое, по древнимъ законамъ, ставило его внѣ опасности отъ безчестнаго наказанія палками и плетью. Потому-что безчестіе, нанесенное римскому гражданину, считалось за оскорбленіе величія римскаго народа, и, какъ за послѣднее, наказывалось отобраніемъ имуществъ и смертью. Это свидѣтельство о римскомъ гражданствѣ, по извѣстному выраженію Цицеронову, «весьма помогавшее многимъ, и спасавшее ихъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ среди варваровъ» [1]), возъимѣло здѣсь свое дѣйствіе,—и высшее начальство лично явилось въ тюрьму для того, чтобы Павла и Силу съ честію вывести изъ нея, какъ невинныхъ. Повидавшись въ домѣ Лидіи съ братьями, вѣропроповѣдники оставили ихъ и пошли дальше на проповѣдь. А Лука остался для заботъ о новомъ насажденіи и для продолженія начатаго дѣла.

Въ Филиппахъ Павелъ оставилъ послѣ себя одну изъ самыхъ цвѣтущихъ церквей, которая выказала ему свою особенную признательную любовь. Торгующая багряницами со всѣмъ своимъ домомъ, исцѣленная прорицательница (сомнамбулистка), тюремный смотритель изъ надзирателя надъ жалкими преступниками сдѣлавшійся бѣднымъ грѣшникомъ и сподобившійся благодати, чудесно освобожденные изъ темницы ея жители:—всѣ эти были первенцами той любимой св. Павломъ общины, къ которой скоро присоединилось много другихъ, преимущественно язычниковъ. Ея начало положено было подъ зелеными деревьями на рѣкѣ, въ разговорѣ чужестранцевъ съ набожными женщинами, и за тѣмъ ея существованіе выказалось въ темницѣ среди народнаго волненія въ жаркій день и среди землетрясенія, бывшаго въ полночь. Правда, и здѣсь впослѣдствіи умственная неразвитость и раздоры дали входъ іудейскимъ лжеучителямъ. Но все-таки вообще-то община эта радовала ап. Павла больше всякой другой. Онъ называетъ ее своею радостію и вѣнцемъ и свидѣтельствуетъ ей свою сер-

[1]) In Verrem V. c. 67: Jam illa vox et imploratio: „civis Romanus sum" quae saepe multis in ultimis terris opem inter barbaros et salutem attulit.

дечную любовь (Фил. 1, 3—8; 4, 1). Онъ даже, противъ своего обыкновенія, принималъ отъ нея подарки (4, 10—18. сн. 2 Кор. 11, 9), а это свидѣтельствуетъ объ особенномъ его довѣріи и расположенности.

Такимъ образомъ первая миссіонерская дѣятельность въ Греціи была весьма утѣшительна, и даже гоненіе, бывшее въ этотъ разъ со стороны язычниковъ, имѣло для Павла славный, а для вѣрующихъ благопріятный ихъ вѣрѣ исходъ. Вмѣстѣ съ Силою [1]) онъ чрезъ Амфиполь и Аполлонію прибылъ въ цвѣтущій торговый городъ, отстоящій отъ города Филиппъ на 100 римскихъ миль и находящійся на Ѳермайскомъ заливѣ— въ Ѳессалоники, главный городъ второй Македонской области и резиденцію римскаго губернатора [2]).

Здѣсь онъ прожилъ не меньше трехъ недѣль (Дѣян. 17, 2). По субботамъ толковалъ Священное Писаніе и доказывалъ, что предсказанное въ немъ о страданіяхъ и воскресеніи Мессіи дѣйствительно сбылось въ лицѣ Іисуса Назорянина. Нѣсколько Іудеевъ, значительное количество прозелитовъ и не мало изъ знатныхъ женщинъ пристали къ нему (17, 4). Въ это же время онъ имѣлъ большой успѣхъ и собственно среди язычниковъ (1 Сол. 1, 9. 10. 2, 10. 11), такъ что новая церковь скоро послѣ этого сдѣлалась далеко извѣстною чрезъ обширныя торговыя сношенія (1 Сол. 1, 8). Хотя онъ, по изреченію Господа (Мѳ. 10, 10) и по своему собственному воззрѣнію (1 Кор. 9, 14), имѣлъ полное право на поддержаніе своего внѣшняго быта со стороны тѣхъ, которымъ подавалъ гораздо цѣннѣйшій даръ Евангелія, однако содержаніе онъ доставалъ себѣ посредствомъ своего ремесла, иной разъ работая и по ночамъ (1 Сол. 2, 9; сн. Дѣян. 20, 34), частію для того, чтобы доказать свою признательность къ дѣйствующей въ немъ незаслуженной благодати, частію за тѣмъ, чтобы не быть въ тягость новой Церкви, а также и съ тою

---

[1]) Павелъ оставилъ Луку для наблюденія за Церковію Филиппійскою, какъ можно заключать изъ того, что Лука съ 1-го ст. 17 гл. опять началъ говорить въ третьемъ лицѣ. И Тимоѳей, кажется, остался тамъ же, но въ Берія опять встрѣтился съ Павломъ, гл. 17, 14. 13.

[2]) Еще въ настоящее время Ѳессалоника, подъ названіемъ Салоники, (Солунь) есть замѣчательный торговый городъ, имѣющій около семидесяти тысячь (70,000) жителей, изъ которыхъ почти на половину евреевъ.

цѣлію, чтобы у своихъ іудействующихъ противниковъ отнять всякой поводъ къ обвиненію въ своекорыстіи. При такомъ самоотверженіи онъ глубоко понялъ истинность изреченія Христова: «болѣе блаженства въ томъ, чтобы давать, нежели въ томъ, чтобы принимать» (Дѣян. 20, 35). Впрочемъ и тамъ онъ дважды принялъ добровольные дары отъ христіанъ Филиппійскихъ (Фил. 4, 16). Раздосадованные такими успѣхами, невѣрующіе іудеи возмутили противъ вѣропроповѣдниковъ чернь; злонамѣренно толкуя ученіе о царскомъ служеніи и второмъ пришествіи Христовомъ, они выставили ихъ подозрительными для общества, какъ бунтовщиковъ противъ Императорской власти. Высшее начальство не удовлетворилось поручительствомъ какого-то Іасона, у котораго жили Павелъ и Сила, и они въ слѣдующую ночь отправились въ Берію, которая лежала далѣе къ юговостоку на шестьдесятъ римскихъ миль въ третьей Македонской области.

Здѣсь они долго проповѣдывали между Іудеями, которые были благонамѣреннѣе и воспріимчивѣе Іудеевъ Солунскихъ, а также и между Греками встрѣтили благосклонный пріемъ. Новообращенные особенно любили каждодневно разбирать Ветхозавѣтное Писаніе, для того, чтобы убѣдиться въ согласіи его съ Христовымъ ученіемъ (Дѣян. 17, 11);—это такое явленіе, которое справедливо приводилось не рѣдко въ доказательство права и долга міряиъ изслѣдывать писаніе. Вслѣдствіе продѣлокъ Солунскихъ Іудеевъ—фанатиковъ, услышавшихъ о благосклонномъ пріемѣ апостола, онъ и отсюда былъ вытѣсненъ. Силу и Тимоѳея онъ оставилъ въ Беріи съ наказомъ скорѣе придти къ нему, а самъ отправился въ сопровожденіи другихъ братьевъ, вѣроятно моремъ [1]), собственно въ Елладу и притомъ въ митрополію, столицу языческой науки и искусства.

---

§ 12. Ап. Павелъ въ Аѳинахъ.

Первое появленіе апостола Христова въ знаменитой столицѣ Аттики,—изъ-за своей образованности нѣкогда держав-

[1]) Частица ὡς (Дѣян. 17, 14) означаетъ не только кажущееся, но и дѣйствительное направленіе въ путешествіи. См. Толкователей и у *Винера* Gramm. стр.

шей въ своихъ рукахъ кормило духовнаго всемірнаго господства даже надъ гордымъ Римомъ, и своею литературою еще доселѣ оказывающей такое огромное вліяніе, имѣетъ необыкновенный интересъ и производитъ глубокое—неотразимое впечатлѣніе. Основаніе этого заключается не въ непосредственныхъ дѣйствіяхъ, которыя, уже по краткости Павлова пребыванія, не могли быть слишкомъ значительны, и не въ особенно видномъ положеніи Аѳинъ впослѣдствіи въ исторіи Церкви, но въ громадномъ контрастѣ двухъ совершенно различныхъ областей и круговъ идей, здѣсь столкнувшихся. Самый лучшій, уже увядающій цвѣтъ языческой образованности и человѣчности здѣсь распускается отъ животворнаго дыханія новаго христіанскаго творенія, которому образованность языческая безсознательно должна была проложить дорогу, для того, чтобы самой найти гробъ, и затѣмъ праздновать свое воскресеніе уже въ новомъ богоосвященномъ бытіи. На почвѣ классической древности и религіи красоты, на родинѣ самыхъ блестящихъ представленій, которыя могъ составить о словѣ (λόγος) оставленный самому себѣ и только какъ бы въ туманѣ созерцающій оное разумъ и фантазія, выступаетъ человѣкъ не видный собою, хилый, слабый, но одушевленный благороднѣйшими мыслями и самою безкорыстною ревностію, стому же исполненный Духа Святаго; онъ возвѣщаетъ религію истины и вѣчнаго живота, которая побѣдила древній міръ со всею его славою и силою, заставивши служить своимъ цѣлямъ, а на его развалинахъ основала Царство Божіе, объемлющее всѣ народы. Предъ философами всей Греціи, и среди возбуждавшихъ удивленіе храмовъ и статуй всѣхъ возможныхъ ложныхъ боговъ проповѣдуетъ какой-то презрѣнный еврей о буйствѣ Божіемъ, пристыжающемъ мудрость самой Академіи и Стои и говорящемъ жаждущему спасенія сердцу гораздо краснорѣчивѣе, чѣмъ какъ говорили Димосѳенъ и Эсхилъ къ господствующему народу. Ходитъ невидный собою еврей по площадямъ и портикамъ и проповѣдуетъ о распятомъ на крестѣ Назореѣ, Который открылъ единаго истиннаго Бога и въ Которомъ скрытая подъ видомъ раба красота далеко заслоняетъ собой великолѣпіе статуй Фидіевыхъ и хра-

702 (5-е издан.) Пѣшеходный путь изъ Беріи въ Аѳины, по вычисленію Антонина (Itiner. Antonini), имѣлъ около 251 римской или 50 географ. миль.

ма Минервина въ Акрополисѣ, Который далеко превосходитъ идеалы Платона, и не только заставляетъ темно предчувствовать и желать примиренія Бога съ человѣкомъ,—благодатнаго согласія въ жизни, какъ дѣлаютъ миѳы о Прометеѣ и Геркулесѣ и трагедіи Эсхила и Софокла, но и дѣйствительно даруетъ благодатное примиреніе сверхъ ожиданія и разумѣнія самыхъ глубокомысленныхъ язычниковъ.

Ап. Павлу, какъ чтителю Единаго Бога, ужъ конечно не могло понравиться поклоненіе идоламъ, какое онъ здѣсь встрѣчалъ повсюду и подъ блестящимъ покровомъ искусства. Но, не смотря на это, онъ не началъ разрушать алтарей и истукановъ, напротивъ скорбѣлъ о такихъ извращеніяхъ религіозной потребности, и былъ проникнутъ состраданіемъ любви, которая отъискиваетъ заблудшее. Во все время по прибытіи своемъ въ Аѳины, до прихода Силы и Тимоѳея, онъ не только проповѣдывалъ іудеямъ и прозелитамъ въ синагогѣ, но и, какъ христіанскій Сократъ, каждодневно на площади вступалъ въ разговоръ съ язычниками. Любознательные Аѳиняне и тогда, подобно какъ во времена Димосѳена, имѣли обыкновеніе собираться на открытыхъ мѣстахъ и подъ покрытыя галлереи съ цѣлію узнать ходъ дѣлъ въ городѣ, политическія и литературныя новости. На одномъ изъ такихъ мѣстъ, вѣроятно на площади Еретрійской, которую больше всѣхъ посѣщали и которая находилась вблизи мѣста собранія философовъ (στοὰ ποικίλη), Апостолъ встрѣтился съ философами изъ школы епикурейской и стоической, которые впослѣдствіи оказались самыми злыми врагами христіанства. Епикурейцы, подобно іудейскимъ Саддукеямъ, были люди легкомысленные; они если еще допускали бытіе боговъ, то дѣлали ихъ праздными, безпечными зрителями міра, все производили отъ случая и отъ свободной воли человѣка, и удовольствіе считали высшимъ благомъ. Такимъ образомъ міръ они отлучали отъ его вѣчнаго жизненнаго начала, отвергали образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ, а также высшее его назначеніе, и отъ того въ христіанствѣ могли видѣть только бредни и суевѣріе. Стоики, которыхъ можно назвать греческими фарисеями [1]), вдались въ

[1]) Съ фарисеями сравниваетъ ихъ и *Іосифъ*, de bello Judaico. 11, 12. См. въ Прав. Собесѣд. Сент. 1861. Ст. «Приготовленіе міра къ Христіанству стр. 42—52.

противоположную крайность; они были пантеисты и фаталисты, мышленіе считали высшимъ благомъ и добродѣтель полагали въ полномъ самообладаніи и въ безстрастіи. Они не признавали нравственнаго растлѣнія въ человѣкѣ и обоготворяли естественную силу воли. Оттого-то имъ не могла быть по вкусу проповѣдь о крестѣ, полагавшая въ основаніе добродѣтели смиреніе и требовавшая полной перемѣны въ настроеніи, да къ тому же и предложенная-то какимъ-то чужеземнымъ евреемъ безъ всякихъ риторическихъ искусственныхъ прикрасъ; она должна была оскорбить ихъ нравственную гордость, равнявшую себя съ богами. Одни называли Апостола пустословомъ [1]) σπερμολόγος, — взглядъ, свидѣтельствующій объ особенно самодовольномъ, умершемъ для всего возвышеннаго, неземнаго умѣ епикурейцевъ. Другіе думали, что онъ хочетъ ввести чужихъ боговъ, именно Іисуса и Воскресеніе (Ἀνάστασις Анастасію) [2]). Этотъ взглядъ грозилъ опасностію, потому-что за подобную вину нѣкогда Сократъ Ареопагомъ былъ осужденъ на смерть [3]). Но на этотъ разъ дѣло не приняло серьезнаго характера. И дальнѣйшая исторія ничего не говоритъ о фанатическомъ преслѣдованіи. Мало того, они даже охотно слушали этого интереснаго, по ихъ мнѣнію, мечтателя (фантазёра) частію изъ учтивости, частію по любознательности; а чтобы еще больше удовлетворить своему любопытству и другимъ доставить то же удовольствіе, они привели его на ареопагъ [4]), т. е. на холмъ (Ἀρεόπαγος), лежащій къ западу отъ акрополя, гдѣ находилось высшее судебное мѣсто съ такимъ

---

[1]) Σπερμολόγος собственно значитъ грачь, ворона. Въ такомъ же смыслѣ почтилъ однажды этимъ именемъ Димосѳенъ своего соперника Эсхина, pro corona p. 269. ed. Reiske.

[2]) Что Іисуса Христа и (ἀνάστασις) Анастасію они считали въ политеистическомъ смыслѣ за двѣ Божественныя личности, это можно выводить изъ члена употребленнаго при томъ и другомъ словѣ (Дѣян. 17, 18). Въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, что воскресеніе (*Анастасію*) Греки считали за богиню, потому-что они строили алтари не только своимъ богинямъ, но и отвлеченнымъ понятіямъ, какъ напр. состраданію (ἔλεος).

[3]) По свидѣтельству Ксенофонта, Memorab. 1, 1, Сократа обвиняли также и во введеніи чужихъ боговъ, οὓς μὲν ἡ πόλις νομίζει θεούς, οὐ νομίζων, ἕτερα δὲ καινὰ δαιμόνια (понимая слово δαιμόνια въ хорошемъ смыслѣ, какъ не рѣдко бываетъ у Классиковъ) εἰσφέρων.

[4]) Ἀρειόπαγος ареопагъ собственно значитъ *холмъ Арея*, бога войны.

же именемъ, наблюдавшее за исполненіемъ законовъ,—слѣдившее за нравами и богослуженіемъ. Здѣсь Апостолъ могъ быть лучше понятъ большинствомъ слушателей. На этомъ, изстари пользовавшемся уваженіемъ, возвышенномъ пунктѣ въ виду распростершагося у ногъ города, въ виду Ѳезея и Акрополиса съ великолѣпнымъ Парѳеномъ и тѣми галлереями, развалины которыхъ еще доселѣ возбуждаютъ удивленіе, онъ сказалъ такую рѣчь, которая въ высшей степени замѣчательна педагогическою мудростію и деликатнымъ принаровленіемъ къ особымъ обстоятельствамъ, и можетъ послужить предостереженіемъ и руководствомъ для всѣхъ неразсудительныхъ ревнителей и нетерпѣливыхъ фанатиковъ.

Хотя онъ былъ крайне опечаленъ такимъ поклоненіемъ идоламъ, однако онъ не началъ прямо осуждать его, какъ чистое дѣло сатаны. Такимъ образомъ онъ закрылъ бы себѣ доступъ къ сердцамъ; но подъ пепломъ суевѣрія онъ заприметилъ тлѣющуюся искру тоски и стремленія къ какому-то невѣдомому, и однако хорошо чувствуемому Богу. Къ этому остатку образа и подобія Божія, къ этой религіозной потребности и неизгладимому сознанію о Богѣ, лежащему въ основѣ даже всѣхъ заблужденій многобожія (Рим. 1, 19; 2, 14. 15), онъ принаровилъ свою проповѣдь, такъ какъ въ Аѳинянахъ увидалъ онъ особенную ревность по религіи [1]) и въ доказательство ея привелъ то очень многознаменательное обстоятельство, что они, какъ онъ замѣтилъ, посвятили алтарь «неизвѣстному Богу» (ἀγνώστῳ θεῷ, 17, 23) [2]). Эту замѣчательную надпись

---

[1]) Слово δεισιδαιμονεστέρους гл. 17, 22, равно какъ и въ 19 ст. гл. 25, нужно понимать въ первоначальномъ хорошемъ значеніи «богобоязненный, набожный», какъ оно употребляется напр. у Ксенофонта и Аристотеля; да и сравнительная степень этого слова означаетъ преимущество предъ другими Греками. *Павзаній* (Attic. 24) приписываетъ Аѳинянамъ бо̀льшую, сравнительно съ другими, ревность въ богослуженію περισσότερον εἰς τὰ θεῖα σπουδῆς, что фактически доказывается множествомъ храмовъ и жертвенниковъ. И *Іосифъ* называетъ ихъ (c. Ap. 1, 12) самыми благочестивыми людьми изъ Грековъ εὐσεβεστάτους τῶν ἑλλήνων.

[2]) Изъ языческихъ писателей извѣстно, что у Аѳинянъ было много алтарей съ такою или ей подобною надписью. Такъ *Павзаній* (Attic. 1, 4) говоритъ: «здѣсь есть жертвенники въ честь боговъ такъ называемыхъ неизвѣстныхъ (θεῶν ἀγνώστων) и героевъ», и *Филостратъ* въ жизни Аполлонія (vita Apollon. VI, 3): «тамъ (въ Аѳинахъ) устроены жертвенники и неизвѣстнымъ демонамъ». Поводомъ къ устройству такихъ жертвенниковъ бывали общественныя бѣдствія, когда виновникомъ

языческаго жертвенника онъ съ удивительною свободою духа поставилъ вмѣсто текста и избралъ ее темою для своей проповѣди. Этою надписью Аѳиняне, конечно, не выражали мысли о Единомъ истинномъ Богѣ (предметѣ монотеизма),—но совершенно въ политеистическомъ смыслѣ представляли себѣ одного изъ многихъ боговъ, числа которыхъ они по своему взгляду не имѣли никакого основанія ограничивать какою нибудь опредѣленною цифрою. Но въ то же время въ этомъ поклоненіи невѣдомому и безъимянному Богу высказывалось безсознательное стремленіе политеизма къ истинѣ, сознаніе о его несостоятельности, предчувствіе о какой-то высшей, находящейся внѣ его круга боговъ, силѣ [1]) и о необходимости примиренія съ нею. Такимъ образомъ самъ политеизмъ открылъ обширное поприще для новой религіи, для возвѣщенія и исповѣданія неизвѣстнаго Бога, Который въ то же время есть Единый истинный Богъ. На этомъ остановился Павелъ, и, возведши такое замѣчательное явленіе къ его внутренней основѣ, разъяснивши обнаружившуюся въ немъ религіозную потребность и въ поклоненіи *какому-то* неизвѣстному Богу весьма справедливо открывши темное предчувствіе *Единаго* неизвѣстнаго Бога, онъ продолжалъ: «Сего-то, Котораго вы не зная почитаете, я проповѣдую вамъ». И за тѣмъ уже Апостолъ перешелъ къ развитію такой истины, которая въ то же время была и положительнымъ опроверженіемъ политеистическаго заблужденія. Онъ повелъ рѣчь о Богѣ, какъ Творцѣ всей все-

---

ихъ не могли признать ни одного изъ извѣстныхъ боговъ, и когда за эти бѣдствія все-таки хотѣли принести умилостивительную жертву. Такъ Діогенъ *Лаэрцій* въ біографіи Епименида (3) разсказываетъ, что «Аѳиняне во время моровой язвы получили отъ оракула приказаніе очиститься отъ грѣховъ. По этому случаю они вызвали къ себѣ изъ Крита знаменитаго поэта и прорицателя Епименида, который совершилъ примиреніе слѣдующимъ образомъ: онъ пригналъ на ареопагъ черную и бѣлую овцу, и оттуда заставилъ ихъ бѣжать, куда имъ угодно, приказавши между тѣмъ лицамъ, слѣдившимъ за ними принести жертву соприкосновенному къ этому дѣлу Богу (τῷ προσήκοντι θεῷ, предполагаемому виновнику заразы) на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ каждая изъ нихъ ляжетъ. И будто бы, по словамъ Лаэрція, вслѣдствіе этого прекратилось бѣдствіе. Отъ того еще въ наше время въ нѣсколькихъ округахъ Аѳинскихъ находятъ жертвенники безъ опредѣленнаго названія (βωμοὺς ἀνωνύμους).

[1]) Припомнимъ, что по религіозному воззрѣнію древнихъ Грековъ даже главнымъ ихъ богомъ Зевсомъ управляетъ какая-то болѣе мощная, чѣмъ Зевсъ, сила, называвшаяся у нихъ *Мирой* (Μοῖρα) или Эсой (Αἶσα). *Примѣч. Перевод.*

ленной и Вседержителѣ, незамѣтно противополагая язычеству, которое вовсе не знаетъ правильнаго ученія о твореніи, но съ одной стороны обоготворяетъ силы природы, а съ другой самое божество низводитъ до твари;—за тѣмъ говоритъ о первобытномъ единствѣ рода человѣческаго и объ упроченіи его жилищъ по волѣ Провидѣнія, и о продолжительности его временной жизни,—это въ противоположность необходимо соединенному съ многобожіемъ разрыву такого единства и наперекоръ атомистическому воззрѣнію и національной гордости Аѳинянъ, которые считали себя за самородныхъ (αὐτοχθόνες) автохѳоновъ, выросшихъ изъ своей собственной земли первобытныхъ жителей, а на іудеевъ и варваровъ смотрѣли съ презрѣніемъ. Кромѣ того въ рѣчи своей Апостолъ говорилъ о высокомъ нравственномъ назначеніи человѣка, къ которому ведетъ его Провидѣніе, заправляющее всѣмъ міромъ,—назначеніе это состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ искалъ Бога, (Котораго онъ потерялъ вслѣдствіе грѣховъ) и вступилъ съ Нимъ въ общеніе. Хотя исканіе Бога не удавалось [1]) язычникамъ, или удавалось, но не вполнѣ, все-таки эта неудача происходила по ихъ винѣ, такъ-какъ Богъ вблизи насъ, Онъ есть Животворное Начало, въ Которомъ мы обрѣтаемъ покой, отъ Котораго вполнѣ зависитъ каждую минуту наша духовная жизнь, наше физическое (внѣшнее) состояніе, да и самое наше бытіе, какъ высказывали даже нѣкоторые и изъ ихъ родныхъ поэтовъ: «мы родъ Божій» [2]). Такому высокому достоинству че-

[1]) Ап. Павелъ этого, конечно, не высказалъ ясно, но на это имъ сдѣланъ намекъ по аттической деликатности чрезъ частицы: εἰ ἄραγε (ст. 27); да и глаголъ ψηλαφάω (ощупываю, ищу ощупью, какъ слѣпой) заключаетъ въ себѣ противоположеніе ясному свѣту и твердому познанію откровенія.

[2]) Ап. Павелъ въ этихъ словахъ вспоминаетъ своего земляка *Арата*, Киликійскаго поэта, жившаго въ 3-мъ столѣтіи до Рождества Христова, въ астрономическомъ стихотвореніи котораго буквально находится приведенное мѣсто (Phaenomena, ст. 5), какъ первая часть экзаметра, и притомъ въ слѣдующей связи:

«...... Всѣ мы имѣемъ крайнюю нужду въ Зевсѣ,
Потому что мы его (τοῦ) родъ; полный благости, онъ (Зевсъ) являетъ людямъ знаки своего благоволенія».,...

Мѣстоимѣніе τοῦ (поэтич. вмѣсто τούτου) въ подлинникѣ относится къ Юпитеру; но Ап. Павелъ, видящій неуясненное желаніе сердца,—стремленіе заблудившагося религіознаго чувства къ неизвѣстному Богу, и здѣсь, также какъ онъ поступилъ съ выраженіемъ ἀγνώστῳ θεῷ, дозволяетъ себѣ идеальное указаніе на истиннаго Бога. Подобное же выраженіе, только въ формѣ рѣчи или *обращенія* къ Юпитеру

ловѣка противорѣчитъ идолопоклонство, низводящее вѣчнаго Творца въ область твари и изображающее его въ бездушной матеріи. Этимъ Апостолъ пробудилъ сознаніе о виновности, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на нелѣпость язычества; но вмѣсто того, чтобы дальше вести полемику съ идолопоклонствомъ, онъ, подобно самому долготерпѣливому Богу, проходитъ мимо это время невѣденія [1]), и переходитъ къ проповѣди о покаяніи, о воскресшемъ Христѣ и ожидающемъ невѣрныхъ судѣ; но объ этомъ Лука разсказываетъ слишкомъ коротко въ общихъ словахъ [2]).

Проповѣдь о воскресеніи мертвыхъ естественному разуму греческихъ философовъ была особенно соблазнительна и казалась имъ чѣмъ-то невозможнымъ и безцѣльнымъ. Одни, вѣроятно особенно епикурейцы, насмѣхались надъ нею, а другіе обращались къ апостолу съ такими словами: «намъ хочется слышать объ этомъ отъ тебя въ другое время». Быть можетъ на это ученіе теперь они взглянули довольно серьёзно; а съ большею вѣроятностію въ такомъ оборотѣ рѣчи нужно видѣть только вѣжливый намекъ на прекращеніе проповѣди о такой, какъ имъ казалось, нелѣпой догмѣ. Вотъ и

находится у Стоика *Клеанѳа* (за 264 г. до Рожд. Христова). Hymn. in. Iov. 5. ἐκ σοῦ γάρ γένος ἐσμέν, и въ золотой поэмѣ: θεῖον γάρ γένος ἐστὶ βροτοῖσιν. Первое мѣсто стоитъ въ слѣдующей связи:

Преславный изъ всѣхъ боговъ, многоименный, Вѣчный Владыка!
Зевсъ! виновникъ природы, все содержащій въ порядкѣ!
Будь благословенъ! Тебя нужно славить всѣмъ живущимъ на землѣ;
Потому что *мы изъ твоего рода*; только мы одни изъ всѣхъ
Тварей, населяющихъ землю и движущихся по ней,—только мы одни получили даръ слова.

[1]) Апостолъ Павелъ чрезъ такой мягкій, и все-таки очень унизительный для гордости образованныхъ Аѳинянъ отзывъ объ язычествѣ, какъ состояніи невѣжества (χρόνοι τῆς ἀγνοίας ст. 30), естественно, хотѣлъ нѣсколько извинить оное, какъ показываютъ предъидущіе стихи, сн. Рим. 1, 20.

[2]) Таково мнѣніе и *Шлейермахера*. Einleitung. in's N. Tes. Sämmtl. Werke Abth. 1, ст. 8. стр. 374): «рѣчь Павла въ Аѳинахъ, сколько можно судить по ея началу (Дѣян. 17, 22—31), очевидно была подробна, а между тѣмъ послѣ ея начала все остальное изложено въ общихъ словахъ; объ явленіи Христа на землѣ только упомянуто, точно также и объ Его воскресеніи, такъ что это нельзя считать за подробное изложеніе, но только за выдержку. Должно съ несомнѣнностію полагать, что св. апостолъ говорилъ въ рѣчи подробно о воплощеніи Христа и Его воскресеніи, какъ главныхъ событіяхъ въ христіанствѣ. Но только Лука въ повѣствованіи объ этомъ передалъ намъ вкороткѣ».

здѣсь открылось, что Богъ утаилъ Евангеліе отъ мудрыхъ и ученыхъ людей и открылъ его младенцамъ (Мѳ. 11, 25).

Впрочемъ такая мудрая и осторожно предложенная и произнесенная рѣчь апостола принесла плоды: многіе изъ мущинъ и женщинъ, и притомъ, какъ кажется, изъ высшаго и образованнаго сословія приняли его ученіе. Изъ нихъ книга Дѣяній Апостольскихъ (17, 34) называетъ по имени *Діонисія*, члена ареопага. Этотъ ареопагитъ былъ, какъ гласитъ преданіе церковное, первымъ епископомъ Церкви Аѳинской [1]). Его считали христіанскимъ представителемъ созерцанія, особенно платоническаго мистицизма (этихъ послѣднихъ цвѣтовъ болѣе серьезнаго язычества) въ его сочетаніи съ Христіанскою истиною. Достойно замѣчанія то, что, по свидѣтельству Евсевія, первыя христіанскія апологіи были написаны въ Аѳинахъ *Квадратомъ* и *Аристидомъ*, слѣдовательно христіанское богословіе тамъ нѣкоторымъ образомъ получило свое начало. Впослѣдствіи времени тамъже получили научное раннее образованіе великіе отцы Церкви, каковы: Василій Великій, Григорій Назіанзенъ и, быть можетъ, Климентъ Александрійскій. Но въ другихъ отношеніяхъ городъ греческихъ музъ, стоявшій хоть на высотѣ общечеловѣческаго образованія, но и при этомъ самаго великаго и благороднаго своего мудреца считавшій (по словамъ «облаковъ» Аристофана) только за пустаго человѣка [2]) и приговорившій его къ смерти, никогда не занималъ въ исторіи такого важнаго мѣста, какъ Антіохія, Александрія, Константинополь и Римъ.

---

§ 13. Ап. Павелъ въ Коринѳѣ.
(53 г.)

Изъ Аѳинъ Павелъ отправился (53) въ *Коринѳъ*, гдѣ опять встрѣтились съ нимъ Сила и Тимоѳей (Дѣян. 18, 5). Эта богатая и цвѣтущая столица Ахайской области и резиденція Римскаго проконсула находилась на перешейкѣ Пелопонеса, между егейскимъ и іоническимъ моремъ, и чрезъ свои гавани Лехэ-

---

[1]) По свидѣтельству *Діонисія* Коринѳскаго, жившаго въ половинѣ втораго столѣтія у Евсевія H. E. IV. 23.

[2]) См. Ист. Греч. Литер. (Поэзію) *Мунка* въ рус. перев. С.П.Б. 1861. стр. 261—272. *Перев.*

онъ на западной, а Кенхрэю на восточной сторонѣ была средоточіемъ торговли между восточною и западною половиною Римскаго государства, такъ сказать мостомъ между Азіею и Европою; а со времени своего возстановленія цезаремъ (46 г. до Рожд. Христова) она была главнымъ мѣстомъ и философскихъ школъ, художнической дѣятельности, утонченной свѣтскости, но за то и безмѣрной роскоши и освященнаго богослуженіемъ Афродитѣ разврата [1]). Здѣсь апостолъ имѣлъ самый удобный случай видѣть своими глазами то ужасающее растлѣніе нравовъ между язычниками, которое онъ послѣ чрезъ нѣсколько времени описываетъ въ первой главѣ посланія къ Римлянамъ, писаннаго здѣсь—въ Коринѳѣ.

Основаніе христіанской церкви въ такомъ знатномъ городѣ, бывшемъ въ сношеніяхъ со всѣмъ свѣтомъ, должно было быть весьма важно, но конечно и соединено было съ неимовѣрными препятствіями, оттого-то Павелъ и прожилъ здѣсь полтора года (Дѣян. 18, 11). Онъ, какъ мастеръ дѣлать палатки, скоро нашелъ себѣ здѣсь квартиру и работу у христіанина изъ Іудеевъ Акѵилы [2]). Этотъ человѣкъ занимался тѣмъ же ремесломъ, вѣроятно, въ большихъ размѣрахъ и на короткое время прибылъ въ Коринѳъ съ своею женою Прискиллою (Prisca) вслѣдствіе указа Клавдіева, выгнавшаго всѣхъ Іудеевъ изъ Рима, но скоро опять потерявшаго силу. И Акѵила и Прискилла являются ревностно трудящимися въ проповѣди Евангелія (2 Тим. 4, 19) въ разныхъ мѣстахъ,—въ Ефесѣ (Дѣян. 18, 18. 26. 1 Кор. 16, 19) и въ Римѣ (Рим. 16, 3).

Павелъ опять прежде всего обратился къ Іудеямъ и Прозелитамъ, которыхъ было весьма много въ Коринѳѣ, равно какъ

---

[1]) Распутство тамъ было столь велико, что глаголъ κορινθιάζειν —жить по коринѳски,—значитъ то же, что распутничать. Замѣчательна слѣдующая особенность: между тѣмъ какъ въ Аѳинахъ въ Акрополисѣ возсѣдала на престолѣ Минерва, покровительница мудрости,—наукъ, въ Акрокоринѳѣ имѣла пресловутый храмъ въ честь себя Венера, богиня сладострастія и распутства.

[2]) Лука оставляетъ нерѣшеннымъ тотъ вопросъ, Акѵила былъ ли тогда уже христіаниномъ, или онъ былъ обращенъ только теперь Павломъ. Первое предположеніе, сколько можно судить по скорому сближенію Акѵилы съ Павломъ, кажется намъ болѣе вѣроятнымъ; а названіе Іудей Ἰουδαῖος (Дѣян. 18, 9) не говоритъ противъ этого, потому что оно довольно часто означаетъ только происхожденіе отъ извѣстной націи, какъ напр. Гал. 2, 13—15. Можно привести въ доказательство еще и то, что Павелъ (1 Кор. 16, 15) Стефана и его домашнихъ называетъ первенцами между христіанами изъ Ахейцевъ.

и во всѣхъ торговыхъ городахъ, но встрѣтилъ сильное противленіе, такъ-что оставилъ синагогу, и имѣлъ собранія въ стоящемъ подлѣ нея домѣ у пришельца вратъ, по имени Іуста. Какъ бы то ни было, а только, быть можетъ, именно вслѣдствіе такого рѣшительнаго и энергическаго поведенія Павлова начальникъ синагоги Криспъ обратился въ христіанство со всѣмъ своимъ домомъ, и съ какимъ-то Гаіемъ и съ семействомъ Стефановымъ былъ крещенъ самимъ Павломъ (Дѣян. 18, 8. 1 Кор. 1, 14—17), хотя совершеніе крещенія Павелъ въ другихъ случаяхъ поручалъ своимъ помощникамъ, которые могли исполнять это дѣло также хорошо, какъ и онъ самъ. Потому-что при таинствѣ, совершаемомъ, такъ сказать, самимъ Господомъ, личность человѣка отступаетъ на задній планъ, тогда-какъ при проповѣди, основывающей Церковь и требующей особеннаго дарованія, она занимаетъ видное мѣсто. Огромное число христіанъ, какое Павелъ составилъ при сотрудничествѣ Силы и Тимоѳея (сн. 2 Кор. 1, 19), безъ сомнѣнія, состояло изъ прежде бывшихъ язычниками, и притомъ преимущественно, хотя не исключительно [1]), изъ низшаго сословія. Потому-что въ 1 Кор. 1, 26—30 онъ самъ говоритъ, что между ними не много мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много знати, но что Богъ избралъ простачковъ по понятію міра и слабоумныхъ, для того, чтобы тѣмъ славнѣе обнаружилась въ нихъ сила Евангелія, и за тѣмъ, чтобы пристыдить гордость мудрецовъ и сильныхъ. Онъ въ Аѳинахъ своимъ опытомъ дозналъ, какъ въ высшемъ и образованномъ кругу вообще мало воспріимчивости къ Евангелію, которое такъ рѣзко противорѣчило ихъ то саддукейскому, то фарисейскому настроенію, и по этому заранѣе положилъ себѣ въ Коринѳѣ выступить не съ человѣческою мудростію и краснорѣчіемъ, но съ обнаруженіемъ духа и силы, съ безъискусственною простотою радостной для бѣдныхъ грѣшниковъ проповѣди (ἐναγγέλιου) и *ничего не знать*, кромѣ *Іисуса Христа и притомъ распятаго* (1 Кор. 2, 1—5), въ Которомъ заключалось, конечно, все необходимое для нашего спасенія. Такимъ образомъ противоположность между міромъ и Христіанствомъ высказалась рѣзче, и благодать

[1]) Сн. Рим. 16, 23. гдѣ Павелъ, между прочимъ, посылаетъ поклонъ отъ Ераста, Коринѳскаго казначея.

могла действовать прямѣе и сильнѣе. Правда, апостолъ въ греческой гордой философіи, въ іудейскомъ мистицизмѣ и во всеобщемъ растлѣніи нравовъ нашелъ себѣ сильную преграду, и кромѣ того долженъ былъ вынести тяжкую внутреннюю борьбу, и не рѣдко до того бывалъ подавляемъ чувствомъ своей слабости, что когда онъ всматривался въ самаго себя, то имъ овладѣвалъ страхъ и трепетъ (1 Кор. 2, 3) и онъ имѣлъ нужду въ особенномъ подкрѣпленіи отъ Господа посредствомъ видѣнія (Дѣян. 18, 9—10). Но, не смотря на это, его проповѣдь именно въ Коринѳѣ-то и сопровождалась чрезвычайнымъ успѣхомъ, и вліяніе тамошней Церкви распространилось на всю Ахаію (1 Сол. 1, 7. 8. 2 Кор. 1, 1).

Такой быстрый успѣхъ Евангелія раздражилъ іудеевъ враговъ еще болѣе, и они воспользовались прибытіемъ новаго проконсула Аннея Галліона для того, чтобы обвинить Павла въ нападкахъ на признанный у нихъ закономъ Моусеевъ порядокъ. Но Галліонъ, человѣкъ очень добрый, [1] хорошо понимая предѣлы своей гражданской судебной должности, отвергъ жалобу, такъ-какъ она имѣла своимъ предметомъ споръ изъза религіознаго ученія, слѣдовательно вовсе не подлежала его суду, и указалъ имъ на еврейское присутственное мѣсто, при чемъ слуги въ языческомъ судѣ излили свое негодованіе на начальника синагоги Сосѳена (Дѣян. 18, 12—17). Послѣ этого приключенія апостолъ жилъ въ Коринѳѣ не мало времени (ст. 18), и въ это время, какъ можно заключать изъ 2-го посланія къ Кор. 1, 1; сн. Рим. 16, 1, или самъ дѣлалъ поѣздки въ сосѣднія мѣстечки провинціи, или посылалъ туда своихъ учениковъ.

§ 14. Посланія къ Солунянамъ.
(53 г.)

Въ это время (около 53 г.) получили начало первыя дошедшія до насъ посланія ап. Павла, которыя принадлежатъ

[1]) Братъ его извѣстный Стоикъ Анней *Сенека* считалъ его за достойнаго любви смертнаго. Nemo mortalium“, говоритъ онъ (praef. natur. quaest. 1. IV). uni tam dulcis, quam hic omnibus. Быть можетъ, покровительство, оказанное имъ апостолу (если поставить въ связь съ этимъ стихъ 22-ый 4-ой главы къ Филип., гдѣ упоминаются обращенные изъ дому Кесарева), дало поводъ къ неосновательному преданію о знакомствѣ и перепискѣ Павла съ Философомъ Сенекою, воспитателемъ Нерономымъ.

вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ раннимъ книгамъ Новаго Завѣта,— именно: два посланія къ Солунянамъ. [1]). Тимоѳей, котораго онъ, какъ кажется, послалъ туда изъ Аѳинъ (1 Сол. 3, 1), принесъ ему въ Коринѳъ вообще очень радостное извѣстіе (1 Сол. 1, 8) объ усердіи, вѣрности и твердости Солунскихъ христіанъ среди продолжавшихся гоненій, равно какъ о ихъ ревности въ распространеніи Евангелія по Македоніи даже до предѣловъ Ахаіи. Въ то время во многихъ ожиданіе скораго втораго пришествія Христова, бывшее, вѣроятно, любимою темою проповѣди св. Павла, приняло фанатическій мечтательный характеръ, и въ однихъ возбудило меланхолическое настроеніе, скорбь о почившихъ братіяхъ, какъ будтобы эти лица уже отчуждены отъ Господа и лишились благодатныхъ даровъ, сообщенныхъ людямъ вслѣдствіе Его пришествія на землю, а въ другихъ вызвало легкомысліе и пренебреженіе ихъ земными служебными занятіями, такъ-что они перестали работать и были въ тягость людямъ зажиточнымъ. Явились непризванные пророки, которые поддерживали мечтательность, а это, въ свою очередь, въ нѣкоторой части христіанскаго общества вызвало противоположную крайность—неуваженіе къ дару пророческому (1 Сол. 5, 19). Все это для апостола было поводомъ къ написанію перваго посланія, которое полнó свѣжихъ воспоминаній о его тамошней жизни. Онъ хвалитъ Солунскихъ христіанъ за ихъ добрыя качества, утѣшаетъ горюющихъ объ участи усопшихъ, нетерпѣливыхъ увѣщеваетъ къ трудолюбію, къ хожденію во свѣтѣ и ко всегдашней готовности къ принятію Господа, Который придетъ неожиданно, какъ тать въ нощи; но также и предостерегаетъ отъ вычисленій года и часа пришествія, и отъ другихъ заблужденій.

Но когда изступленныя ожиданія отъ этого не прекратились и не умолкли, а кто-то даже выдалъ другое посланіе подъ именемъ апостола (2 Сол. 2, 2), имѣвшее цѣлію послужить къ ихъ усиленію, тогда Павелъ вскорѣ послѣ перваго написалъ второе посланіе съ собственноручною подписью, въ которомъ онъ подробнѣе говоритъ о явленіи Господа, и особен-

---

[1]) О времени ихъ написанія кромѣ извѣстнаго введенія въ книги Новаго Завѣта (Einleitung in 5 N. T.) смотр. особенно «хронологію книги Дѣяній Апостольскихъ» у *Визлера* стр. 241 и д.

но о необходимо предшествующемъ развитіи власти діавола въ его самомъ полномъ и страшномъ олицетвореніи,—въ «сынѣ погибели, въ человѣкѣ грѣха» (2 Сол. 2, 1—12), и снова увѣщеваетъ ихъ къ степенной и дѣятельной жизни. Замѣчательно, что именно Македонскимъ церквамъ, гдѣ христіанство такъ хорошо процвѣтало, прежде всѣхъ другихъ раскрыта тайна антихристовой злости въ томъ пророчествѣ, которое хотя въ апостольскій періодъ вполнѣ-то не сбылось, но будетъ осуществляться до послѣднихъ временъ церкви.

---

§. 15. Третье миссіонерное путешествіе Павла. Дѣятельность въ Ефесѣ (54—57 г).

Послѣ полутора-годичнаго пребыванія въ Коринѳѣ, св. апостолъ, вѣроятно весною 54 года, когда вступилъ на престолъ Неронъ, рѣшился воротиться къ первому по времени христіанскому обществу изъ язычниковъ, и притомъ чрезъ Іерусалимъ, гдѣ онъ хотѣлъ праздновать, вѣроятно, Пятдесятницу, и, какъ кажется, въ тоже время принести благодарственную жертву за исцѣленіе отъ болѣзни, или за избавленіе отъ какой-то другой, неизвѣстной намъ, опасности для жизни. Такъ по крайней мѣрѣ понимаютъ большая часть лучшихъ толкователей тотъ обѣтъ, который онъ принялъ на себя въ Кенхреяхъ въ восточной гавани Коринѳской [1]). Такой поступокъ нисколько не противорѣчитъ правиламъ свободно мыслящаго Па-

---

[1]) Что это былъ за *обѣтъ* (εὐχή Дѣян. 18, 18)? Большая часть толкователей считаютъ его обѣтомъ Назорейскимъ (числ. 6, 1 и д.), который *Филонъ* называетъ большимъ обѣтомъ εὐχὴ μεγάλη. Назореемъ былъ тотъ, кто посвящалъ себя лично Богу или на всю жизнь, или на извѣстный періодъ времени, и долженъ былъ во все время обѣта воздерживаться отъ горячихъ напитковъ и отпустить волосы на головѣ. По истеченіи срока онъ во храмѣ Іерусалимскомъ приносилъ жертву, и здѣсь священникъ стригъ его волосы, которые тогда же бросались въ огонь приготовленный для жертвы, и такимъ образомъ посвящались Господу (Числ. 6, 5. 18). Но послѣднее обстоятельство нейдетъ къ разсматриваемому нами мѣсту, изъ котораго видно, что Павелъ остригъ себѣ волосы внѣ Палестины и, какъ кажется, при принятіи обѣта, а не при окончаніи его. Думали послѣднее затрудненіе разрѣшить мыслію объ этомъ обрядѣ, какъ о результатѣ обѣта (какъ дѣлаетъ *Мейеръ* ad loc). Но и при этомъ остается еще другая трудность. Потому что объ остриженіи волосъ на *чужой* сторонѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда ни въ Ветхомъ Завѣтѣ, ни въ Талмудѣ; только принятіе, но не освобожденіе отъ назорейства, по свидѣтельству *Мишны Назиръ* III. 9, дозволено *внѣ* Палестины. *Неандеръ* допускаетъ позднѣйшее видоизмѣненіе обѣта назорейскаго. Но приводимое имъ въ свою

вла. Потому-что, хотя онъ былъ весьма далекъ отъ того, чтобы соблюденіе закона или какое-нибудь учрежденіе человѣческое считать условіемъ спасенія, и согласно съ своимъ правиломъ самъ съ силою возставалъ противъ возложенія іудейскаго ига на христіанъ изъ язычниковъ; однако уважалъ болѣе близкую къ духу закона и дѣтскую набожность христіанъ изъ іудеевъ, и нѣкоторыми учрежденіями и обычаями онъ свободно могъ воспользоваться для благоспоспѣшенія даже своей собственной, личной, внутренней жизни, хорошо сознавая, что законъ и для возрожденныхъ, пока имъ приходится вести брань съ плотію и кровію, удерживаетъ свой характеръ и значеніе, какъ пѣстунъ во Христа. Вообще о всѣхъ церковно-религіозныхъ обрядахъ и чувственныхъ изображеніяхъ нужно сказать, что они могутъ служить младенцамъ для приготовленія, а взрослымъ для усовершенствованія въ истинномъ благочестіи, но бываютъ и опасны въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ считаютъ необходимымъ условіемъ спасенія и ставятъ ихъ на мѣсто живой вѣры или даже самого Христа.

Ап. Павелъ чрезъ Ефесъ, гдѣ, обѣщаясь скоро возвратиться, оставилъ своихъ спутниковъ Аквилу и Симмаха, отправился на кораблѣ въ Кесарію Стратонитскую, въ четвертый разъ хоть на короткое время посѣтилъ Церковь Іерусалимскую и за тѣмъ опять не мало времени пробылъ въ Антіохіи. Тогда онъ предпринялъ *третье* миссіонерное путешествіе. Сперва онъ подкрѣпилъ уже основанныя прежде Церкви во Фригіи и Галатіи (Дѣян. 18, 23), и за тѣмъ, по извѣстной намъ

пользу мѣсто изъ *Іосифа* de bello Jud. 11, 15. 1., недоказательно, такъ-какъ тамъ, сколько можно судить по связи и по общеупотребительнымъ выраженіямъ, едва ли идетъ рѣчь о чемъ другомъ, кромѣ обыкновеннаго назорейства. Кромѣ того остриженіе волосъ Вереникою, о чемъ выше говорится у Іосифа вкороткѣ, происходило въ Іерусалимѣ. Среди такихъ обстоятельствъ *Мейеръ*, по примѣру *Салмазія* и др., подъ словомъ ʼευχὴ Дѣян. 18, 18. разумѣетъ какой-то *частный* обѣтъ или votum civile, которому срокъ вышелъ въ Кенхреѣ. Но тогда ращеніе волосъ, и остриженіе ихъ, бывшее частью обѣта Назорейскаго, составляетъ явленіе, не имѣющее значенія и смысла. На бывшій въ ходу у язычниковъ обычай, по которому выздоровѣвшіе и счастливо воротившіеся домой путешественники посвящали свои волосы какому нибудь божеству (Juvenal Sat. XII, 81 и др.), въ этомъ случаѣ нельзя ссылаться. Мы принуждены сознаться, что обѣтъ Павла, по выраженію *де Ветте*, имѣетъ гордіевъ узелъ, или, какъ говоритъ *Винеръ*, (Reallexicon 1, стр. 141, 3-е изд.) по тому, что мы *знаемъ* объ обѣтахъ изъ іудейской древности, его нельзя вполнѣ объяснить». По счастію, онъ не касается существеннаго пункта вѣры.

его тактикѣ въ проповѣдничествѣ, всегда имѣвшей особеннымъ предметомъ самые важные торговые города, избралъ для себя *Ефесъ* поприщемъ довольно продолжительной, почти трехлѣтней дѣятельности (19 гл. и д). Вѣроятно онъ прибылъ туда еще до зимы 54 года.

Ефесъ—тогда главный городъ проконсульской Азіи лежалъ близъ берега Икарскаго моря между Смирною и Милетомъ, въ той ясной и плодоносной странѣ, гдѣ нѣкогда за двѣ съ половиною тысячи лѣтъ разцвѣтали начатки греческаго искуства и литературы среди сангвиническаго, любящаго веселую жизнь и весьма даровитаго племени Іонянъ, гдѣ Гомеръ воспѣлъ подвиги героевъ Троянской войны и возвращеніе на родину Одиссея, а Анакреонъ—минутныя, соединенныя съ суетливостію, удовольствія,—Миммермосъ оплакивалъ въ элегіяхъ быстро протекшіе годы молодости и любовь, гдѣ Ѳалесъ, Анаксименъ и Анаксимандръ впервые пробудили духъ философскихъ изслѣдованій о началѣ, значеніи и цѣли бытія. Впрочемъ Ефесъ былъ замѣчателенъ не одною только торговлею и образованіемъ, но и тѣмъ, что здѣсь было главное гнѣздо языческаго суевѣрія и мистическаго служенія и поклоненія Артемидѣ. Потому-что тамъ стоялъ пресловутый храмъ Діаны, который былъ построенъ за 600 лѣтъ до Р. Христова изъ бѣлаго мрамора, но за тѣмъ въ ночь рожденія Александра Великаго (365 г. до Р. Х.) сожженъ обезсмертившимъ себя низостями Геростратомъ; а вскорѣ послѣ опять возстановленъ былъ въ большихъ размѣрахъ и съ большимъ великолѣпіемъ украшенъ 127 колоннами; окончательно же разоренъ во времена Константина Великаго. Въ немъ находилась та, по сказкамъ, упавшая съ неба и съ давнихъ поръ остававшаяся неизмѣнною статуя великой матери боговъ, тотъ истуканъ—мумія со множествомъ грудей и загадочными словами, которымъ приписывали особую магическую силу, и по которымъ заготовляли формулы—записочки волшебныя, извѣстныя подъ именемъ Ἐφέσια γράμματα [1]).

[1]) Въ настоящее время еще есть кое-какія развалины отъ этого храма, и на мѣстѣ нѣкогда цвѣтущаго города находится бѣдная турецкая деревня *Айясолукъ*, которая, должно быть, получила свое имя отъ Іоанна Богослова—ἅγιος θεόλογος (произносимое греками какъ Сеологосъ). См. *Шуберта* путешествіе по востоку (Schubert Reise in das Morgenland. Th. 1., стр. 394 и д., а также путешествіе по востоку *Тишендорфа* 11, стр. 251 и д.

Такимъ образомъ ап. Павлу тамъ открылось обширное поприще для многосторонней дѣятельности, какъ онъ самъ говоритъ (1 Кор. 16. 9). Здѣсь скоро суждено было подъ его руководствомъ разцвѣсти такой церкви, которая заслонила собою славу Антіохіи и Коринѳа, и при ап. Іоаннѣ сдѣлалась центромъ для восточной церкви. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ въ посланіи къ Ефесеямъ онъ преподалъ ей самыя глубокія понятія о славѣ, сущности и внѣшнемъ проявленіи Невѣсты Христовой. Но онъ видѣлъ, что изъ ея нѣдръ выйдетъ самый опасный врагъ—языческій гносисъ. Изъ этого центра Павелъ могъ распространять христіанство по всѣмъ областямъ Малой Азіи частію чрезъ свои собственныя путешествія, частію чрезъ посольство своихъ учениковъ и помощниковъ, и по причинѣ обширныхъ торговыхъ сношеній въ то же время весьма легко могъ получать извѣстія объ основанныхъ имъ въ Греціи церквахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему пришлось вынести тамъ не мало новыхъ скорбей и бѣдствій, и каждую минуту онъ подвергался опасности за жизнь (1 Кор. 15, 30—32; сн. Дѣян. 20, 18 и д. 1 Кор. 4, 9—13. Гал. 5, 11. 2 Кор. 1, 8. 9). Первымъ его кратковременнымъ посѣщеніемъ, въ которое Іудеи умоляли его пожить у нихъ по-дольше (Дѣян. 18, 19), и усердіемъ къ Христовой Вѣрѣ Аквилы и его жены уже проложенъ былъ путь для Евангелія въ Ефесѣ. И здѣсь-же онъ встрѣтилъ замѣчательный родъ полухристіанъ, именно *двѣнадцать учениковъ Іоанна Крестителя*, крестившаго ихъ и указавшаго имъ на Христа, въ Котораго они увѣровали, хотя еще не ознакомились хорошенько съ ученіемъ и судьбами Господа и съ дѣйствіями Его Духа. Вѣроятно, они оставили Палестину до воскресенія Христова для того, чтобы возвѣстить язычникамъ о явившемся Мессіи. Такимъ образомъ они стояли особнякомъ независимо отъ церкви, и оттого невполнѣ усвоили себѣ христіанство, и занимали средину между учениками Іоанновыми со всѣмъ перешедшими ко Христу, и между позднѣйшими сабейцами, считавшими Крестителя за Мессію и возстававшими противъ христіанства. Они съ полною готовностію подробно выслушали ученіе отъ Павла, и приняли крещеніе водою и Духомъ во имя Іисуса съ обычнымъ возложеніемъ рукъ, за которымъ обнаруживалась новая жизнь въ чрез-

вычайныхъ дарахъ апостольскаго періода—въ дарѣ языковъ и пророчествованіи (19, 1—6).

Послѣ трехмѣсячнаго проповѣдыванія въ синагогѣ, Павелъ по враждѣ нѣкоторыхъ іудеевъ принужденъ былъ изъ христіанъ составить отдѣльную общину, и въ теченіи двухъ лѣтъ каждодневно предлагалъ поученія въ училищѣ (аудиторіи) одного греческаго ритора, по имени Тиранна [1]). Въ это время онъ совершилъ много поразительныхъ чудесъ, которыя въ противоположность хитростямъ ложной языческой и іудейской магіи, имѣвшей центръ для себя въ Ефесѣ, вдвойнѣ были тамъ нужны. Даже полотенцамъ и платкамъ апостола сообщалась цѣлительная сила. Именно тогда-то іудейскіе заклинатели во множествѣ ходили въ тѣхъ странахъ и объявляли, что и они, посредствомъ тайныхъ формулъ колдовства и амулетовъ, производимыхъ ими отъ царя Соломона, могутъ выгонять демоновъ [2]). Нѣкоторые изъ такихъ колдуновъ, именно семь сыновей [3]) какого-то Скевы, бывшаго или дѣйствительно первосвященникомъ или настоятелемъ одного изъ 24 классовъ священническихъ, быть можетъ главою Ефесскаго іудейскаго общества и учителемъ магическаго искуства, хотѣли, подобно Симону волхву, мнимымъ своимъ христіанствомъ воспользоваться для своихъ самолюбивыхъ интересовъ, и возмечтали однимъ призываніемъ имени Іисуса Христа, безъ всякаго сочувствія Его Духу, производить такія же дѣйствія, какія совершалъ Па-

---

[1]) Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ случились событія, описанныя въ Дѣян. 19, 10—20 ст. По истеченіи двухлѣтія Павелъ прожилъ еще не мало времени въ Ефесѣ и окрестностяхъ (по отправленіи въ Македонію своихъ спутниковъ ст. 22), и оставилъ городъ только послѣ возмущенія Димитріева 20, 1. Если къ двумъ годамъ прибавить три мѣсяца, которые онъ училъ въ синагогѣ и неопредѣленное число времени (ст. 22), то мы получаемъ почти три года для пребыванія Павлова въ Ефесѣ, что согласно съ трехлѣтіемъ, упомянутымъ въ 20 гл. 31 ст. Быть можетъ, въ это-то трехлѣтіе и совершено было неупомянутое въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ путешествіе въ Коринѳъ.

[2]) См. объ этихъ людяхъ Дѣян. 13, 10. Мѳ. 12, 27. Лук. 9, 49; *Іосифъ* Antiq. VIII, 2. 5; de bello Judaico VII, 6, 3; и Іустина Муч. разг. съ Триф. Іуд. 311 ed. Colon. *Іосифъ* въ первомъ мѣстѣ разсказываетъ, какъ такіе знахари и колдуны изумляли самаго Императора Веспасіана и Римскую армію.

[3]) «Сыны» здѣсь, вѣроятно, по іудейскому словоупотребленію значатъ тоже, что, ученики или послѣдователи, а седмеричное число объясняется представленіемъ, что не рѣдко семь бѣсовъ за разъ входятъ въ человѣка, и только могутъ быть вызваны противодѣйствующими духами въ такомъ же количествѣ.

велъ. Но попытка не удалась. Демонъ, котораго они такимъ образомъ заклинали, хорошо умѣлъ различать духовъ. Съ напряженною силою мышцъ, у одержимыхъ и съумасшедшихъ не рѣдко доходящею до неестественной степени, бросился на обманщиковъ и такъ немилосердо обращался съ ними, что они выбѣжали изъ того дома обнаженными и избитыми (ст. 12—17). Это неожиданное явленіе произвело такое впечатлѣніе, что многіе—прежде занимавшіеся колдовствомъ увѣровали въ Іисуса Христа; даже многіе колдуны сожгли свои книги о магіи, которыхъ было особенно много въ Ефесѣ и цѣнность которыхъ доходила до 50,000 драхмъ или динаріевъ, т. е. почти до 20,000 гульденовъ или 8,000 долларовъ (ст. 17—20). Для такого класса людей и для такихъ отношеній это было блестящимъ и какъ нельзя болѣе приличнымъ торжествомъ свѣта надъ тьмою.

Ап. Павелъ теперь хотѣлъ опять отправиться въ Грецію и напередъ послалъ въ Македонію своихъ сотрудниковъ Тимоѳея и Ераста, (котораго нужно отличать отъ Коринѳскаго казначея Рим. 16, 23), какъ вдругъ вспыхнулъ мятежъ противъ него, описаный въ Дѣяніяхъ Ап. 19, 23 и д. Чѣмъ болѣе идолопоклонство вслѣдствіе его проповѣди получало ударовъ въ сердце, тѣмъ болѣе должны были досадовать на ап. Павла тѣ, которые получали отъ идолослуженія пищу и не хотѣли обратиться. Такъ наприм. ударъ былъ нанесенъ обширной торговлѣ золотыми и серебряными моделями знаменитаго храма Діаны и ея истуканами, которыхъ въ Ефесѣ заготовлялось весьма много, и которые доставляли огромные барыши. Серебреникъ Димитрій, производившій это мастерство въ большихъ размѣрахъ, подъ благовиднымъ предлогомъ религіи возмутилъ противъ врага боговъ своихъ многочисленныхъ рабочихъ, а чрезъ ихъ и весь простой народъ, и цѣлый городъ пришелъ въ движеніе. Черь кричала: «велика Діана Ефесская!» прежде всѣхъ схватила Гаія и Аристарха и потащила ихъ къ амфитеатру, гдѣ обыкновенно бывали общественныя собранія. Какъ скоро узналъ объ этомъ Павелъ, тотчасъ хотѣлъ подвергнуть себя самого опасности для того, чтобы избавить своихъ спутниковъ и, сколько возможно, утишить волненіе. Но расположенные къ нему изъ начальствующихъ лицъ, такъ называемые Азійскіе начальники, имѣвшіе въ этомъ го-

ду надзоръ надъ святынями и публичными играми, отсовѣтовали ему. Волненіе еще болѣе усилилось вслѣдствіе вмѣшательства іудеевъ, которые, опасаясь за свою собственную безопасность, такъ какъ и они были также врагами идолопоклонства, старались удалить отъ себя ненависть язычниковъ и взвалить ее на христіанъ. Тогда толпа, въ теченіи двухъ часовъ, еще сильнѣе стала кричать: «велика Діана Ефесская»!, хотя весьма не многіе знали, въ чемъ собственно дѣло-то. Наконецъ «городскому книжнику» (стряпчему) удалось умною рѣчью защитить вѣропроповѣдниковъ, какъ кажется, не дозволявшихъ себѣ ни какихъ оскорбительныхъ выраженій противъ боговъ (ст. 37), и утишить волненіе.

Изъ этого происшествія видно, что дѣятельность Павла въ тѣхъ мѣстахъ уже поколебала самыя основы идолопоклонства и произвела очень доброе впечатлѣніе на самыхъ знатныхъ и вліятельныхъ людей, къ числу которыхъ принадлежали Азійскіе начальники (Азіархи) и стряпчій по городу [1]).

---

§ 16. Посланія къ Галатамъ и Коринѳянамъ.

Во время пребыванія своего въ Ефесѣ, Павелъ написалъ два весьма важныхъ посланія, именно посланіе къ Галатамъ и первое посланіе къ Коринѳянамъ. Благосостояніе основанныхъ имъ вдалекѣ церквей было у него предметомъ каждодневной молитвы и каждодневныхъ заботъ, и онъ раздѣлялъ съ своими духовными чадами каждую радость и каждую скорбь, какъ будто бы она была его собственною (2 Кор. 11, 28. 29). Отъ того-то онъ и впослѣдствіи старался имѣть на нихъ вліяніе частію чрезъ посольство своихъ помощниковъ, частію чрезъ переписку.

---

[1]) Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ *Плиній* младшій въ письмахъ къ Траяну (X, 97 или 96) сожалѣлъ объ упадкѣ языческаго богослуженія и о далекомъ распространеніи христіанства въ Малой Азіи, не только по городамъ, но и по деревнямъ и среди людей всякаго возраста и званія, хотя онъ и думалъ, что это *зло* еще можно исцѣлить, такъ-какъ уже тогда нѣкоторые отпадали отъ вѣры Христовой. Онъ говоритъ: multi enim omnis aetatis, omnis ordinis, utriusque sexus etiam vocantur in periculum et vocabuntur. Neque enim civitates tantum, sed vicos etiam atque agros superstitionis istius contagio pervagata est. Quae videtur sisti et corrigi posse. Certe satis constat, prope *jam desolata templa* coepisse celebrari, et *sacra solemnia diu intermissa* repeti, passimque venire *victimas*, quarum *rarissimus emptor inveniebatur*.

Вскорѣ послѣ втораго его посѣщенія *Галатійскихъ* церквей [1]) іудействующіе лжеучители, эти смертельные враги свободно мыслящаго Апостола язычниковъ, пробрались и въ Галатійскія церкви, подрывали Апостольское достоинство Павла, обвиняли его въ лжеученіи и человѣкоугодливости, и налагали на христіанъ изъ язычниковъ иго іудейскаго обрядоваго закона. Это печальное событіе побудило Ап. Павла въ 55 году собственноручно написать посланіе, исполненное священнаго негодованія на такую невѣрность Галатовъ къ своему Господу и Его апостолу, на ихъ переходъ отъ духа къ чувственному, отъ евангельской свободы къ рабству закона, но съ другой стороны—проникнутое и самою нѣжною отеческою любовію, которая старается снова обратить заблудшихъ чадъ на истинный путь. Для этаго онъ указываетъ съ одной стороны на свою личность, а съ другой—на факты, именно: 1, описываетъ свое Апостольское достоинство, которое основывается на прямомъ призваніи и откровеніи Христа, и признано самими старшими Апостолами (1, 1—2. 14); 2, достославно изображаетъ сущность Евангелія въ отличіе отъ закона, и—живую вѣру, которая одна дѣлаетъ насъ сынами Божіими и наслѣдниками обѣтованія (2, 15—5, 12). Но вмѣстѣ съ этимъ онъ тутъже предостерегаетъ оставшееся ему вѣрнымъ меньшинство вѣрующихъ отъ опасности возгордиться, отъ злоупотребленія свободою и запрещаетъ безъ милосердія презирать иначе думающихъ братьевъ (5, 13—25); за тѣмъ еще разъ умоляетъ обѣ стороны, проситъ ихъ не уготовлять ему среди тяжкихъ его страданій, свидѣтельствующихъ объ немъ, какъ о рабѣ Христовомъ, еще новыхъ скорбей, и заключаетъ посланіе желаніемъ благодати (гл. 6). Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело это посланіе на Галатовъ. Но оно—одна изъ самыхъ важныхъ новозавѣтныхъ книгъ въ томъ отношеніи, что и для всѣхъ христіанъ служитъ богатымъ источникомъ здраваго ученія о законѣ и Евангеліи.

Но отношенія въ *Коринѳской* церкви во время его отсутствія приняли особенный характеръ и запутались. Преимущественно здѣсь жизнь христіанская развивалась полно и славно, и церковь сдѣлалась извѣстною и украсилась многоразличны-

---

[1]) Дѣян. 18, 23 см. слово ταχέως Гал. 1, 6. и: τὸ πρότερον Гал. 4, 13.

ми духовными дарованіями, какъ какая нибудь нива, согрѣтая весеннимъ солнцемъ и украшенная цвѣтами (1 Кор. 1, 5—7; гл. 12 и 14. 2 Кор. 8, 7). Но въ ней недоставало надлежащаго настроенія и искренней ревности, понятія объ авторитетѣ и порядкѣ,—недоставало смиренія и взаимной братской терпимости. Евангелію еще не вполнѣ удалось совершенно покорить и освятить греческаго Адама, и отъ того-то произошли всѣ неустройства частію вслѣдствіе вліянія прежняго образа жизни и особеннаго характера Грековъ, частію по вліянію чужестранныхъ учителей, именно Аполлоса, который въ сущности-то продолжалъ дѣло Павлово,—и нѣсколькихъ іудаистовъ, которые и тамъ, подобно какъ въ Галатіи, только болѣе утонченнымъ способомъ старались подорвать успѣхи дѣла. Свѣтлыя и темныя стороны въ Апостольской церкви, особенно въ Греческомъ народонаселеніи, здѣсь представляются въ совокупности, и по этому посланія къ Коринѳянамъ даютъ намъ самую наглядную и полную картину тогдашней церковной жизни, равно какъ и огромныхъ затрудненій, которыя предстояли Апостоламъ и могли быть преодолѣны только чрезвычайною помощію Духа Божія.

Павелъ прежде написанія своего посланія къ Коринѳянамъ посѣтилъ ихъ въ другой разъ, хотя только на короткое время (мимоходомъ 1 Кор. 16, 7). Правда, объ этомъ посѣщеніи его ни слова не сказано въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, однако оно довольно ясно видно изъ многихъ мѣстъ этихъ посланій, особенно изъ 2 Кор. 12, 13. 14. и 13, 1, гдѣ онъ говоритъ о предстоящемъ *третьемъ* путешествіи въ Коринѳъ, которое совпадаетъ со *вторымъ* по описанію книги Дѣяній Апостольскихъ (гл. 20, 2). Это путешествіе въ Коринѳъ апостолъ совершилъ, по всей вѣроятности, во время своего почти трехгодичнаго пребыванія въ Ефесѣ (Дѣян. 19), откуда онъ странствовалъ съ проповѣдію по разнымъ мѣстамъ. Уже при этомъ посѣщеніи Коринѳа, Павелъ видѣлъ печальные опыты проникновенія въ тамошнюю церковь языческихъ пороковъ подъ христіанскимъ покровомъ. Еще худшее онъ услышалъ при своемъ возвращеніи въ Ефесъ, и по этому случаю писалъ не дошедшее до насъ посланіе, которое содержитъ предостереженіе отъ обращенія съ необузданными мнимыми хри-

стіанами. [1]) Въ своемъ отвѣтѣ Коринѳяне предложили ему свои взгляды на исполненіе того повелѣнія, которое они поняли нѣсколько обширно, вслѣдствіе чего дозволили себѣ непристойный Христіанамъ образъ жизни; предложили также нѣсколько спорныхъ церковныхъ вопросовъ о бракѣ, объ употребленіи жертвеннаго мяса и о дарахъ духовныхъ. Изъ этого отвѣтнаго письма, а также отъ принесшихъ его онъ получилъ еще болѣе подробныя извѣстія; по этому послалъ Тимоѳея въ Коринѳъ, обѣщаясь и самъ скоро придти туда (1 Кор. 4, 17. 19; 16, 10; сн. Дѣян. 19, 21, 22.) около пасхи 57 года, незадолго до своего отправленія изъ Ефеса (сн. 1 Кор. 16, 8; 5, 7. 8); «отъ великаго прискорбія и стѣсненнаго сердца» (2 Кор. 2, 4), «со многими слезами» написалъ длинное письмо, которое вводитъ насъ въ живое средоточіе образующейся христіанской церкви и представляетъ самое блестящее доказательство мудрости Павловой и преодолѣвающей всѣ преграды божественной силы Евангелія.

§ 17. Коринѳскія партіи.

Похваливши Коринѳскую церковь за обиліе ея духовныхъ дарованій, апостолъ тотчасъ (1 Кор. 1, 10 и д.) нападаетъ на *расколы*, образовавшіеся между ними, которые онъ производитъ изъ высокомѣрія и изъ высокаго мнѣнія о человѣческихъ дарованіяхъ и способностяхъ. Мы замѣчаемъ въ пей большую подвижность, духъ политическихъ партій, и любовь Грековъ къ философскимъ спорамъ, пересаженную на христіанскую почву—такое свойство, которое греческую церковь дѣлало способною занять весьма важное мѣсто и дать ей вѣсъ въ спорахъ о вѣроученіи, бывшихъ въ первые вѣка. Апостолъ упоминаетъ о четырехъ партіяхъ (ст. 12). Одна называлась *Павловой*, другая *Аполлосовою*, третья *Кифиною* или *Петровою*, четвертая—*Христовою*, и притомъ каждая въ смыслѣ особой сек-

[1]) Что слова ἔγραψα ὑμῖν ἐν τῇ ἐπιστολῇ 1 Кор. 5, 9. указываютъ на раньше написанное посланіе, это вообще принято въ настоящее время толкователями. Но точно также подложно посланіе Коринѳянъ къ Павлу и отвѣтъ Павла, которыя содержитъ Церковь Армянская. Потому что они разсуждаютъ совершенно о другихъ предметахъ, а не о тѣхъ, о которыхъ должна быть рѣчь въ недошедшемъ до насъ Павловомъ посланіи (сколько можно судить изъ словъ Кор. 5, 9—12) и обнаруживаютъ въ себѣ несамостоятельную, неудачную компиляцію.

ты. Можно думать, что первыя двѣ партіи состояли преимущественно изъ довольно многолюдной части церкви, составившейся изъ язычниковъ, что имя Петрово сдѣлалось лозунгомъ христіанъ изъ іудеевъ, между тѣмъ партія Христова, о которой въ Новомъ завѣтѣ еще нигдѣ больше не упоминается, покрыта мракомъ неизвѣстности и дала поводъ къ весьма различнымъ толкованіямъ.

1. *Павлова партія*, бывшая самою многочисленною, и довольно опредѣленно выказавшая себя въ противоположность другимъ направленіямъ, правда, держалась ученія Апостолова, но ставила его выше всего и хвастала тѣмъ, что она одна владѣетъ истиннымъ познаніемъ и свободою духа, рѣзко и безъ всякой снисходительности и вниманія отталкивала отъ себя довольно ограниченныхъ христіанъ изъ іудеевъ, которые имѣли одинаковыя съ ними права, смѣялась надъ ихъ мнительностію и оскорбляла ихъ совѣсть, на перекоръ апостольскому установленію (Дѣян. 15), чрезъ вкушеніе идоложертвеннаго мяса (1 Кор. 8, 1 и д. 9, 19 и д. 10, 23 и д.).

2. Вторая партія сгруппировалась около *Аполлоса* (Аполлонія), александрійскаго іудея, который вскорѣ послѣ перваго кратковременнаго посѣщенія Павломъ Ефеса прибылъ въ этотъ городъ, и, хотя тогда онъ былъ только ученикомъ Іоанна Крестителя, однако съ пламеннымъ одушевленіемъ проповѣдывалъ царство Мессіи. Получивши подробныя наставленія въ христіанствѣ отъ Аквилы и Прискиллы, онъ отправился съ рекомендательными письмами въ Коринѳъ, тамъ училъ нѣсколько времени съ большою похвалою и за тѣмъ опять воротился въ Ефесъ, гдѣ и видѣлся съ Павломъ (Дѣян. 18, 24—28; 1 Кор. 1, 12; 3, 4. 22; 4, 6; 16, 12). Лука называетъ его «человѣкомъ краснорѣчивымъ и свѣдущимъ въ Писаніи» (Дѣян. 18, 24. 28), и Павелъ точно также дѣлаетъ о немъ хорошіе отзывы, какъ о вѣрномъ сотрудникѣ, и умоляетъ его воротиться въ Коринѳъ. Поэтому можно съ вѣроятностію заключать, что Аполлосъ въ сущности-то держался Павлова взгляда на христіанство, и возводилъ зданіе на этомъ основаніи. Различіе между ними состояло не въ духѣ и цѣли, а только въ особенныхъ дарованіяхъ и во внѣшней человѣческой формѣ дѣятельности. Павелъ былъ особенно способенъ къ основанію церкви, или, какъ онъ самъ образно выражается, къ *насажде-*

нію, Аполлосъ къ дальнѣйшему развитію или къ *напоенію* (1 Кор. 3, 6). Посему этотъ, какъ можно заключать изъ его происхожденія и изъ отзывовъ объ немъ, сдѣланныхъ Лукою и Павломъ, вѣроятно основательно изучивши религіозно-философскую школу александрійскихъ іудеевъ, разоблачилъ ее и раскрылъ ея недостатки, лучше зналъ Греческій языкъ и былъ краснорѣчивѣе Павла [1]. Образованные изъ Коринѳянъ этому качеству придавали особенное значеніе и съ презрѣніемъ смотрѣли на простую и безъискуственную проповѣдь о крестѣ, которая повергаетъ въ прахъ человѣческую природу съ ея гордостью, мудростію и праведностію, и осуждаетъ ее. Здѣсь мы видимъ зародышъ позднѣйшей александрійской школы Климента и Оригена, которая представляла странную противоположность между знаніемъ и вѣрою, между христіанами философами и христіанами простыми. Отъ того весьма вѣроятно, что полемика апостола противъ философіи Грековъ, противъ ихъ высокаго мнѣнія о знаніи и блестящемъ слогѣ (1 Кор. 1, 18 и д. 2, 1 и д.), хотя не имѣла въ виду самаго Аполлоса, который умѣлъ хорошо отличать мудрость истинную отъ ложной и краснорѣчіемъ пользовался только какъ средствомъ для высшихъ цѣлей, однако направлена была противъ его вдававшихся въ крайность учениковъ. Впрочемъ чрезмѣрное благоговѣніе къ философіи и ораторству составляетъ характеристическую черту всего греческаго народа какъ въ періодъ его язычества, такъ и христіанства.

3. Противъ *Павлинцевъ* и *Аполлоніанцевъ*, смотрѣвшихъ на христіанство съ точки зрѣнія христіанъ изъ язычниковъ, но расходившихся въ формѣ пониманія и изображенія, выступила партія *Киѳы*. Къ ней обращается Павелъ съ 9 гл. и противъ нее съ силою возстаетъ то прямо, то стороною, крайне аккуратно и тонко во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ. Эту партію составляли христіане изъ іудеевъ, кото-

[1]) Мы этимъ во все не думаемъ сказать того, что Аполлосъ былъ даровитѣе Павла; нѣтъ: Ап. Павелъ былъ выше его по духу, глубокомыслію и діалектикѣ; да и изложеніе его исполнено рѣдкой силы и опредѣленности. Но его дарованія не имѣли ослѣпительности — внѣшней стороны, въ его проповѣди не было изысканности и особой изящности, которая особенно нравилась Коринѳскому вкусу, да ктому же Павелъ именно въ Коринѳѣ-то намѣренно положилъ оставить въ сторонѣ всякое человѣческое искусство и выступить съ божественною силою Евангелія.

рые не въ силахъ были отрѣшиться отъ своихъ предразсудковъ о ветхозавѣтномъ законѣ и возвыситься до свободы евангельской. Впрочемъ они обрѣзанія и соблюденія всего обрядоваго закона, кажется, не считали необходимымъ условіемъ спасенія, какъ дѣлали галатійскіе лжеучители. По крайней мѣрѣ они не навязывались съ нимъ, такъ какъ Еллины вовсе были не расположены къ такому рѣзкому фарисейскому іудейству. Они дѣйствовали осторожнѣе и всю свою полемику направили противъ апостольской власти Павла. Если бы ее имъ удалось подорвать, тогда они могли бы уже идти и дальше. Они разглашали про Павла, будто онъ лжеапостолъ и противопоставляли ему тѣхъ апостоловъ единственно истинными, которые лично обращались со Христомъ, были призваны и наставлены Имъ самимъ во дни Его земной жизни, особенно противопоставляли Петра, будто бы удостоившагося отъ Господа какихъ-то преимуществъ. Петръ, естественно, не согласенъ былъ съ ними, какъ Павелъ—съ легкомысліемъ Павлинцевъ и Аполлосъ—съ гордящимися ученостью Аполлонійцами; лжеучители для своихъ цѣлей противъ его воли дали ему особенно видное мѣсто между апостолами для іудеевъ. Очень вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ были учениками самаго Петра и чувствовали признательность къ нему. Этимъ всего естественнѣе объясняется и самое названіе партіи.

4. Гораздо труднѣе опредѣлить особенность партіи *Христовой* (οἱ τοῦ Χριστοῦ), такъ какъ нѣтъ вѣрныхъ ясныхъ намековъ на нее. Если бы эти *Христовы* ученики (Христовцы) назывались въ добромъ смыслѣ, какъ и Павелъ въ противоположность сектантамъ и всякому человѣкоугодничеству хотѣлъ только быть ученикомъ Христовымъ (1 Кор. 3, 23), тогда положенъ былъ бы конецъ всякимъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Но въ такомъ случаѣ Павелъ выставлялъ бы ихъ образцомъ для другихъ партій, а этого онъ не дѣлаетъ. Напротивъ, онъ считаетъ ихъ также сектантами наравнѣ съ другими тремя сектами и дальше въ укоръ имъ говоритъ: «развѣ раздѣлился Христосъ?» (1 Кор. 1, 13). Изъ этого можно заключить, что Христовцы считали самаго Христа главою своей партіи и Его имя усвоили своей сектѣ, подобно тому какъ Павлинцы—имя Павла, Аполлосцы—Аполлоса, Петровцы—имя Петрово. Всего проще названіе этой секты объясняется по аналогіи съ назва-

ніямн другихъ партій предположеніемъ, что Христовцы, или, по крайней мѣрѣ, ихъ начало-вожди были *личными* учениками или слушателями самаго Іисуса Христа, и особенно много думали о такомъ своемъ знакомствѣ со Христомъ по плоти (2 Кор. 5, 12) [1]). Очень возможное дѣло, что спустя двадцать, тридцать лѣтъ по смерти Господа было еще въ живыхъ не мало Его слушателей, которые разсѣяны были среди христіанскихъ обществъ по большимъ городамъ. Какъ бы то ни было, но нужно на основаніи названія съ вѣроятностію заключать, что эта партія считала Христа своимъ Главою, и притомъ въ исключительномъ сектантскомъ смыслѣ, подобно тому, какъ сѣвероамериканскіе сектанты называютъ себя Христовцами (Christians) и учениками Христовыми (disciples of Christ).

Но при этомъ мы все-таки еще очень мало знаемъ объ особенномъ богословскомъ характерѣ, потому что имя Христово и ссылка на Библію до настоящаго времени обыкновенно служатъ покровомъ для всѣхъ возможныхъ заблужденій. Объ этой сектѣ есть четыре взгляда: *Шторра*, *Баура*, *Неандера* и *Шенкеля*; всѣ они заслуживаютъ вниманія, но ни одного изъ нихъ нельзя признать вѣрнымъ. Потому-что о партіи Христовой апостолъ больше ни разу не упоминаетъ, и мѣста, которыя относятъ къ ней, также удачно можно отнести и къ партіи Петровой. Такимъ образомъ мы находимся здѣсь совершенно въ области экзегетическихъ и критическихъ догадокъ.

Если выходить изъ того, что въ апостольскій періодъ было два противоположныхъ направленія: одно имѣли христіане изъ язычниковъ, а другаго держались христіане изъ іудеевъ, и уже были зародыши соотвѣтствующихъ этимъ направленіямъ ересей гностицизма и евіонитства,—далѣе, что первыя двѣ Ко-

---

[1]) Замѣчательно, Римскій Епископъ *Климентъ*—ученикъ Павла и Петра въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, написанномъ имъ въ концѣ перваго вѣка то же по поводу расколовъ въ Церкви Коринѳской, упоминаетъ только о трехъ первыхъ партіяхъ, а о партіи Христовой вовсе умалчиваетъ. Онъ говоритъ: ἀναλάβετε τὴν ἐπιστολὴν τοῦ μακαρίου Παύλου τοῦ Ἀποστόλου τί πρῶτον ὑμῖν ἐν ἀρχῇ τοῦ εὐαγγελίου (т. е. во время первой проповѣди Евангелія въ Коринѳѣ) ἔγραψεν; Ἐπ' ἀληθείας πνευματικῶς ἐπέστειλεν ὑμῖν, περὶ αὐτοῦ τε καὶ Κηφᾶ τε καὶ Ἀπόλλω, διὰ τὸ καὶ τότε προσκλίσεις ὑμᾶς πεποιῆσθαι. Такое молчаніе можно объяснить тѣмъ, что партіи христовцевъ въ то время, когда писалъ Климентъ, уже не было; а это тѣмъ болѣе понятно, если она состояла только изъ личныхъ учениковъ Самаго Іисуса Христа.

ринѳскія партіи были только оттѣнками направленія христіанъ изъ язычниковъ; въ такомъ случаѣ ясно можно заключить, что и между двумя послѣдними партіями не было какого нибудь существеннаго различія, и Христовцевъ поэтому можно причислить къ христіанамъ изъ іудеевъ. Но такой взглядъ допускаетъ двоякаго рода представленія. *Шторръ* думаетъ, [1]) что Христовцы Іакова, брата Господня (Гал. 1. 19), считали своимъ главою и этимъ родственнымъ отношеніямъ давали много вѣсу. На это, вѣроятно, намекаетъ выраженіе: «знать Христа по плоти» (2 Кор. 5, 16); поэтому-то Павелъ упоминаетъ о братьяхъ Господнихъ (1 Кор. 9, 5) и особенно Іаковѣ рядомъ съ Петромъ (1 Кор. 15, 7). Но въ такомъ случаѣ ихъ нужно бы назвать скорѣе οἱ τοῦ Κυρίου или οἱ τοῦ Ἰησοῦ или еще опредѣленнѣе: οἱ τοῦ Ἰακώβου (сн. Гал. 2, 12). И отъ послѣдователей Іакова можно было ожидать, что они еще сильнѣе хлопотали о законѣ Моѵсеевомъ, чѣмъ Петровцы, и однако посланія къ Коринѳянамъ нигдѣ не опровергаютъ такого строгозаконническаго направленія. Поэтому *Бауръ* партію Христовцевъ считаетъ за одну съ сектою Петровцевъ. Эти члены церкви, такъ думаетъ онъ, называли себя Кифянами, потому-что Кифа стоялъ во главѣ апостоловъ обрѣзанія, и въ то же время Христовцами, такъ какъ непосредственное общеніе и личное обращеніе со Христомъ они считали главнымъ признакомъ апостольской власти, и потому же уже впослѣдствіи выступившаго Павла не хотѣли признать истиннымъ апостоломъ. Этотъ взглядъ Бауръ старается доказать всѣми тѣми мѣстами, въ которыхъ Павелъ говорилъ, что онъ по такому же праву, какъ и другой апостолъ, можетъ называться апостоломъ Христовымъ, особенно словами 7 ст. 10 гл. 2-го посланія къ Коринѳянамъ. Но какъ ни правдоподобна эта гипотеза, однако ей противорѣчитъ то обстоятельство, что Павелъ Петровцевъ и Христовцевъ считаетъ за *два* рода сектантовъ, слѣдовательно отличаетъ ихъ другъ отъ друга.

Но если выходить изъ названія партіи Христовой, которое, кажется, указываетъ на противоположность названію именами

---

[1]) Opusc. acad. II, p. 256. Такого же мнѣнія держался *Флаттъ*, *Бертольдтъ*, *Гугъ* и *Гейденрейхъ*, а также *Конибэръ* и *Гоусонъ*, Life and Epistles of St. Paul, 1, 477.

Апостоловъ—людей, въ такомъ случаѣ мы приходимъ къ тому мнѣнію, что эта партія *совершенно произвольно отвергала всякій человѣческій авторитетъ, и, въ противоположность приверженцамъ какого бы то ни было Апостола*,—въ противоположность установленному самимъ Богомъ посредничеству хотѣла держаться только Христа, точно также, какъ многія секты древняго и новѣйшаго времени, не терпя ученія церкви и никакихъ символовъ, ссылаются только на Священное Писаніе, за тѣмъ понимаютъ его односторонне, превратно, сообразно съ своимъ взглядомъ и своими собственными преданіями, и, опровергая раздѣленія въ Церкви, только увеличиваютъ ихъ [1]). На этомъ общемъ выводѣ и нужно остановиться, такъ-какъ для болѣе точнаго познанія партіи Христовцевъ у насъ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ данныхъ.

Но все-таки намъ нужно привести еще двѣ гипотезы, которыя недавно предложены. Швейцарскій Богословъ *Шенкель* [2]) Христовцевъ считаетъ за ложныхъ *мистиковъ* и людей, ложно выдающихъ себя за получающихъ *видѣнія*, которые свое прозваніе (Христовцы) прилагали къ себѣ не только потому, что не признавали никакого Апостольскаго авторитета, но и потому, что ихъ представители,—эти обличенные Апостоломъ лжеапостолы, «лукавые наемники» (2 Кор. 11, 13) показывали видъ, будто они, вслѣдствіе видѣнія и откровеній, находятся въ непосредственномъ таинственномъ общеніи со Христомъ, и такимъ образомъ на мѣсто историческаго Христа грозили опасностію поставить Христа идеальнаго. *Де-Ветте*, въ сущности согласный съ своимъ ученикомъ Шенкелемъ, теософическихъ лжеучителей Колосскихъ ставитъ съ ними въ одинъ разрядъ и считаетъ ихъ за іудействующихъ гностиковъ. Въ доказательство этого приводятъ особенно 12-ю главу втораго посланія къ Коринѳянамъ, гдѣ Апостолъ, вынужденный такими сумазбродствами, наперекоръ имъ выставляетъ свои собственныя видѣ-

[1]) Не неумѣстно здѣсь привести одинъ примѣръ изъ исторіи новѣйшихъ американскихъ сектъ. Разумѣемъ *Христовцевъ* Christians, возникшихъ въ концѣ прошлаго столѣтія, уже своимъ именемъ доказывающихъ, что они отвергаютъ всякой человѣческій авторитетъ, и мечтаютъ уничтожить разности между всѣми сектами, хотя сами идутъ прямо къ противоположной цѣли (См. History of all the relig. denominations in the Unit. States 2 изд. Harrisburg. 1848).

[2]) Въ разсужденіи: de ecclesia Corinthia primaeva factionibus turbata etc. Basil 1838. Съ нимъ сходны во взглядахъ *де-Ветте*, *Гольдюрнъ* и *Дэне*.

нія. Впрочемъ эта *гипотеза* основывается на рядѣ произвольныхъ искуственныхъ комбинацій; а 12-я то гл. 2 п. къ Кориив. очевидно направлена *вообще* противъ враговъ апостольскаго авторитета въ Павлѣ. Проще и правдоподобнѣе мысль *Неандера*, именно, что партія Христовцевъ состояла изъ любящихъ пофилософствовать еллиновъ, имѣла философско-*раціоналистическое* направленіе, и во Христѣ видѣла втораго Сократа [1]). Христовцевъ онъ видитъ въ обличенныхъ въ 15 гл. 1 пос. къ Коринѳянамъ врагахъ ученія о воскресеніи. Они понимали его вѣроятно духовно, спиритуалистически и идеально, какъ что-то уже бывшее (сн. 2 Тим. 2, 17. 18), а это скорѣе и лучше идетъ къ философски образованнымъ Еллинамъ, чѣмъ къ іудеямъ; потому-что представлять себѣ при этомъ Саддукеевъ не дозволяетъ весь ходъ доказательства Апостолова, если сравнить его съ тѣмъ способомъ, какимъ Христосъ опровергаетъ ихъ же изъ пятокнижія, на которое они ссылались (Мѳ. 22, 23 и д.). Отверженіе установленнаго самимъ Богомъ человѣческаго посредничества и Его Откровенія почти всегда приводитъ къ раціонализму, или даже само выходитъ изъ него. Въ такомъ смыслѣ еще неоплатоникъ *Порфирій* (въ 3 вѣкѣ), нѣкоторымъ образомъ и Манихеи, а въ новѣйшее время многіе деисты и раціоналисты представляютъ противоположность между христіанствомъ Христовымъ и христіанствомъ апостольскимъ и церковнымъ, и послѣднее признавали искаженіемъ перваго [2]). При всемъ томъ, по недостатку вѣрныхъ данныхъ и этотъ Неандеровъ взглядъ нельзя считать вполнѣ вѣрнымъ, и вызываетъ множество трудныхъ возраженій, которыя Бауръ предложилъ съ большою мѣткостію и глубокомысліемъ.

Кромѣ духа партій Павелъ обличилъ въ Коринѳской христіанской общинѣ еще и другія неустройства, которыя хотя не всѣ необходимо состояли въ связи съ нимъ [3]), но все-таки болѣе или менѣе соприкасались съ нимъ и подвергались его вліянію, и которыя препятствовали свободному и чистому раскры-

---

[1]) Ap. Gesch. 1, стр. 395 и д. Точно также *Ольсгаузенъ* въ своихъ толкованіяхъ 111 ст. 478 и 2.

[2]) И упомянутые выше Христовцы (Christians) во многихъ пунктахъ, какъ напр. въ отверженіи троичности лицъ въ Богѣ и Божества Христова, сходятся съ раціоналистами.

[3]) Какъ ошибочно принимаютъ *Шторръ* и другіе толкователи.

тію христіанской жизни. Сюда относится прежде всего кровосмѣшеніе одного христіанина Коринѳскаго съ своею мачихою (1 Кор. 5, и д.) и вообще распутство (5, 9 и д. 6, 12 и д. 2 Кор. 12, 21), на которое въ Коринѳѣ, этомъ городѣ особенно любимомъ аѳродитою, и особенно любящемъ аѳродиту, богиню сладострастія (πόλις ἐπαφροδιτοτάτη), какъ называетъ его въ дурномъ смыслѣ Діонъ Хризостомъ, смотрѣли весьма легкомысленно, а тамъ при знаменитомъ храмѣ Венеры жило болѣе тысячи священнослужительницъ, состоявшихъ въ тоже время въ качествѣ публичныхъ непотребныхъ женщинъ. За такое соблазнительное приключеніе Апостолъ налагаетъ сильное наказаніе, и требуетъ исключенія изъ церкви этого беззаконника. Далѣе онъ порицаетъ обычай судиться у языческихъ судей, вмѣсто того, чтобы всѣ споры разрѣшать предъ судомъ церкви (1 Кор. 6, 2 и д.). Разногласіе касательно достоинства безбрачной жизни онъ примиряетъ тѣмъ, что по своему частному воззрѣнію въ извѣстныхъ отношеніяхъ даетъ ей предпочтеніе предъ супружескимъ состояніемъ, не дѣлая впрочемъ его ни для кого законно обязательнымъ (гл. 7). Касательно участія въ языческихъ пиршествахъ и вкушенія жертвеннаго мяса, Апостолъ совѣтуетъ дѣйствовать въ этихъ случаяхъ такъ, чтобы не оскорбить немощную совѣсть брата (гл. 8 и 10). Далѣе обличаетъ неприличную вольность (эманципацію) женщинъ по отношенію къ головному убору (11, 1 и д.),—легкомысленное пренебреженіе со стороны богачей вечерею любви (11, 17 и д.),—безпорядки во время богослуженія,—гордость, надмѣнность и хвастовство чрезвычайными духовными дарованіями, и особенно даромъ языковъ. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ дары должны служить къ славѣ Христовой и къ назиданію Церкви и въ дивно увлекательномъ описаніи восхваляетъ любовь, какъ даръ, самый высшій изъ всѣхъ даровъ (гл. 12—14). Пятнадцатая глава, имѣя въ виду образъ мыслей епикурейцевъ и скептиковъ, разсуждаетъ о воскресеніи тѣла и объ усовершенствованіи христіанскаго общества до тѣхъ поръ, пока Богъ будетъ всяческая во всѣхъ. Въ 16 послѣдней главѣ Павелъ увѣщеваетъ къ пожертвованіямъ и сборамъ въ пользу Іерусалимскихъ христіанъ, говоритъ о самомъ себѣ и о своемъ положеніи, и передаетъ привѣтствіе (поклоны) отъ себя и отъ другихъ.

---

§ 18. Новое путешествіе въ Грецію. Второе посланіе къ Коринѳянамъ.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ написанія перваго посланія къ Коринѳянамъ, около праздника Пятдесятницы 57 года (1 Кор. 16, 8), Павелъ оставилъ Ефесъ съ цѣлію посѣтить въ Греціи основанныя имъ церкви, оттуда воротиться въ Іерусалимъ, и за тѣмъ впервые отправиться въ столицу вселенной (Дѣян. 20, 1; сн. 19, 21). Прибылъ въ Троаду; здѣсь проповѣдывалъ немало времени и надѣялся встрѣтиться съ Титомъ, отправленнымъ имъ нѣсколько позже Тимоѳея тоже въ Коринѳъ (2 Кор. 12, 18; 7, 13—15), и получить извѣстія о впечатлѣніи, произведенномъ первымъ его посланіемъ; но не удалось видѣться съ нимъ (2 Кор. 2, 12. 13). Тогда онъ поплылъ въ Македонію (Дѣян. 20, 1; сн. 1 Кор. 16, 5), гдѣ съ нимъ было много и внѣшнихъ и внутреннихъ безпокойствъ (2 Кор. 7, 5); но въ то же время его посѣщала и радость, когда онъ нашелъ свои церкви въ цвѣтущемъ состояніи. Потому-что они сохранились среди скорбей и, не смотря на свою страшную бѣдность, съ радостію готовы были пожертвовать даже всѣмъ своимъ имуществомъ на поддержаніе церквей въ Іудеѣ (2 Кор. 8, 1—5). Такая милостыня была особенно по сердцу апостолу, и ее онъ особенно рекомендовалъ, предлагалъ и совѣтывалъ также христіанамъ и Ахайскимъ (1 Кор. 16, 1—3; 2 Кор. 8 и 9 гл.). Въ Македоніи онъ встрѣтился съ давно ожидаемымъ Титомъ, который сообщилъ ему вообще пріятныя извѣстія о Коринѳѣ. Первое его посланіе дѣйствительно въ большей и лучшей части церкви возбудило спасительное смущеніе и печаль по Богѣ (2 Кор. 7, 6 и д.); кровосмѣсникъ былъ отлученъ отъ большинства и раскаялся, такъ что Павелъ умолялъ ихъ смиловаться надъ нимъ, къ чему св. апостолъ охотно убѣждалъ съ тою цѣлію, чтобы предохранить кающагося отъ отчаянія, и не допустить бóльшаго зла (2 Кор. 2, 5—10). Но съ другой стороны враги апостола—іудеи еще больше озлились противъ него, и старались заподозрить въ немъ чистѣйшія побужденія, обвиняя его въ слабости и непослѣдовательности, въ гордости и своекорыстіи (2 Кор. 10, 10 и д. 12, 16 и д. си. также 1, 15 и д. 3, 1 и 5, 12 и д.).

При такомъ положеніи дѣлъ Павелъ заблагоразсудилъ до сво-

его личнаго прибытія, въ бытность свою въ Македоніи (сн. 2 Кор. 1, 8; 2, 12. 13; 7, 5 и д. 8, 1—5; 9, 2. 4) лѣтомъ 57 года еще разъ написать къ христіанамъ въ Коринѳъ и ко всей Ахайской области (2 Кор. 1, 1.), и чрезъ то, гдѣ можно, устранить всѣ препятствія къ радостному и вожделѣнному свиданію. Сколько можно судить по содержанію, это посланіе раздѣляется на три части. Въ первыхъ шести главахъ онъ описываетъ постигшія его недавно въ Ефесѣ скорби и поданное утѣшеніе отъ Бога, увѣщеваетъ къ принятію снова раскаявшагося кровосмѣсника, и за тѣмъ изображаетъ сущность служенія вѣропроповѣдническаго и свою дѣятельность въ качествѣ апостола. Главы 8-я и 9-я имѣютъ предметомъ сборъ милостыни для бѣдныхъ іерусалимскихъ христіанъ изъ іудеевъ. Въ третьей части, гл. 10—13, св. апостолъ защищаетъ себя отъ обвиненій ложныхъ апостоловъ, и въ обличеніе ихъ говоритъ о своей соединенной съ самопожертвованіемъ дѣятельности и о бывшихъ ему откровеніяхъ. Второе посланіе къ Коринѳянамъ въ догматическомъ значеніи стоитъ ниже перваго, а также ниже посланія къ Римлянамъ, но за то оно гораздо важнѣе для характеристики собственно апостола. Ни одно изъ его посланій не дозволяетъ намъ такъ глубоко всмотрѣться въ его благородную, нѣжную душу, въ скорби и радости его внутренней жизни, въ перемѣну его настроеній, въ его борьбы и заботы о благѣ основанныхъ имъ церквей, которыя всѣ, какъ будто рожденныя во время материнскихъ мукъ дѣти, каждый день и каждый часъ были близки его сердцу, и невинныя страданія которыхъ только еще болѣе усиливали въ немъ любовь и святую ревность о вѣчномъ спасеніи христіанскихъ душъ. Посланіе это, очевидно, не есть плодъ спокойнаго, обдуманнаго разсужденія, но оно вышло изъ глубоко тронутаго и потрясеннаго чувства и сердца, подобно книгѣ Пророка Іереміи; отсюда-то и отрывочность, нерѣдко темнота и рѣзкость, но также и увлекательность и трогательность въ слогѣ, быстрые переходы, разнообразіе свѣта и тѣни въ изображеніи духовныхъ состояній и опытовъ. Безъ этого качества у насъ не было бы существенной черты въ характерѣ превосходнаго человѣка, сердце котораго было столько же горячо и чувствительно, сколько его умъ силенъ и глубокъ.

Это послѣднее посланіе къ Коринѳянамъ св. Павелъ отпра-

вилъ чрезъ Тита и другихъ двухъ братьевъ съ порученіемъ докончить уже начатый сборъ въ пользу палестинскихъ христіанъ (8, 6—23; 9, 3. 5). Поздно осенью того же года, распространивши кругъ своей дѣятельности отъ Македоніи непосредственно или чрезъ другихъ до Иллиріи—страны, лежащей на берегу Адріатическаго моря (сн. Рим. 15, 19), онъ самъ отправился въ Елладу и провелъ три мѣсяца въ Коринѳѣ и его окрестностяхъ (Дѣян. 20, 2; сн. 1 Кор. 16, 6). Исторія умалчиваетъ о его дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ этой замѣчательной церкви. Но мы отъ этого времени имѣемъ другой, гораздо болѣе важный памятникъ его дѣятельности, именно посланіе къ Римлянамъ, имѣвшее цѣлію проложить путь для его дѣятельности въ столицѣ вселенной, которую онъ думалъ посѣтить въ слѣдующемъ году (Дѣян. 19, 21; 23, 11. Римл. 1, 13. 15; 15, 23—28).

§ 19. Римская церковь и посланіе къ Римлянамъ. (въ 58 г.)

Происхожденіе Римской Церкви, столько важной въ церковной исторіи, къ сожалѣнію, покрыто мракомъ неизвѣстности. Мы думаемъ, что происхожденіе ея таково же, каково и образованіе церкви антіохійской, которая составилась сначала изъ апостольскихъ учениковъ и переселившихся членовъ церкви іерусалимской, но за тѣмъ прочнѣе устроена и навсегда организована Варнавою, Петромъ и Павломъ (сн. Дѣян. 11, 19—26. Гал. 2, 11). Можно думать, что проповѣдь Евангельская достигла до Рима очень рано. Потому-что въ столицѣ вселенной было стеченіе всѣхъ народовъ и религій, такъ-что Овидій справедливо могъ сказать: orbis in urbe erat; [1]) всѣ народы имѣли своихъ земляковъ въ Римѣ, и въ посланіи къ Римлянамъ (16, 7) между римскими христіанами упоминаются и такіе, которые еще до Павла увѣровали во Христа. Да, возможно, хотя конечно не несомнѣнно вѣрно, что начатки церкви восходятъ ко дню рожденія церкви, такъ-какъ

[1]) *Аѳеней* (Deipnosoph. 1, 20) Римъ называетъ вселенною въ миніатюрѣ πόλιν ἐπιτομὴν τῆς οἰκουμένης, гдѣ можно видѣть жителей всѣхъ городовъ, и гдѣ «живутъ вообще всѣ народы» ὅλα ἔθνη ἀθρόως συνῴκισται.

между очевидцами чуда, бывшаго въ Пятдесятницу и слышавшими рѣчь на разныхъ языкахъ, упоминаются и римскіе іудеи (Дѣян. 2, 10), которые, вѣроятно, и принесли на мѣсто своего жительства первыя извѣстія о христіанствѣ. Въ такомъ случаѣ апостолъ Петръ, имѣвшій на праздникѣ Пятдесятницы такое видное мѣсто, нѣкоторымъ образомъ, вѣроятно, и былъ основателемъ этой церкви; а что онъ чрезъ своихъ учениковъ впослѣдствіи времени имѣлъ на нее значительное вліяніе, это само собою понятно. Но чтобы Петръ *самъ* приходилъ въ Римъ *раньше* 63 года, этого никакъ нельзя доказать. Потому-что въ 17 ст. 12 гл. Дѣян. Апост. замѣчено, что онъ, по освобожденіи изъ темницы, не за долго до смерти Ирода Агриппы, слѣдовательно въ 44 году оставилъ Іерусалимъ и отправился въ другое мѣсто, а болѣе подробныхъ извѣстій о его дальнѣйшей дѣятельности Дѣянія Апостольскія не передаютъ намъ. Правда, это молчаніе даетъ просторъ для предположенія, будто онъ еще при Императорѣ Клавдіи, какъ разказываетъ *Евсевій*, на короткое время посѣтилъ Римъ (говоримъ: на *короткое* время потому, что въ 50 году мы опять его видимъ въ Іерусалимѣ, Дѣян. 15, и нѣсколько позже въ Антіохіи (Гал. 2, 11), и будто бы дѣйствовалъ среди тамошнихъ іудеевъ, которыхъ въ Римѣ было не мало; но этому предположенію противорѣчитъ то обстоятельство, что какъ Дѣянія Апостольскія, такъ и посланія Павла не содержатъ ни малѣйшаго намека на раннюю дѣятельность ап. Петра въ Римѣ, и хотя не тамъ, гдѣ можно бы было ожидать, но все-таки содержатъ ясныя доказательства его отсутствія между 50 и 63 годами, какъ мы объ этомъ изложили подробно въ другомъ мѣстѣ. [1]) Какъ бы то ни было, а во время написанія Павломъ посланія къ Римлянамъ Петръ не могъ быть тамъ, потому-что Павелъ среди множества привѣтствій разнымъ лицамъ (гл. 16) упомянулъ бы и его. Очень сомнительно также и то, написалъ ли бы такое подробное и важное письмо къ Римской Церкви тотъ апостолъ, который за правило положилъ себѣ дѣйствовать независимо и самостоятельно и не вмѣшиваться въ область его товарищей (сн. Рим. 15, 20. 21; 2 Кор. 10,

---

[1]) См. № 26 Духов. Бесѣды за 1861 г. ст. «Св. Ап. Петръ въ Римѣ».

16), если бы церковь Римская тогда уже состояла подъ особымъ личнымъ надзоромъ Петра.

Первый ясный слѣдъ формально—христіанской *церкви* въ Римѣ ученые историки справедливо отъискали въ указѣ Императора Клавдія (41—54), который выгналъ изъ столицы всѣхъ іудеевъ за то, что они постоянно бунтовали по наущенію «*Хреста*» [1]). Конечно подъ Хрестомъ, котораго Светоній считаетъ виновникомъ такого бунта, можно разумѣть какого нибудь тогда бывшаго въ живыхъ бунтовщика іудея,—одного изъ тѣхъ политическихъ лжепророковъ, которыхъ явилось немало въ Палестинѣ предъ разрушеніемъ Іерусалима. Но такъ-какъ мы о бунтовщикѣ Хрестѣ ничего не знаемъ, и такъ-какъ несомнѣнно извѣстно, что Римляне довольно часто слово «Хрестосъ» употребляли вмѣсто Христосъ [2]), то такая перемѣна буквы случилась, вѣроятно, и въ этомъ указѣ, и посему такіе мятежническіе порывы нужно бы относить къ спорамъ между Іудеями и Христіанами, которыхъ язычники не считали тогда еще за два различныхъ общества. Это подтверждаетъ и Лука (Дѣян. 18, 2), когда въ числѣ изгнанныхъ изъ Рима въ 51 г. іудеевъ упоминаетъ объ Аквилѣ и его женѣ Прискиллѣ, которые тогда уже безъ сомнѣнія были обращены въ христіанство, такъ-какъ Павелъ тотчасъ же по прибытіи нашелъ у нихъ радушный пріемъ. Но этотъ указъ, какъ и можно было того ожидать, скоро долженъ былъ потерять силу, особенно по восшествіи на престолъ Нерона (54 г.), который при своей *женѣ Поппеѣ* покровительствовалъ Іудеямъ. [3]) Кромѣ того христіанская вѣра, весьма вѣроятно, уже

---

[1]) По *Светонію*, Clavd. c. 25: Judaeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Roma expulit. И Лука упоминаетъ о томъ же указѣ (Дѣян. 18, 2), по случаю котораго Аквилла и Прискилла пришли въ Коринѳъ, и притомъ на короткое время (προσφάτως), т. е. не задолго до перваго прибытія Павлова туда, слѣд. въ 52 г. (см. выше § 13).

[2]) По свидѣтельству *Тертулліана*, Apolog. c. 3 и *Лактанція* Divin. Instit. IV, 17. Слово Христосъ ложно производили отъ χρηστός и Іустинъ этою этимологическою ошибкою старался доказать несправедливость гоненія на христіанъ изъ-за ихъ имени, такъ-какъ враги ненавидятъ «добрыхъ, благонамѣренныхъ людей». Apol. 1 p. 136. Слово χρηστός значитъ полезный, добрый.

[3]) *Іосифъ* Поппею называетъ благочестивою θεοσεβής, прозелиткою іудейской вѣры (Archaeol. XX, 8, 12), и самъ пользовался ея благосклонностію, какъ онъ разсказываетъ въ своей біографіи гл. 3. Уже при Клавдіи въ концѣ 52 г. мы видимъ Агриппу младшаго опять въ Римѣ, гдѣ онъ съ успѣхомъ защищаетъ іудейскихъ представителей противъ Намѣстника *Кумана* (*Joseph*. Arch. XX, 6, 3).

около этого времени и при томъ безъ сомнѣнія преимущественно учениками апостола Павла (сн. Рим. 16) была насаждена и между язычниками, которыхъ не касался указъ. Спустя нѣсколько лѣтъ (въ 58 г.) во время написанія посланія къ Римлянамъ, Римская Церковь была уже многочисленна и значительна, даже значительнѣе всѣхъ церквей, бывшихъ собственно на западѣ. Это ясно видно частію изъ далеко распространившейся о ней славѣ (1, 8), частію изъ множества ея учителей (гл. 16) и изъ множества сборныхъ мѣстъ у христіанъ (16, 5. 14. 15. 16), частію наконецъ изъ весьма важнаго догматическаго содержанія посланія. Если прибавить къ этому еще тотъ фактъ, что оба первоверховные апостола свою высокую общественную дѣятельность закончили и запечатлѣли мученическою смертію въ Римѣ; тогда мы получаемъ историческое религіозное основаніе для обширной власти и огромнаго вліянія, какое Римская Церковь имѣла еще во второмъ и третьемъ столѣтіяхъ.

Если спросимъ о *составныхъ частяхъ* этой церкви, то она, безъ сомнѣнія, по примѣру всѣхъ внѣ-палестинскихъ церквей имѣла въ себѣ христіанъ изъ Іудеевъ и язычниковъ (Рим. 15, 7 и д). Христіане изъ іудеевъ предполагаются въ Рим. 4, 1. 12 посредствомъ названія Авраама отцемъ *нашимъ* πατὴρ ἡμῶν; въ гл. 7, 1—6, гдѣ Павелъ обращается къ *знающимъ* законъ, въ 14, 1 и д., гдѣ онъ совѣтуетъ быть снисходительными къ слабымъ въ вѣрѣ, которые воздерживались подобно Коринѳскимъ христіанамъ изъ Іудеевъ (1 Кор. 8) отъ вкушенія мяса и вина (вѣроятно жертвеннаго мяса и вина у язычниковъ на общественныхъ ихъ праздникахъ), и при своей мнительности и совѣстливости до мелочей соблюдали іудейскіе праздники. Что не было недостатка въ Римѣ и въ іудеяхъ—врагахъ Павлу и его свободнымъ правиламъ, объ этомъ можно судить частію по аналогіи съ другими церквами, какъ напр. Галатійскою и Коринѳскою, частію изъ 16 гл. къ Рим. ст. 17 и д. и еще яснѣе изъ многихъ мѣстъ написанныхъ спустя нѣсколько лѣтъ изъ римской тюрьмы посланій, какъ напр. Фил. 1, 15 и д. 2, 20. 21. Кол. 4, 11. 2 Тим. 4, 16. Но большинство христіанъ въ этой церкви составляли обратившіеся изъ язычества. Это само собою понятно, потому-что Римъ былъ средоточіемъ язычества, имѣлъ самыя живыя и частыя сношенія съ

главными мѣстами дѣятельности Павловой—съ Антіохіею, Малой Азіей и Греціей. Къ этому нужно присоединить еще ясныя указанія въ самомъ посланіи, особенно въ слѣдующихъ мѣстахъ, какъ напр. Рим. 1, 5—7. 13, гдѣ подъ ἔθνη, въ число коихъ апостолъ ставитъ и Римлянъ, конечно нужно разумѣть язычниковъ,—гл. 11, ст. 13. 13. 25. 28., гдѣ онъ особенно обращается къ христіанамъ изъ язычниковъ,—гл. 14, ст. 1 и д., гдѣ увѣщеваетъ быть снисходительными къ предразсудкамъ христіанъ изъ Іудеевъ;—15, 15. 16, гдѣ свое право учить и укрѣплять Римскую Церковь онъ производитъ изъ своего назначенія быть апостоломъ *язычниковъ*. Можно думать, что по крайней мѣрѣ въ то время Павлово воззрѣніе на христіанство было господствующимъ въ Римѣ. Потому-что Павелъ привѣтствуетъ (гл. 16) бывшихъ тамъ многихъ изъ своихъ послѣдователей и друзей, какъ напр. Аквилу и Прискиллу, изъ Ефеса воротившихся въ Римъ,—Эпенета изъ Ахаіи и другихъ, далѣе высказываетъ сильное желаніе посѣтить церковь (1, 11. 15; 15, 23), вообще доволенъ ихъ христіанскою жизнію (1, 8; 15, 14), между ихъ и своимъ благовѣстіемъ не находитъ никакого различія (2, 16; 6, 17; 16, 17. 21), и не опровергаетъ, по крайней мѣрѣ не прямо опровергаетъ іудейскихъ лжеучителей и личныхъ враговъ своего апостольскаго достоинства, какъ онъ дѣлалъ въ посланіяхъ къ Галатамъ и Коринѳянамъ.

Такъ-какъ Павелъ уже давно желалъ возвѣстить Евангеліе въ столицѣ вселенной (Рим. 1, 13. 15; 15, 22 и д.; сн. Дѣян. 19, 21), то онъ покамѣстъ до исполненія намѣренія вздумалъ вознаградить устную проповѣдь и приготовить къ ней чрезъ посланіе, и къ этому представился удобный случай, именно: въ отъѣздѣ въ Римъ діаконисcы Фивы изъ Кенхреи, лежащей вблизи Коринѳа (Рим. 16, 1). Собственно *главною* цѣлію посланія было *положительное изложеніе спасительной истины, главнаго центральнаго ученія объ оправдывающей, освящающей и спасающей вѣрѣ въ Іисуса Христа*, какъ единственной основѣ спасенія для заблудшихъ грѣшниковъ—Іудеевъ и язычниковъ (1, 16). Предъ подчинившимъ себѣ міръ—Римомъ, котораго огромное значеніе для будущей исторіи церкви Павелъ предвидѣлъ, онъ не убоялся свободно и смѣло проповѣдывать Евангеліе, какъ единственно спасительное сред-

ство для находящагося подъ клятвою грѣха и смерти человѣчества,—возвѣщать христіанство, какъ безусловное вѣчное откровеніе, къ которому должны обратиться какъ іудеи, такъ и язычники, и въ которомъ они должны искать удовлетворенія своимъ самымъ глубокимъ стремленіямъ и исполненія всѣхъ бывшихъ у нихъ пророчествъ и прообразовъ. Посему это посланіе содержитъ самое полное и въ высшей степени систематическое раскрытіе христіанскаго вѣроученія, и составляетъ весьма важную въ новозавѣтномъ канонѣ догматическую книгу. Мы нисколько не отвергаемъ того, что при этомъ св. апостолъ особенно въ увѣщательной части имѣлъ въ виду и особенныя потребности и неустройства въ Римской церкви, съ которыми онъ легко могъ познакомиться чрезъ письма отъ своихъ римскихъ друзей, какъ напр. наклонность къ неповиновенію верховной власти (гл. 13), мнительность слабыхъ въ вѣрѣ (гл. 14), узкосердечные предразсудки и мірскія притязанія іудеевъ (гл. 9 и 10), зарождающіяся козни между христіанами изъ іудеевъ (16, 17. 20), разобщенность между ними и христіанами изъ язычниковъ (15, 7. 9). Только эти полемическіе виды и особенные поводы не нужно считать главнымъ предметомъ; иначе можно потерять правильный взглядъ на посланіе, въ которомъ, очевидно, выступаетъ на первый планъ выше представленная цѣль, т. е. изложеніе ученія о грѣхѣ человѣка, объ искупительной благодати Божіей чрезъ Христа и о новой жизни по вѣрѣ во Христа.

Что касается до *хода мыслей*, то апостолъ вслѣдъ за введеніемъ прямо высказываетъ свою тэму: «евангеліе—сила Божія во спасеніе всѣмъ людямъ посредствомъ вѣры (1, 16. 17).» За тѣмъ разсуждаетъ, во первыхъ о всеобщей грѣховности и нуждѣ искупленія какъ для язычниковъ, такъ и для іудеевъ (1, 18—3, 20); во вторыхъ, объ оправданіи чрезъ Христа, особенно посредствомъ Его искупительной смерти, и объ оправдывающей вѣрѣ въ Него—втораго Адама, который намъ даровалъ больше, чѣмъ сколько потеряно было для насъ первымъ Адамомъ (3, 21—5, 21); въ третьихъ, о нравственныхъ дѣйствіяхъ вѣры, или о сочетаніи души со Христомъ, объ освященіи, хожденіи по духу и о блаженномъ сыновствѣ съ Богомъ (6—8); въ четвертыхъ, въ посланіи находится еще весьма глубокое воззрѣніе на божественное призваніе и отверженіе и на ходъ развитія Царства Божія,—такова въ отношеніи къ

церковной исторіи богооткровенная идея, что отверженіе невѣрующихъ іудеевъ по неизслѣдимому совѣту Божію служитъ къ обращенію язычниковъ, и что, когда обратятся всѣ народы языческіе, и для уцѣлѣвшаго Израиля тогда пробьетъ часъ его обращенія, искупленія и спасенія; далѣе Павелъ прославляетъ обиліе благодати и премудрости Божіей (9—11). Къ этой догматической главной части апостолъ, по своему обыкновенію (отъ 12 гл.—16), прибавляетъ еще обильныя содержаніемъ нравоученія и заканчиваетъ посланіе совѣтами, привѣтствіями, желаніемъ благодати и славословіемъ.

Такимъ образомъ посланіе къ Римлянамъ, подобно посланію къ Галатамъ, выходитъ совершенно изъ антропологической точки зрѣнія,—изъ нужды въ спасеніи для человѣка, изъ его отношенія къ Закону Божію, и оттого-то какъ нельзя лучше идетъ къ характеристическимъ чертамъ Церкви Латинской, у которой Римъ долго былъ средоточіемъ. Восточная—Греческая Церковь, по причинѣ своей наклонности къ умозрѣніямъ, уясняла Христіанскія основоположенія, примѣняясь болѣе къ позднѣйшимъ по времени посланіямъ Павла къ Ефесеямъ и Колоссаямъ, равно какъ къ Іоанновымъ писаніямъ, и изъ этого съ изумительною тонкостію развила ученіе о сущности Божества, о троичности, воплощеніи, отношеніи двухъ природъ во Христѣ. Когда впослѣдствіи наступилъ рядъ догматоисторической дѣятельности въ Западной Церкви, тогда она, подъ руководствомъ блаженнаго Августина, во многомъ сроднаго съ Павломъ, заимствовала особенно изъ посланія къ Римлянамъ матеріалъ для образованія антропологіи и болѣе непосредственныхъ практическихъ понятій о грѣхѣ и благодати. Когда Римская Церковь въ средніе вѣка, подобно Галатамъ, отступила отъ пути Евангельскаго и вдалась въ свойственную іудеямъ приверженность къ буквѣ закона, отъ оправданія вѣрою вдалась въ оправданіе дѣлами, тогда прежде всего снова съ жаромъ принялись за изученіе посланія къ Римлянамъ, которое вооружило реформаторовъ 16-го столѣтія къ борьбѣ съ Пелагіанизмомъ и открыло имъ путь къ болѣе глубокому изслѣдованію ученія о спасеніи,—природы закона и евангелія, вѣры и оправданія. Съ тѣхъ поръ посланіе къ Римлянамъ навсегда сдѣлалось главнымъ источникомъ евангелическаго протестантизма, хотя этимъ мы вовсе не хотимъ

сказать того, что Протестанты вездѣ вѣрно поняли его содержаніе и изучили его со всѣхъ сторонъ.

§ 20. Пятое и последнее путешествіе Ап. Павла въ Іерусалимъ. (58 г.)

Послѣ трехмѣсячной жизни въ Ахаіи, Павелъ приступилъ къ исполненію своего намѣренія—еще разъ сходить въ Іерусалимъ, тамъ закончить свою дѣятельность на востокѣ и за тѣмъ уже принести Евангеліе въ Римъ и Испанію (Рим. 15, 22—25). Въ Іерусалимъ влекли его столько же внѣшнія обстоятельства, сколько и внутреннее побужденіе. Онъ еще хоть разъ хотѣлъ самъ отнести въ теченіи послѣдняго года собранныя въ большомъ количествѣ *пожертвованія* (милостыни) *для бѣдныхъ христіанъ изъ іудеевъ*, и чрезъ то не только помочь ихъ тѣлесной нуждѣ, но и представить первой Церкви-матери фактическое доказательство признательной къ ней любви и благочестивой ревности греческихъ христіанъ, и, сколько отъ него зависѣло, сильнѣе скрѣпить отношенія между двумя большими частями Церкви (1 Кор. 16, 3. 4; 2 Кор. 9, 12—15. Рим. 15, 25—27). Совершенное прекращеніе внутренняго раздѣленія, которое, вслѣдствіе неутомимыхъ происковъ іудейскихъ лжеучителей, все еще грозило опасностію высказаться во внѣ, по взгляду Апостола на Церковь, какъ на тѣло Христово онъ считалъ предметомъ особенныхъ заботъ и пожертвованій, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ условіемъ успѣшнаго дальнѣйшаго распространенія Евангелія. Къ этому присоединялось еще то «обязательство Духа», о которомъ онъ говоритъ въ прощальной рѣчи къ Ефесскимъ Пресвитерамъ (Дѣян. 20, 22), т. е. то внутреннее понужденіе, въ которомъ онъ призналъ высшее влеченіе Духа Святаго,—понужденіе идти на встрѣчу рѣшительному повороту своей судьбы, начавшемуся съ темничнаго заключенія въ Іерусалимѣ. Оттого-то онъ не слушаетъ никакихъ предостереженій, отсовѣтывавшихъ ему путешествіе, будучи вполнѣ убѣжденъ, что узы и бѣдствія, ожидающія его въ Іерусалимѣ, должны послужить къ славѣ Господа и ко благу Церкви (20, 23. 24; 21, 13. 14).

Съ такими мыслями Павелъ оставилъ Коринѳъ весною 58 года, и Пасху провелъ въ Филиппахъ, гдѣ опять встрѣтился

съ Лукою, и за тѣмъ вмѣстѣ съ нимъ [1]) поплылъ въ Троаду, куда раньше его отправились прямо по морю семеро его спутниковъ: Сопатръ, Аристархъ, Секундъ, Кайй, Тимоѳей, Тихикъ и Трофимъ (Дѣян. 20, 4. 6) [2]). Тамъ онъ пробылъ недѣлю и основанную имъ за годъ до этого времени церковь утвердилъ проповѣдію и чудеснымъ воскрешеніемъ юноши Евтиха, который, во время продолжавшейся за полночь проповѣди, заснулъ на окнѣ и упалъ на улицу. Такъ какъ Апостолъ къ празднику Пятдесятницы хотѣлъ поспѣть въ Іерусалимъ, то онъ проплылъ мимо, не зашедши въ Ефесъ; впрочемъ пресвитеровъ этой, а, быть можетъ, и другихъ сосѣднихъ церквей [3]) позвалъ въ лежащій далѣе къ югу портовый іоническій городъ *Милетъ*.

Здѣсь онъ, представляя ожидающія его опасности и къ крайнему прискорбію предчувствуя, что ему никогда не придется еще видѣться съ ними, сказалъ имъ послѣднюю увѣщательную и защитительную прощальную рѣчь (Дѣян. 20. 17—38), которая дышетъ самою трогательною любовію къ духовнымъ чадамъ и самою искреннею и усердною заботливостію о будущности церкви. Сперва онъ напоминаетъ пресвитерамъ о своей дѣятельности въ Ефесѣ, какъ онъ тамъ съ перваго дня

[1]) Потому-что съ 6 ст. 20 гл. Лука вдругъ опять начинаетъ разсказывать, употребляя мѣстоименіе перваго лица: «мы», которое, начиная съ перваго путешествія Павлова изъ Филиппъ (17, 1), уступило мѣсто мѣстоименію третьяго лица; да и большая точность при описаніи дальнѣйшаго путешествія обличаетъ очевидца.

[2]) *Баумгартенъ* (11, 41 и д.) думаетъ, что Павелъ въ этихъ семи спутникахъ— четырехъ Европейцахъ и трехъ Азіатцахъ хотѣлъ представить Іерусалимской Церкви свидѣтелей благодати Божіей въ мірѣ языческомъ, съ цѣлію указать, что въ извѣстномъ смыслѣ наступила полнота язычниковъ въ церковь. *Ланге* (11, 291) еще прибавляетъ, что они между христіанами изъ язычниковъ были тѣмъ же, чѣмъ семь діаконовъ іерусалимскихъ, и поэтому были передатчиками милостыни, посланной апостоломъ, какъ даръ любви всѣхъ христіанъ изъ язычниковъ къ церкви іерусалимской, составившейся изъ іудеевъ и бывшей матерію всѣхъ церквей. Но не извѣстно, всѣ эти семеро помощниковъ провожали ли Павла до Іерусалима.

[3]) Какъ думаетъ *Ириней*, который подъ словомъ ἐκκλησίας (гл 20, 17) разумѣетъ не одну только Церковь Ефесскую, но всю малоазійскую Церковь, и предполагаетъ, что Павелъ имѣлъ формальный соборъ; такъ можно заключать изъ слѣдующихъ словъ св. Иринея: in Mileto convocatis episcopis et presbyteris, qui erant ab Epheso et a *reliquis proximis civitatibus* (advers. haer. III, 14, § 2). Хотя о соборѣ-то нельзя сказать рѣшительно, но мнѣніе, будто кромѣ пресвитеровъ Ефесской Церкви были представители еще другихъ сосѣднихъ Церквей, имѣетъ основаніе въ словахъ: ἐν οἷς διῆλθον ст. 25; и само по себѣ очень вѣроятно, что Павелъ, живя въ Ефесѣ, или раньше или послѣ своего пребыванія въ Ефесѣ основалъ Церкви въ околоткѣ этого города.

своего пребыванія постоянно служилъ Господу со всевозможнымъ смиреніемъ и среди многихъ слезъ и искушеній, подготовленныхъ ему козиями іудеевъ, на что Дѣянія Апостольскія только намекаютъ (19, 9), и ничего не умолчалъ изъ того, что было нужно для спасенія душъ Ефесскихъ христіанъ; но и публично и въ частныхъ домахъ проповѣдывалъ обо всемъ полезномъ въ жизни (ст. 18—21). Апостолъ, безъ ущерба своему смиренію, могъ указать на себя, а чрезъ себя на Господа, какъ на самый высшій образецъ (сн. 1 Кор. 4, 16. Фил. 3, 17. 1 Сол. 1, 6. 2 Сол. 3, 9); потому-что истинное смиреніе вообще состоитъ не въ незнаніи своихъ добродѣтелей, но въ отнесеніи ихъ къ ихъ источнику,—всеблагой и незаслуженной благодати Божіей, и въ чувствѣ совершенной зависимости отъ нея. За тѣмъ объявляетъ имъ о своей разлукѣ (ст. 22—25), и притомъ вѣчной; потому-что нѣкоторыя лица, по данной имъ прозорливости, въ разныхъ церквахъ, чрезъ которыя онъ проходилъ, (Дѣян. 21 гл. 4, 11) предсказывали ему, что его ждутъ узы и бѣдствія. Но и это не помѣшало ему идти туда, напротивъ онъ радовался, что ему придется закончить свое поприще мученичествомъ и пожертвовать жизнію ради Спасителя. Впрочемъ слова ст. 25: «я знаю, что всѣ вы уже не увидите лица моего» не служатъ вѣрнымъ доказательствомъ противъ защитниковъ втораго темничнаго заключенія Павлова въ Римѣ, которые думаютъ, будто онъ освободившись отъ первыхъ узъ снова пришелъ въ Малую Азію (2 Тим. 4, 13. 20); потому-что непреложное предвѣденіе будущаго, особенно въ личныхъ приключеніяхъ, не относится къ необходимымъ признакамъ Апостола (сн. 20, 22. гдѣ дѣлается намекъ на противное), и посланія изъ тюрьмы Римской показываютъ, что предчувствіе Павла касательно его кончины видоизмѣнялось. Здѣсь въ тяжелую минуту разлуки имъ овладѣло чувство предстоящаго раздѣленія, а потому пресвитеровъ онъ съ особенною силою и убѣдительностію увѣщевалъ быть внимательными къ самимъ себѣ, чтобы, проповѣдуя другимъ о внимательности, самимъ не сдѣлаться предметомъ невниманія и презрѣнія,—увѣщевалъ искренно и безкорыстно заботиться о церкви, ввѣренной имъ Духомъ Святымъ и пріобрѣтенной Господомъ—Его собственною кровію (ст. 26—35). Такому увѣщанію, на которое мы смотримъ какъ на главный пред-

метъ рѣчи, онъ придаетъ особый вѣсъ, когда пророчески указываетъ на лжеучителей, которые послѣ него прокрадутся къ нимъ со внѣ, да появятся даже и изъ ихъ общества, и подобно лютымъ волкамъ будутъ опустошать стадо (ст. 29. 30). Въ такихъ словахъ, безъ сомнѣнія, нужно видѣть іудействующихъ гностиковъ, или ихъ предтечь, которые обличены въ Павловыхъ посланіяхъ къ пастырямъ Церкви (1 Тим. 1, 4. 20; 4, 1 и д. 2 Тим. 2, 16 и д. 4, 3 и д. Тит. 1, 10 и д.; 3, 9) и въ посланіи къ Колоссаямъ;—еще болѣе подразумѣваются, а не прямо обличены также въ посланіи къ Ефесеямъ и въ писаніяхъ Іоанновыхъ. Всѣ зачатки къ такому искаженію христіанства чрезъ чужеродные элементы положены были въ Ефесѣ, гдѣ іудейское и языческое суевѣріе и невѣріе имѣли главное мѣсто [1]). Послѣ такого указанія на угрожающія церкви опасности Апостолъ поручаетъ своихъ слушателей защитѣ Всемогущаго Бога, и свою трехгодичную дѣятельность еще разъ предлагаетъ имъ въ примѣръ для подражанія, разсказываетъ, какъ онъ съ неутомимою заботливостію и безкорыстною преданностію служилъ Господу и Его Церкви, какъ, работая своими руками, онъ доставалъ содержаніе себѣ и своимъ товарищамъ, и въ этомъ состояніи вполнѣ понялъ истину не записаннаго въ Евангеліяхъ изреченія Христова: «лучше давать, нежели принимать», т. е. гораздо спасительнѣе, изъ любви къ другимъ терпѣть бѣдность и нужду, чѣмъ богатѣть и жить на счетъ другихъ. Это какъ нельзя болѣе приложимо къ Богу,—Подателю всѣхъ благъ и Виновнику всякаго блаженства (ст. 31—35). За тѣмъ онъ палъ на колѣни, помолился вмѣстѣ съ ними и, среди объятій и горячихъ слезъ, разстался съ ними, какъ описываетъ это Лука въ немногихъ, но трогательныхъ и умилительныхъ словахъ (ст. 36—38).

Подобная же прощальная сцена происходила въ Финикійскомъ торговомъ городѣ Тирѣ, гдѣ съ корабля, на которомъ плылъ св. Апостолъ, сгружали товары, такъ-что св. Павелъ могъ провести у тамошнихъ христіанъ цѣлую недѣлю. Сколько христіане ни упрашивали его подольше пожить въ Тирѣ; все—напрасно; по этому вмѣстѣ съ женами и дѣтьми они съ крайнею грустію проводили его до пристани и на берегу вмѣстѣ

[1]) См. выше § 15.

съ ними помолились съ колѣнопреклоненіемъ (Дѣян. 21, 3—5). Въ Кесаріи Стратонитской онъ также пробылъ нѣсколько дней съ своими товарищами въ домѣ благовѣстника Филиппа, одного изъ первыхъ семи діаконовъ Іерусалимской церкви, и здѣсь его также предостерегали отъ угрожающихъ ему опасностей. Пророкъ Агавъ изъ Іудеи, тотъ самый, который однажды предсказалъ голодъ, бывшій въ 44 году (Дѣян. 11, 28), связалъ себѣ руки и ноги поясомъ Павловымъ [1]) и сказалъ: «вотъ что говоритъ Духъ Святый: такъ свяжутъ въ Іерусалимѣ іудеи того человѣка, которому принадлежитъ этотъ поясъ и предадутъ его въ руки язычникомъ» (Дѣян. 21, 11). Тогда члены церкви и спутники Павловы, движимые любовію къ нему, обливаясь слезами, съобща умоляли его нейти въ Іерусалимъ. Но онъ положилъ лучше повиноваться своему собственному влеченію и требованію долга, чѣмъ послушаться друзей и учениковъ, хотя этотъ совѣтъ и происходилъ отъ искренней любви къ нему и имѣлъ въ виду благо церкви, отъ того-то глубоко тронулъ его чувствительное сердце. Св. Апостолъ готовъ былъ за имя Господа Іисуса не только подвергнуться узамъ, но и умереть. Братья, наконецъ, предали себя волѣ Господа. Нѣкоторые изъ нихъ провожали Апостола во время его послѣдняго путешествія до того самаго города, который умерщвляетъ пророковъ и побиваетъ камнями тѣхъ самыхъ, кои для него и къ нему посылались и посылаются. У одного изъ самыхъ старшихъ христіанъ, какого-то Мнасона Кипрянина, вѣропроповѣдники между язычниками нашли радушный пріемъ и пристанище.

§ 21. Темничное заключеніе Павлово.
(въ 58 г.)

Теперь мы приступаемъ къ важнѣйшей эпохѣ—перемѣнѣ въ жизни Павловой. Двадцать лѣтъ онъ проповѣдывалъ Евангеліе, переходя изъ города въ городъ, изъ одной земли въ другую, и, по благодати Божіей, потрудился болѣе всѣхъ другихъ апостоловъ (1 Кор. 15, 10). Но съ этого вре-

[1]) Такимъ символическимъ дѣйствіемъ присутствующіе могли живѣе представить себѣ и сильнѣе напечатлѣть предстоящее узничество.

мени онъ долженъ былъ послужить своему Божественному Учителю еще нѣсколько лѣтъ въ узахъ и цѣпяхъ и, наконецъ, прославить его мученическою кончиною. Какъ первая, такъ и эта вторая половина его дѣятельности была безспорно благотворна для церкви не только въ его время, но и на всѣ времена и составляетъ одно изъ возможно сильныхъ доказательствъ силы его вѣры и божественности христіанства.

Какъ вѣстникъ мира, онъ пришелъ въ Іерусалимъ исполненнымъ скорбной любви къ своимъ соотечественникамъ, для обращенія которыхъ онъ, если бы только это было возможно, готовъ былъ самъ перенести наказаніе осужденныхъ (Рим. 9. 3),—пришелъ съ богатыми пожертвованіями отъ греческихъ братьевъ въ пользу бѣдныхъ церквей въ Іудеѣ, и съ искреннимъ желаніемъ болѣе крѣпкаго соединенія всѣхъ христіанъ. Но къ прискорбію, ему пришлось испытать неблагодарность отъ міра и не истинныхъ своихъ братьевъ. Невѣрующіе Іудеи, почти тридцать лѣтъ назадъ пригвоздившіе ко кресту Господа славы, стали его преслѣдовать. Они ненавидѣли апостола какъ отступника отъ закона и мятежника противъ авторитета Божія, и ненавидѣли его съ тѣмъ смѣлымъ, рьянымъ фанатизмомъ, съ которымъ онъ самъ нѣкогда пытался совсѣмъ истребить юную церковь Христову.

Въ первый день по прибытіи Павелъ съ своими спутниками тотчасъ пошелъ къ *Іакову*, предстоятелю іерусалимской Церкви, и сообщилъ ему и собравшимся у него пресвитерамъ объ успѣхахъ его благодатной дѣятельности между язычниками. Они прославили за это Бога (21, 20); потому-что Іаковъ братски призналъ уже особое посланничество и духовные дары въ Павлѣ, какъ это извѣстно изъ дѣйствій апостольскаго собора и изъ посланія къ Галатамъ. Однако такъ думали не всѣ члены его церкви. Напротивъ у многихъ и, какъ кажется, у большинства господствовало сильное предубѣжденіе противъ апостола язычниковъ: они негодовали на него за то, что онъ не только язычниковъ освобождаетъ отъ исполненія Моисеева закона, но и всѣхъ иноземныхъ іудеевъ склоняетъ къ отступничеству отъ него и увѣщеваетъ ихъ не обрѣзывать своихъ дѣтей. Правда, онъ всегда давалъ особую силу тому основоположенію, что человѣкъ безъ дѣлъ закона спасается одною вѣрою въ Іисуса Христа, и въ этомъ согласны были

съ нимъ Петръ и всѣ апостолы (Дѣян. 15, 11). Такое основоположеніе современемъ имѣло прекратить обязательность закона обрядоваго и для христіанъ изъ іудеевъ. Но онъ былъ весьма далекъ отъ того, чтобы прекратить эту обязательность вдругъ и насильно; нѣтъ: онъ предоставилъ это дѣло развитію въ сердцахъ евангельскаго духа, какъ онъ самъ довольно ясно высказалъ это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «призванъ ли кто обрѣзаннымъ, не скрывайся; призванъ ли кто необрѣзаннымъ, не обрѣзывайся. Обрѣзаніе ничто, и не обрѣзаніе ничто; но все дѣло въ соблюденіи заповѣдей. Каждый оставайся въ томъ состояніи, въ какомъ призванъ (1 Кор. 7, 18—20).» Да и онъ самъ не разъ приспособлялся къ іудейскимъ обрядамъ, какъ напр. въ обрѣзаніи Тимоѳея (Дѣян. 16, 3.), въ томъ однакожъ только случаѣ, когда не думали, что обрѣзаніе или какое нибудь другое дѣло закона необходимо для спасенія. Выше представленное обвиненіе было только вполовину справедливо и основывалось на поспѣшномъ выводѣ изъ ученія Павлова, а, быть можетъ, и на нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ примѣрахъ такихъ христіанъ изъ іудеевъ, которые хотѣли въ отверженіи вѣтхозавѣтнаго ига пойти дальше, чѣмъ сколько Павелъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, считалъ благоразумнымъ и сообразнымъ съ цѣлію.

Іаковъ, которому очень радостно и дорого было сохраненіе согласія въ своей паствѣ и благоденствіе «брата» Павла, далъ ему совѣтъ принять участіе въ аскетическихъ упражненіяхъ обѣта Назорейскаго (сн. Тим. 6, 1—21), который только-что приняли на себя, какъ бы по особенному указанію Промысла, четыре бѣдныхъ члена Церкви, и взять на себя издержки за нихъ, при соединенной съ тѣмъ очистительной жертвѣ, что считалось за заслугу, и—такимъ образомъ фактически опровергнуть грозившее опасностію обвиненіе. Іаковъ не хотѣлъ этимъ оскорбить свободу христіанъ изъ язычниковъ. По этому-то и упоминаетъ объ опредѣленіи апостольскаго собора (Дѣян. 21, 25; сн. 15, 20. 29). Но отъ Павла, какъ природнаго іудея, по его мнѣнію, можно потребовать такого подчиненія Моисееву установленію, особенно когда Самъ Господь охотно подчинялся закону. Павелъ, пришедшій въ Іерусалимъ съ мыслію о любви и мирѣ, послушался благоразумнаго совѣта, подвергъ себя лишеніямъ Назореевъ, въ слѣдующій день

жрецамъ указалъ на время, когда конецъ обѣту и когда должно принести разрѣшительную жертву. Естественно, онъ поступалъ такъ не изъ одного только приспособленія къ немощамъ іудейскихъ братьевъ, но и съ доброю мыслію, какъ онъ и въ другихъ случаяхъ покарялся требованіямъ закона [1]), во всякомъ случаѣ только онъ не считалъ этого средствомъ къ тому, чтобы чрезъ это получить спасеніе.

Вотъ общеупотребительное доселѣ пониманіе отдѣла Дѣян. 21, 18—26! По новому, предложенному *Визелеромъ*, [2]) взгляду выходитъ, что Павелъ *вовсе не дѣлался Назореемъ*, но только взялъ на себя издержки на жертвоприношенія за четырехъ назореевъ изъ христіанъ, у которыхъ раньше принятый ими на себя обѣтъ (сн. ст. 23) уже оканчивался съ слѣдующимъ днемъ (ст. 26). Тогда подъ очищеніемъ (ἁγνίσθητι), предложеннымъ Павлу Іаковомъ (ст. 24), нужно разумѣть обыкновенное очищеніе, которое совершалось предъ принесеніемъ жертвы, вообще предъ каждымъ посѣщеніемъ храма, особенно по праздникамъ (сн. 1 Ц. 16, 5. Исх. 19, 10. 2 Макк. 12, 38. Іоан. 11, 55), и нѣсколько не ясный стихъ 26-й нужно перевести такъ: «тогда Павелъ взялъ тѣхъ людей, и, освятившись вмѣстѣ съ ними, на слѣдующій день вошелъ въ храмъ, увѣдомляя объ окончаніи срока Назорейства, и тамъ былъ до тѣхъ поръ, пока не принесъ за каждаго изъ нихъ дара.» Этому переводу какъ нельзя лучше благопріятствуетъ аористъ (προσηνέχθη), который, кажется, указываетъ на дѣйствительное принесеніе жертвы въ этотъ день, слѣдовательно на окончаніе обѣта Назорейства. По другому взгляду, этотъ аористъ нужно принимать за будущее (donec offeretur, до тѣхъ поръ пока не принесенъ будетъ даръ); но въ такомъ случаѣ въ непрямой рѣчи, съ частицею ἕως οὗ какъ здѣсь, нужно было ожидать сослагательнаго наклоненія (сн. Дѣян. 23, 12. 21; 25, 21). Далѣе въ 24-й гл. 18 ст. ясно замѣчено, что апостолъ былъ схваченъ *въ тотъ же день*, въ который онъ, очистившись (ἡγνισμένον, ср. ἁγνισθείς 21, 26), приносилъ жертву въ храмѣ. Наконецъ чрезъ это, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ образомъ уничтожается соблазнъ, который, кажется, произвело бы формальное назорейство со стороны апостола язычниковъ. Конечно и уча-

[1]) Дѣян. 18, 18; сн. выше объ этомъ особенно § 16 первое примѣчаніе.
[2]) Chronologie стр. 105 и д.

стіе и вспомоществованіе при одномъ только разрѣшеніи обѣта имѣло въ основѣ своей относительное одобреніе его и связанной съ тѣмъ іудейской набожности.

Такимъ образомъ здѣсь оба апостола, выходя изъ разныхъ воззрѣній, сходились между собою въ одномъ консервативномъ и примирительномъ (иреническомъ) направленіи. За снисходительную любовь и пощаду слабыхъ, за самоотверженіе для сохраненія единства Церкви ихъ можно прославлять и благоговѣть предъ ними, но при всемъ благоговѣніи и почтеніи къ нимъ можно предложить вопросъ: ихъ поведеніе въ этомъ случаѣ не могло ли, даже не должно ли было послужить къ утвержденію ревнителей закона въ ихъ противномъ евангелію мнѣніи, будто исполненіе Моисеевыхъ обрядовъ необходимо для спасенія? Не долженъ ли былъ Іаковъ напротивъ подтвердить начала Павловы, и безъ боязни обличить старую фарисейскую закваску? И не сдѣлалъ ли Павелъ здѣсь,—конечно среди весьма опасныхъ обстоятельствъ,—отступленія отъ своего образа мыслей, за которое онъ такъ рѣзко въ Антіохіи порицалъ Петра? Не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, если бы и на этотъ разъ онъ съ силою возсталъ противъ полухристіанъ, какъ онъ поступилъ тогда, когда требовали отъ него обрѣзанія язычника Тита (Гал. 2, 5)?

Отъ такихъ думъ и сомнѣній, которыя, конечно, очень естественно приходятъ въ голову, нужно обратить надлежащее вниманіе въ другую сторону, во первыхъ на то, что разсказъ у Луки слишкомъ сжатъ, представляетъ намъ слишкомъ мало данныхъ для болѣе близкаго опредѣленія отношеній въ іерусалимской церкви, для того, чтобы сдѣлать изъ существующихъ данныхъ такіе неблаговидные выводы. Далѣе положеніе Іакова, какъ показываетъ вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая мученическая его кончина, было вообще весьма затруднительное, такъ-какъ онъ, при усиливающемся ожесточеніи еврейской націи и приближающемся Божественномъ судѣ, все еще долженъ былъ стоять посредникомъ между ветхимъ и новымъ домостроительствомъ—(это было его особенное назначеніе)—для того, чтобы, сколько возможно, больше людей спасти отъ огня. И наконецъ, что касается Павла, то онъ здѣсь былъ не въ области своей собственной дѣятельности между христіанами изъ язычниковъ, гдѣ онъ конечно, какъ можно за-

ключать изъ его поведенія въ другихъ мѣстахъ, не дозволялъ себѣ нималѣйшаго ограниченія, напротивъ выказывалъ себя вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ, но находился въ предѣлахъ досточтимой матери-церкви, составившейся изъ іудеевъ, гдѣ долженъ былъ уважать обычаи отцевъ и авторитетъ Іакова, какъ ея законнаго предстоятеля. Съ полнымъ сознаніемъ праведности и спасительности, которою уже обладалъ во Христѣ, онъ по самымъ благонамѣреннымъ и чистымъ побужденіямъ принаровлялся къ слабымъ братьямъ; будучи самъ свободнымъ, изъ любви къ тѣмъ, которые подъ закономъ, онъ по своему правилу дѣлался однимъ изъ подзаконныхъ, Іудеемъ для іудеевъ, рабомъ для несвободныхъ, для того, чтобы нѣкоторыхъ изъ нихъ пріобрѣсти Христу. (1 Кор. 9, 19—23). Такимъ образомъ, если ему пришлось и въ этомъ опредѣленномъ случаѣ сдѣлать большую уступку, то во всякомъ случаѣ это не было измѣною его убѣжденію, за что ручается его твердый, непреклонный характеръ — но личною жертвою, которую онъ принесъ великой цѣли: миру и единству церкви. И такая жертва нѣкоторыми благородными и благонамѣренными христіанами изъ іудевъ — вѣроятно была оцѣнена, какъ слѣдуетъ.

Но іудеи-то имѣли слишкомъ глубоко вкоренившуюся непріязнь къ Павлу, для того, чтобы расположить себя благосклоннѣе къ нему за такое его принаровленіе къ ихъ религіозному строю. Потому-что еще до истеченія Пятдесятницкой недѣли [1]) малоазійскіе іудеи, бывшіе на праздникѣ Пятдесятницы и еще въ Ефесѣ имѣвшіе возможность преслѣдовать апостола язычниковъ, произвели сильное, дикое волненіе противъ него, схватили его въ храмѣ и кричали: «Израильтяне! помогите! вотъ человѣкъ, который повсюду всѣхъ учитъ противъ *народа* и *закона* и *храма*, который онъ осквернилъ». Фанатики безъ всякаго основанія по одному его обращенію съ христіаниномъ изъ язычниковъ Трофимомъ, происходившимъ тоже изъ Малой Азіи (20, 4. 2 Тим. 4. 20) заключали, будто онъ ввелъ Грека въ храмъ, а это запрещено было

[1]) Здѣсь возникаетъ вопросъ, къ чему нужно относить какіе-то «семь дней» (Дѣян. 21, 27). Обыкновенно въ нихъ видятъ все время назорейскаго обѣта четырехъ братьевъ. Но это опровергается іудейскимъ обычаемъ. Назорейство продолжалось или всю жизнь, или по крайней мѣрѣ *тридцать* дней. Поэтому *Гроцій*, *Куинель*, и

подъ смертною казнію. [1]) Яростная толпа вытащила св. апостола изъ храма, для того, чтобы сей не былъ оскверненъ кровію, жестоко била его, и, безъ сомнѣнія, до смерти избила бы, если бы не подоспѣлъ съ своими солдатами и начальниками во-время командиръ римскаго полка, стоявшаго въ сосѣднемъ замкѣ Антонія на сѣверо-западѣ отъ храма. Клавдій Лисій (такъ звали этого начальника Дѣян. 23, 26) отнялъ свидѣтеля Іисуса Христа у раздраженной черни, и велѣлъ сковать его двумя цѣпями и посадить въ крѣпость. Какой пріятный контрастъ (противоположность) представляетъ здѣсь юридическій взглядъ Римлянъ—язычниковъ сравнительно съ необузданною яростію развратившагося народа Божія! Павелъ съ лѣстницы крѣпости говорилъ рѣчь на еврейскомъ языкѣ (22, 1—21) и простымъ разсказомъ о своемъ обращеніи отъ самаго строгаго фарисейства къ Вѣрѣ Христовой и изображеніемъ великихъ дѣлъ Божіихъ среди язычниковъ думалъ нѣсколько успокоить взволнованный народъ. Но когда онъ дошелъ до божественаго призванія его въ апостолы язычниковъ, случившагося съ нимъ въ храмѣ посредствомъ видѣнія, тогда снова вспыхнулъ бунтъ, и въ ярости требовали осужденія его на смерть. Тысяченачальникъ, сперва считавшій его за возмутителя, хотѣлъ подвергнуть его ударамъ для того, чтобы вы-

---

де Ветте думаютъ, что изъ періода назорейскаго обѣта четырехъ братьевъ тогда еще оставалось семь дней, и что Павелъ присталъ къ нимъ только на этотъ остатовъ, а де-Ветте думаетъ, что жрецы лицамъ, принесшимъ дары за обѣтъ, дозволяли сокращать сровъ по своему разсмотрѣнію. Но въ пользу тавого обыкновенія нельзя представить рѣшительно никакого довазательства, а кромѣ того, эту мысль опровергаетъ извѣстіе о *двѣнадцати* дняхъ (24, 11), которые протекли со времени отправленія Павлова изъ Кесаріи въ Іерусалимъ до шестаго дня его узничества въ Кесаріи. Это время нужно такъ высчитать: *два* дня на путешествіе въ Іерусалимъ, въ 3-й день свиданіе съ Іаковомъ (21, 18—25); въ четвертый день (вѣроятно праздникъ Пятдесятницы) жертвоприношеніе въ храмѣ вмѣстѣ съ Назореями и узничество (21, 26—22. 29); на пятый день допросъ предъ синедріономъ (22, 30—23, 11); на 6-й день къ вечеру въ 9 часовъ отведеніе въ Кесарію (23, 12—31); 7-й день прибытіе туда (23, 32—35), а въ теченіи остальныхъ пяти дней Павелъ сидѣлъ тамъ въ узахъ, когда пришелъ Ананія изъ Іерусалима (24, 1—23). Изъ этого видно, что только одинъ день (вмѣсто предполагаемыхъ семи) оставался для Назорейства Павлова. При такихъ обстоятельствахъ, объясненіе *Визелерово* (стр. 110) заслуживаетъ полнаго вниманія; оно состоитъ въ томъ, что Лука подъ семью днями (ἑπτὰ ἡμέραι) разумѣетъ *недѣлю Пятдесятницы*, что онъ могъ предполагать уже яснымъ для своихъ читателей изъ связи рѣчи, такъ—какъ онъ нѣсколько раньше (20, 16) дѣйствительно извѣщалъ о намѣреніи Павловомъ,—быть на этомъ праздникѣ въ Іерусалимѣ.

[1]) На столбахъ внѣшняго двора у Израильтянъ на Греческомъ и Латинскомъ

пытать отъ него признанія въ его преступленіи. Но Павелъ былъ освобожденъ отъ такого срама, когда объявилъ, что онъ римскій гражданинъ.

---

§ 22. Ап. Павелъ предъ Синедріономъ.

На другой день Лисій отослалъ узника къ собравшемуся синедріону. Здѣсь св. Павелъ держалъ себя съ достоинствомъ и благоразуміемъ. Сначала онъ хотѣлъ защищаться въ обыкновенной рѣчи. Но когда его рѣчь была грубо и незаконно прервана предсѣдательствовавшимъ въ синедріонѣ первосвященникомъ Ананіею, человѣкомъ гордымъ и жестокимъ, который впослѣдствіи во время іудейской войны палъ отъ руки убійцы, и по приказанію котораго Павла били по устамъ,—тогда св. апостолъ сказалъ: «Богъ будетъ бить тебя стѣна подбѣленная» (Дѣян. 23, 3), т. е. ты лицемѣръ, который со внѣ бѣлъ, а внутри грязенъ,—твое поведеніе противорѣчитъ твоему священному сану. Какъ ни мѣтокъ и справедливъ былъ самъ по себѣ этотъ упрекъ, однако онъ видимо не соотвѣтствуетъ спокойному достойнству и терпѣнію Спасителя при болѣе жестокихъ оскорбленіяхъ (Іоан. 18, 22. 23.) и противорѣчитъ должному уваженію къ сану первосвященника. Это созналъ какъ будто и самъ Павелъ,—и свою опрометчивость осудилъ приведеніемъ одного мѣста изъ Священнаго Писанія (Исх. 22, 28). Есть, впрочемъ, и другой взглядъ на это явленіе, по которому апостолъ долженъ быть освобожденъ отъ всякой виновности въ опрометчивости и раздражительности, такъ-какъ въ немъ видятъ пророка Божія, который властію небеснаго судіи осуждаетъ несправедливость своего земнаго судьи [1]).

языкахъ было написано предувѣдомленіе: «никакой иноземецъ (не іудей) не можетъ входить въ святилище» (Ioseph. de bello Jud. V, 5, 2). По *Филону* и *Іосифу* Іудеи имѣли право, или, по крайней мѣрѣ, присвояли его себѣ—умерщвлять какого бы то ни было иноплеменника, даже самаго римскаго гражданина, который бы переступивши границы (порога) внѣшняго двора осквернилъ храмъ.

[1]) Здѣсь все зависитъ отъ правильнаго объясненія трудныхъ словъ: «οὐκ ᾔδειν ἀδελφοί, ὅτι ἐστὶν ἀρχιερεύς» (Дѣян. 23, 5). Это выраженіе едвали нужно принимать въ строго-буквальномъ смыслѣ, такъ-какъ Павелъ могъ знать объ Ананіи уже изъ предсѣдательства и изъ служебной дѣятельности, если даже прежде не зналъ его лично. Отъ того слова οὐκ ᾔδειν и переводятъ различно: 1) *non agnosco* «не признаю», предполагая, что послѣ своего осужденія предъ Императоромъ Ананія не былъ болѣе собственно первосвященникомъ, но онъ присвоилъ

Когда Павелъ замѣтилъ, что при раздраженномъ настроеніи его враговъ спокойное защищеніе было безполезно, даже невозможно, тогда онъ принялъ мѣры благоразумія, которое, когда оно служитъ только средствомъ для высшей цѣли и нисколько не противорѣчитъ истинѣ, не только дозволяется, но даже предписывается (сп. Мѳ. 10, 16). Онъ насквозь видѣлъ внутреннее противорѣчіе и разладъ въ синедріонѣ и вывелъ это наружу. Именно онъ предложилъ важное ученіе *о воскресеніи* мертвыхъ, какъ обвинительный пунктъ, и чрезъ это произвелъ раздѣленіе въ собраніи, состоявшемъ изъ Саддукеевъ (въ главѣ которыхъ былъ Ананія) и Фарисеевъ и привлекъ на свою сторону, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько минутъ болѣе сильную партію. Очевидно, воскресеніе праведныхъ вообще онъ представлялъ въ тѣсной связи съ воскресеніемъ Іисуса, составлявшемъ тоже предметъ спора, какъ разсказывалъ Фестъ Царю Агриппѣ (Дѣян. 25, 19). Хотя, конечно, его обвиняли собственно въ хулѣ на законъ, народъ и храмъ; но это обви-

себѣ это служеніе въ междуцарствіе тотчасъ по умерщвленіи своего преемника Іонаѳана. Но это не согласно съ словами Луки, который безъ ограниченія называетъ его первосвященникомъ (ст. 2). 2). *nesciebam*, «я не зналъ», но въ ироническомъ смыслѣ: «человѣка, который заявляетъ себя такъ нечествво, я никакъ не могъ считать за первосвященника. А вѣдь первосвященника-то, по закону, конечно, не должно злословить.» Такое объясненіе не принуждало бы насъ допускать горячности и несдержанности въ упомянутыхъ словахъ Павловыхъ. Можно бы дѣло представлять себѣ такъ, что Павелъ (ст. 3) говорилъ это не въ порывѣ человѣческаго гнѣва, но по внушенію Св. Духа,—отъ лица Божія высказалъ несчастному Ананіи правду и произнесъ на него тотъ самый судъ, который, впослѣдствіи, дѣйствительно совершился надъ нимъ (Также думаютъ *Штиръ Stier*, Reden der Ap. 11, стр. 321 и д. и *Баумгартенъ* Apostelgesch. 11, 2, стр. 185 и д.) Конечно, выраженіе «стѣна подбѣленная» не сильнѣе тѣхъ сказуемыхъ, какія самъ Господь прилагаетъ къ фарисеямъ въ Евангеліи отъ Матѳ. 23, гдѣ Онъ между прочимъ уподобляетъ «*окрашеннымъ гробамъ*» (ст. 27). И мученикъ Стефанъ, котораго лице было свѣтло, какъ лице ангела, сказалъ въ глаза собравшемуся синедріону: «жестоковыйные и съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами люди, вы всегда упорствуете противъ Духа Святаго (Дѣян. 7, 51).» За всѣмъ тѣмъ, иронія все-таки не видно въ пятомъ стихѣ. Поэтому въ текстѣ мы предпочли то объясненіе, которое въ различныхъ выраженіяхъ предложено *Бенгелемъ*, *Ветштейномъ*, *Куинелемъ*, *Ольсгаузеномъ*, *Неандеромъ* и другими, именно 3., *non reputabam*, то есть: «я не обдумалъ въ ту минуту», такъ-что въ этомъ выраженіи заключается въ одно время и самоосужденіе и рѣзкое обличеніе, такъ-какъ апостолъ справедливо дѣлаетъ замѣчаніе Первосвященнику. Хотя такое необыкновенное значеніе слова εἰδέναι не вполнѣ подтверждается изъ посланія ко Ефесеямъ (6, 8), Колоссаямъ (ст. 3, 24) и изъ другихъ мѣстъ, но все-таки оно очень близко къ правдѣ и въ этомъ случаѣ само-собою выходитъ изъ связи рѣчи, потому-что и слушатели-то нисколько не взволновались при этомъ, что они, вѣроятно, сдѣлали бы въ случаѣ ироніи.

неніе въ сущности-то было только отрицательнымъ выраженіемъ въ пользу его пламенной вѣры во Христа, какъ виновника новой твари, чрезъ Котораго все старое пропало, а все теперь сдѣлалось новымъ. Въ этомъ единственно и состояло обвиненіе Павла. Но на чемъ, по ученію Павла, опирается эта вѣра, на чемъ прежде всего держится убѣжденіе въ божественности христіанства? Очевидно, на событіи воскресенія, вслѣдствіе котораго вошло въ человѣчество новое жизненное начало. Потому-то апостолы мѣтко называли себя «свидѣтелями воскресенія,» и именно за него прежде всего подвергались гоненію, съ тѣхъ поръ какъ Саддукеи получили перевѣсъ въ верховномъ Совѣтѣ (Синедріонѣ) (Дѣян. 4, 2 и д.; 5, 17 и д.). Въ *воскресеніи* Христовомъ—въ немъ одномъ ожиданія и надежды Израиля находятъ себѣ исполненіе, и безъ него воскресеніе вѣрующихъ не имѣетъ никакого основанія и значенія. Потому-что «если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна, и вы еще въ грѣхахъ вашихъ (1 Кор. 15, 17).» Павелъ, которому слава Господа была дороже собственной безопасности, этою тактикою, гдѣ можно, хотѣлъ помочь Евангелію; Фарисеямъ въ этотъ разъ онъ какъ бы такъ сказалъ: «то, чего вы держитесь, какъ пустой формы, во мнѣ стало живою истиною. Поэтому, если хотите съ успѣхомъ преодолѣть опасную ересь Саддукеевъ, то должны хорошенько заняться своею теоріею о воскресеніи и увѣровать во Христа, безъ Котораго она пустая мечта! Дѣйствительно, изъ ненависти къ противной партіи они невольно засвидѣтельствовали о невинности Павловой, на что никогда не побудила бы ихъ одна чистая любовь къ истинѣ и справедливости: «мы ничего не находимъ худаго въ этомъ человѣкѣ (Дѣян. 23, 9).» Они даже высказали, хотя не прямо, и то, что ему явился на пути въ Дамаскъ какойнибудь духъ или ангелъ. Но этимъ только дѣло и ограничилось. А чтобы признать въ этомъ духѣ Мессію, до этого они не хотѣли довести себя. Наконецъ Лисій отвлекъ, увелъ апостола отъ этого все болѣе и болѣе дѣлающагося дерзкимъ, серьезнымъ и опаснымъ для жизни спора партій Синедріона, представлявшаго въ себѣ печальное доказательство ужаснаго распаденія цѣлой націи,—и снова посадилъ Павла въ крѣпость Антонія.

Въ слѣдующую ночь, когда св. Павелъ, и безъ того утомив-

шись отъ множества трудовъ, находясь подъ вліяніемъ страха, хотѣлъ измѣнить свое намѣреніе—проповѣдывать въ Римѣ евангеліе, и обратился горѣ — за просвѣщеніемъ и подкрѣпленіемъ, явился ему Господь въ видѣніи и утѣшилъ его увѣреніемъ, что ему, Павлу, нужно засвидѣтельствовать о Немъ не только въ столицѣ іудейства, но и въ столицѣ міра языческаго (Дѣян. 23, 11). Такая надежда на обильную жатву, уже начавшая скоро послѣ этого осуществляться среди бурь морскаго плаванія (27, 24), такая необходимость, по плану Промысла, подкрѣпила апостола на предстоящія продолжительныя страданія.

---

§ 23 Апостолъ Павелъ въ Кесаріи предъ Феликсомъ и Фестомъ. (58—60 г.)

На другой день болѣе сорока злостныхъ Зилотовъ, дѣйствуя за-одно съ Первосвященникомъ и Саддукейскою частію Синедріона, составили заговоръ противъ жизни Павловой. Римскій судья, еще раньше увѣдомленный объ этомъ жившимъ въ Іерусалимѣ племянникомъ Апостола, отослалъ св. Павла въ Кесарію къ *Феликсу* прокуратору въ ту же ночь подъ крѣпкою военною охраною, которая казалась необходимою по причинѣ заговора и въ то время болѣе и болѣе усиливавшихся разбоевъ, и притомъ съ письмомъ, въ которомъ описано дѣло узника и засвидѣтельствована его невинность. Феликса мы знаемъ изъ описанія *Іосифа* и *Тацита*, какъ человѣка очень низкаго, который жестокость, несправедливость и произволъ соединялъ съ раболѣпствомъ. Этотъ человѣкъ заключилъ Апостола въ преторію, построенную Иродомъ, до тѣхъ поръ, пока не явятся его обвинители, когда можно начать допросъ. Чрезъ пять дней враги изъ синедріона, въ главѣ которыхъ самъ Ананія, явились вмѣстѣ съ своимъ стряпчимъ Тертулломъ, который въ лживой и льстивой рѣчи (Дѣян. 25, 2—8) старался выставить Павла политическимъ бунтовщикомъ, начальникомъ назорейской ереси и осквернителемъ храма, въ то же время жаловался на Лисія за его незаконное вмѣшательство, и наводилъ Феликса на мысль принудить узника къ сознанію его преступленій, и чрезъ его наказаніе, или еще лучше, чрезъ передачу его въ руки Синедріона пріобрѣсти благосклонность

іудеевъ. Но Павелъ въ своей защитительной рѣчи (ст. 10—21) доказалъ всю неосновательность такихъ обвиненій, упомянулъ объ отсутствіи малоазійскихъ іудеевъ, которые должны бы были присутствовать здѣсь, какъ очевидцы взводимаго на него оскверненія храма,—и даже представилъ себя истиннымъ и вѣрнымъ Израильтяниномъ, какимъ онъ и дѣйствительно былъ, такъ-какъ Мессія—Сѣмя и Звѣзда Ветхаго Завѣта есть исполненіе закона и пророковъ. Намѣстникъ, между тѣмъ, отложилъ приговоръ до дальнѣйшихъ разъясненій, такъ-какъ онъ не могъ найти въ немъ никакого преступленія, заслуживающаго наказанія, и не хотѣлъ вмѣшиваться въ религіозные споры іудеевъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Феликсъ велѣлъ привести къ себѣ изъ темницы Павла, для того, чтобы вмѣстѣ съ женою своею іудеянкою Друзиллою [1],—дочерью царя Ирода Агриппы Старшаго (12, 1), сдѣлавшеюся при помощи Симона волхва по его желанію несносною [2]) для ея прежняго супруга царя Авизы Емесскаго,—удовлетворить своему любопытству касательно христіанской вѣры. Но когда Павелъ перешелъ къ практическому приложенію, и отъ чистаго сердца сталъ говорить о *правдѣ, воздержаніи* и *будущемъ судѣ*; тогда старикъ грѣшникъ испугался, и оставилъ безстрашнаго проповѣдника наказаній съ такимъ замѣчаніемъ, которое такъ хорошо характеризуетъ воззрѣніе свѣтскихъ людей, задѣтыхъ за живое обличеніями истины и все-таки ей противящихся: «теперь иди; а когда буду имѣть время, позову тебя» (24, 24 и д.). Онъ, безъ сомнѣнія, былъ убѣжденъ въ невинности Павла, но надѣялся взять взятку деньгами съ него, какъ съ такого человѣка, который хотя самъ былъ бѣденъ, но очень легко могъ получать содержаніе отъ своихъ христіанскихъ друзей въ Кесаріи и изъ другихъ мѣстъ. Естественно, св. Апостолъ пренебрегъ такимъ средствомъ къ своему освобожденію, въ полной надеждѣ, что Господь поможетъ ему въ свое время достославнымъ образомъ, сообразно съ своимъ обѣщаніемъ касательно Рима. При такихъ обстоятельствахъ въ Кесаріи онъ пробылъ узникомъ два года (24, 27), однако не получилъ ника-

[1]) Впослѣдствіи она вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Агриппою нашла себѣ жалкую смерть при изверженіи Везувія (*Josephus*. Antiq XX, 7, 2).

[2]) *Josephus*. Antiq. XX, 7, 1.

кого судебнаго приговора. Здѣсь его по временамъ посѣщали христіане; Намѣстникъ дѣлалъ ему допросы и, какъ кажется, съ своей стороны не препятствовалъ ему въ неизвѣстной для насъ дѣятельности въ пользу Царствія Божія. Когда Феликсъ, по истеченіи этого времени, былъ отозванъ отъ службы, тогда въ угожденіе іудеямъ, которые, однакожъ, жаловались на него Императору Нерону за его притѣсненія, Павла онъ оставилъ въ узахъ до пріѣзда своего преемника М. Порція Феста, занявшаго свою должность въ 60-мъ, или не позже 61-го года [1]).

Фестъ, сколько можно судить по немногимъ свѣдѣніямъ о его кратковременномъ правленіи, [2]) человѣкъ правдивый, во всякомъ случаѣ одинъ изъ лучшихъ намѣстниковъ, чрезъ три дня по вступленіи въ должность, частію по службѣ, частію по своимъ личнымъ отношеніямъ, посѣтилъ Іерусалимъ, и здѣсь Первосвященникъ (Измаилъ, преемникъ Ананіи) и знатные Іудеи умоляли его выдать Павла, котораго они думали убить во время дороги. Но и на этотъ разъ Богъ защитилъ своего апостола справедливостію язычниковъ отъ злости не-

[1]) Здѣсь мы опять имѣемъ твердыя хронологическія данныя для опредѣленія жизни Павловой, отъ которыхъ можно считать его жизнь и раньше этого событія и послѣ него. Правда, время правленія этихъ двухъ прокураторовъ не означено ясно, но его можно довольно точно опредѣлить чрезъ сопоставленіе обстоятельствъ. Именно, что касается Феликса, то *самымъ позднимъ* годомъ его отозванія долженъ быть 62-й годъ, такъ-какъ братъ его *Палласъ* (любимецъ Нероновъ), по ходатайству котораго онъ былъ освобожденъ отъ доносовъ іудеевъ (Joseph. Ant. XX, 8, 9 и д) и префектъ *Бурръ*, бывшій еще въ живыхъ во время этихъ доносовъ (XX, 8, 9), отравлены были ядомъ въ 62 году, первый въ концѣ (по крайней мѣрѣ по смерти Императрицы Октавіи (*Tacitus* Ann. XIV, 65. *Dio* LXII, 14), а послѣдній въ началѣ 62-го года (Tacit. XIV, 51 и д. Dio LX, 13). А *самымъ раннимъ* годомъ отставки Феликса отъ должности есть 60 годъ (см. объ этомъ точнѣйшія вычисленія у *Визелера* Chronol. стр. 66 и д). Вступленіе въ должность *Феста*, бывшаго прокуроромъ только годъ или два, должно падать на 60 или ужъ много-много на 61 годъ, такъ-какъ его преемникъ Альбинъ уже вступилъ въ его должность во время праздника Кущей за четыре года до іудейской войны, слѣд. въ 62 году (*Josephus* de bello Jud. VI, 5, 3), и такъ какъ іудейскіе посланные, съ его позволенія пришедшіе въ Римъ для рѣшенія спорнаго дѣла, должны были придти туда до бракосочетанія Поппеи съ Нерономъ; а этотъ бракъ, по свидѣтельству *Тацита*, былъ въ маѣ мѣсяцѣ 62 года. Такимъ образомъ Феликсъ и Фестъ сдали другъ-другу должность въ 60 или въ 61 году, вѣроятнѣе въ 60, какъ думаютъ самые знаменитые новѣйшіе хронологи *Вурмъ*, *Винеръ*, *Анеръ* и *Визелеръ*. Теперь, такъ какъ Павелъ до прибытія Феста сидѣлъ въ Кесаріи въ тюрьмѣ уже два года (Дѣян. 24, 27), то взятіе его въ тюрьму должно падать на 58 годъ.

[2]) См. объ этомъ кромѣ Дѣян. 25 и 26 гл. Ioseph Antiqu. XX, 8. 9 и д. de bell. Jud. 11, 14, 1.

честивыхъ Іудеевъ. Фестъ приглашалъ ихъ въ Кесарію для законнаго доноса, и тамъ на другой день по пріѣздѣ производилъ судъ. Доносчики и въ этотъ разъ не въ состояніи были доказать ни того, что онъ погрѣшилъ противъ (правильно понятаго) закона, ни противъ храма, ни-что единственно только и входило въ предѣлы власти римскаго судьи —противъ Императора. Фестъ, желая, съ одной стороны, угодить Іудеямъ, а съ другой—соблюсти справедливость къ Павлу, въ невинности котораго былъ убѣжденъ, спросилъ его, не хочетъ ли онъ, подъ его надзоромъ, судиться предъ Синедріономъ. Тогда Павелъ, который, какъ римскій гражданинъ, не могъ быть принужденъ подчиняться низшему суду, потребовалъ суда предъ Императоромъ, и этимъ проложилъ путь къ исполненію своего давнишняго желанія—свидѣтельствовать о Спасителѣ въ столицѣ всего свѣта. Фестъ, который естественно могъ опасаться такого результата (исхода), необходимо долженъ былъ признать предоставленную каждому римскому гражданину аппелляцію, и, будучи безсознательнымъ органомъ Провидѣнія (Дѣян. 25, 12), сказалъ:» вытребовалъ суда у Кесаря, то и отправишься въ Кесарію».

Чрезъ нѣсколько дней, этого новаго намѣстника прибыли поздравить молодой Царь *Иродъ Агриппа II*, любимецъ Императора Клавдія, во дворцѣ котораго получилъ образованіе, сынъ и наслѣдникъ упомянутаго въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (12, 1) гонителя христіанъ съ этимъ же именемъ, внукъ Ирода Великаго и послѣдній царь изъ этого рода; вмѣстѣ съ нимъ дѣлала визитъ его сестра—красавица собою, но распутная *Вереника*, которая прежде вышла за-мужъ за своего дядю Ирода Халкидскаго, но въ тоже время и позже послѣ втораго брака жила въ кровосмѣшеніи съ своимъ братомъ, и наконецъ сдѣлалась любовницею Императоровъ Веспасіана и Тита. Такъ-какъ Агриппа былъ Іудей и надзиратель надъ храмомъ [1]), то Фестъ предложилъ ему переговорить съ Павломъ для того, чтобы узнать его мнѣніе объ этомъ религіозномъ спорѣ и воскресеніи «какого-то умерщаго Іисуса» (Дѣян. 25, 10), а чрезъ то самому получить возможность лучше и вѣрнѣе доложить объ этомъ Кесарю. Царь, которому христіанство не

[1]) Ему даже позволялось избирать Первосвященника, Joseph. Antiq, XX, 1. 3).

могло быть не извѣстнымъ, такъ-какъ его отецъ осудилъ на смерть Іакова старшаго и посадилъ въ темницу Петра, охотно согласился послушать Павла. Поэтому па другой день Фестъ велѣлъ привести Павла въ ту комнату, гдѣ онъ самъ выслушивалъ доносы (аудіенцъ-залу), куда, для удовлетворенія своего любопытства, пришли Агриппа и Вереника съ великою пышностію вмѣстѣ съ начальниками находившихся въ Кесаріи пяти полковъ и знатными военными и гражданскими особами города.

Предъ такими знатными слушателями Павелъ, послѣ объявленія Прокуратора, съ большимъ удовольствіемъ произнесъ защитительную рѣчь (Дѣян. 26. 1—23). Здѣсь-то исполнилось пророчество Господа (Мѳ. 10, 18. Марк. 13. 9): «и поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ за Меня, для свидѣтельства предъ ними и предъ язычниками.» И въ настоящемъ случаѣ, какъ и предъ народомъ въ Іерусалимѣ, Павелъ разсказалъ свое чудесное обращеніе изъ набожнаго фарисея и гонителя христіанъ въ апостолы Іисуса Христа, для того, чтобы обратить явычниковъ отъ тьмы къ свѣту, отъ власти сатаны къ живому Богу. Такимъ образомъ онъ хотѣлъ сказать, что онъ не самъ произвольно избралъ свое служеніе, но оно внушено было ему небеснымъ явленіемъ, и что онъ ничего не проповѣдуетъ, какъ только исполненіе того, что уже предсказали пророки,—именно: смерть, воскресеніе, и назначенное для іудеевъ и язычниковъ спасеніе отъ Мессіи. Холодному равнодушному римскому государственному человѣку, подобно какъ Аѳинянамъ (Дѣян. 17, 32) содержаніе рѣчи, особенно воскресеніе, показалось сумазбродствомъ и помѣшательствомъ переучившагося мозга. «Съ ума ты сошелъ, Павелъ,» невольно громкимъ голосомъ сказалъ ему намѣстникъ, «твоя большая ученость (огромная начитанность въ іудейскихъ Писаніяхъ, на которыя онъ только-что сослался (ст. 22 и 23), доводитъ тебя до сумасшестія.» Апостолъ, которому, напротивъ, прежняя его ярость по отношенію къ христіанамъ казалась сумасшествіемъ (ст. 11) могъ съ увѣренностію въ торжествѣ и спокойствіемъ отвѣтить: «нѣтъ, достопочтенный Фестъ, я не сошелъ съ ума, но говорю слова истины и здраваго смысла.» За тѣмъ, обращаясь къ іудейскому царю, призвалъ его въ свидѣтели того, что великія событія въ христіанствѣ происходили не гдѣ нибудь въ углу, но публично въ Іерусалимѣ, и при всемъ собраніи предложилъ ему

по совѣсти, искренно отвѣтить на вопросъ: «вѣришь ли ты,— не мнѣ, не явленію, бывшему въ Дамаскѣ,— но единственно только пророкамъ, которые предвозвѣстили обо всемъ этомъ? Да, я знаю, что ты вѣришь.» Агриппа отвѣтилъ, произошло ли это отъ сильнаго минутнаго убѣжденія ума, или сказано въ шутку, которая, быть можетъ, должна была только скрыть его внутреннее волненіе на совѣсти: «ты немного [1]) не убѣдилъ меня сдѣлаться христіаниномъ!» Тогда Павелъ высказалъ замѣчательную мысль, которая даетъ намъ возможность бросить взглядъ на его святую ревность о спасеніи душъ и на его внутреннее блаженное состояніе: «молилъ бы я Бога, чтобъ мало ли, много ли, не только ты, но и всѣ слушающіе меня сегодня, сдѣлались такими, какъ я, кромѣ этихъ узъ (Дѣян. 26, 29).» Какъ безконечно возвышается здѣсь этотъ закованный въ желѣзные кандалы рабъ Божій надъ своими судьями—рабами міра въ золотыхъ цѣпяхъ!

---

§ 24. Св. Ап. Павелъ въ Римѣ. (61—63 г.).

И Агриппѣ пришлось засвидѣтельствовать совершенную невинность апостола. Но такъ-какъ онъ однажды потребовалъ суда предъ Кесаремъ, то Фестъ не могъ ни освободить его, ни произнести приговора, а долженъ былъ отослать его въ Римъ. При первомъ случаѣ онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими узниками передалъ его подъ надзоръ Юлію, [2]) начальнику

---

[1]) Выраженіе ἐν ὀλίγῳ (Дѣян. 26, 28) объясняется различно: 1) оно значитъ, по словамъ *Златоуста, Лют., Безы и Гроція, почти*, не многаго недостаетъ. 2)— *такъ легко*, съ такимъ небольшимъ трудомъ, нѣсколькими словами, какъ Еф. 3, 3). *Мейеръ, Ольсгаузенъ*. Это толкованіе было бы необходимо, если бы вмѣсто ἐν πολλῷ (въ ст. 29) нужно было вмѣстѣ съ *Лахманомъ* читать ἐν μεγάλῳ, какъ значится въ код. AB Vulg. 3) *въ короткое время, скоро* (Кальв. Кюин. Неанд.). Поэтому и въ отвѣтѣ Павла κ. ἐν ὀλ. κ. ἐν πολλ. ст. 29, три различныхъ смысла: именно 1) не только почти, но и всецѣло; 2) Для однихъ не много, а для другихъ (въ числѣ коихъ Павелъ могъ разумѣть отчасти Феста) много нужно для того, чтобы обратить ихъ въ христіанство; 3). скоро, въ короткое время или долго.

[2]) Вѣроятно этотъ Юлій одно лице съ Юліемъ Прискомъ, который, по свидѣт. Тацита, (Hist. 11, 92) при Вителліи въ 70 г. изъ сотниковъ былъ возведенъ въ должность префекта преторіанцевъ (командира лейб-гвардіи), и по словамъ же Тацита (Hist. IV, II) самъ себя лишилъ жизни: Jul. Prisc. praetoriarum sub Uitellio cohortium praefectus se ipse interfecit, pudore magis, quam necessitate.

Императорскаго полка; и такимъ образомъ Павелъ выбылъ изъ Кесаріи въ сопровожденіи своихъ вѣрныхъ спутниковъ Луки и Аристарха Солунскаго (Дѣян. 27, 1. 2. сн. Кол. 4, 10. Филим. 24). Это морское путешествіе, которое Лука особенно подробно описываетъ, какъ очевидецъ, было очень опасно, какъ и должно было ожидать, судя по наступившему времени года; потому-что, когда они пристали къ городу Ласеѣ на островѣ Критѣ, тогда уже прошелъ постъ, который приходился 10 *тисри* (въ концѣ Сентября). Павелъ совѣтовалъ перезимовать, но его не послушались, потому-что тамошняя пристань была неудобна къ перезимованію. Тогда послѣ двухнедѣльнаго бурнаго плаванія карабль принесло къ берегу Мальты (Дѣян. 27, 27. 33 и д.; 28, 1.), и апостолъ молитвою и добрымъ совѣтомъ послужилъ виновникомъ спасенія всѣхъ бывшихъ на кораблѣ (Дѣян. 27, 21—26. 31 и д.). Изъ-за одного праведника остались въ цѣлости 275 душъ. Такъ Господь за малое число людей готовъ былъ пощадить Содомъ (Быт. 18, 32). Это самое свѣтлое событіе во всемъ морскомъ путешествіи. Здѣсь обнаруживается величіе и твердость заключеннаго въ узы Павла противъ ярящейся бури, и въ виду вѣрной смерти—сильное доказательство его божественнаго посланничества.

Пробывши на Мальтѣ три мѣсяца, чудеснымъ избавленіемъ отъ ужаленія ядовитой змѣи (сн. Марк. 16, 18) и исцѣленіемъ разныхъ болѣзней возбудивши въ добродушныхъ варварахъ и правителѣ острова чувства благоговѣнія и благодарности (Дѣян. 28, 3—10), на александрійскомъ кораблѣ: «Касторъ и Поллуксъ» (Дѣян. 28, 11), онъ прибылъ въ Сиракузы, въ Сицилію, гдѣ оставался три дня, за тѣмъ-въ Ригію (въ настоящее время Reggio), насупротивъ Мессины, оттуда въ два дня прибылъ въ пристань египетскихъ кораблей Путеолы вблизи Неаполя; тамъ прожилъ недѣлю у небольшой христіанской общины, и за тѣмъ пошелъ сухимъ путемъ въ Римъ, куда могъ добраться едва къ концу Марта 61, или никакъ не позже 62 года. Нѣкоторые братья изъ Римской Церкви вышли къ нему на встрѣчу далеко, больше чѣмъ на сутки пути (за 43 римскихъ миль) въ городокъ, называемый Аппіевой площадью (forum Appii) на Аппійской дорогѣ, а другіе, по крайней мѣрѣ, къ дому «Трехъ гостинницъ» (Tres Tabernae) (за 33 римск.мили), и чрезъ это засвидѣтельствовали свое уваженіе и любовь

къ нему, которая должна была весьма ободрить и обрадовать его.

Такъ-то исполнилось его сильное желаніе (Дѣян. 19, 21; сн. Рим. 1, 10 и д; 15, 23 и д.) и увѣреніе Господа (Дѣян. 23, 11; 27, 24), что ему (Павлу) нужно засвидѣтельствовать о Христѣ еще въ столицѣ всего свѣта, хотя иначе, чѣмъ какъ Павелъ могъ раньше представлять себѣ (Рим. 15, 24). Сотникъ Юлій, обращавшійся съ нимъ во всю дорогу вѣжливо и человѣколюбиво (Дѣян. 27. 3. 43. 44; 28, 14—15) передалъ его главному начальнику Кесаревой охранной стражи (praefectus praetorio) (Дѣян. 28 гл. 16 ст.) [1]). Но такъ-какъ св. апостолъ, по сознанію Феста и Агриппы, былъ вовсе невиненъ ни въ какомъ преступленіи государственныхъ законовъ, а поэтому такъ называемыя litterae dimissoriae, или apostoli (отпуски, рапорты), въ которыхъ прокуроръ долженъ былъ представлять императору обвинительные пункты противъ узника и доносить о всемъ ходѣ дѣла, могли быть только благопріятныя для Павла, и сотникъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ объ немъ хорошій отзывъ,— то надворъ за Павломъ дожно быть былъ очень не строгій, и это подтверждается словами Луки (28, 16 и д.). Правда, апостолъ постоянно былъ подъ карауломъ одного солдата преторіанца, и длинною цѣпью былъ скованъ съ лѣвою его рукою (сн. 16, 17, 20), [2]) но ему можно было нанимать квартиру

[1]) Изъ того, что въ 28, 16 ст. Дѣян. Апост. упоминается только одинъ префектъ (στρατοπεδάρχης) можно съ достовѣрностію заключать, что здѣсь разумѣется пресловутый *Бурръ* другъ Сенеки и вмѣстѣ съ нимъ воспитатель Нерона. Потому-что прежде и послѣ него всегда было по *два* начальника надъ охранною стражею. Теперь, такъ-какъ Бурръ былъ отравленъ еще въ Февралѣ и ужъ никакъ не позже половины Марта 62 года за свое противодѣйствіе разводу Нерона съ Императрицею Октавіею, и бракосочетанію съ Поппеею Сабиною (сн. Тацитъ Лѣтоп. XIV, 51 и д); то изъ этого можно бы вывести, что Павелъ прибылъ въ Римъ, по крайней мѣрѣ, годомъ раньше, слѣдовательно весною въ 61 году (сн. *Anger* temp. rat. p. 100 и *Визелера* Chonol. стр. 83 и 87 и д). А что командиры императорской охранной стражи, высшія военныя особы въ городѣ, должны были заботиться о сохраненіи присылаемыхъ изъ провинціи на судъ къ императору преступниковъ, о чемъ совершенно историчесви разсказываетъ Лука, это видно, между прочимъ, и изъ свидѣтельства *Плинія* Epp. X, 65, гдѣ Траянъ пишетъ: vinctus mitti ad praefectos praetorii mei debet. Сн. *Joseph*. Antiq. XVIII, 6, § 6 и 7.

[2]) О такой употребительной въ военной стражѣ (custodia militaris) заковкѣ, имѣвшей цѣлію не наказаніе, а безопасное сбереженіе преступника, извѣстно изъ *Іосифа* Antiq. XVIII, 6. 7, по словамъ котораго Агриппа закованъ былъ вмѣстѣ съ имѣвшимъ караулъ сотникомъ, и изъ *Сенеки* Epist. 5: «такимъ образомъ одна и та же цѣпь соединяетъ и солдата и арестанта; quemadmoqum eadem catena et

въ частномъ домѣ (ст. 30), принимать посѣтителей [1]) и писать письма, и въ такомъ положеніи онъ въ состояніи былъ безпрепятственно дѣйствовать въ пользу Царства Божія цѣлыхъ два года (ст. 30 и 31), до тѣхъ поръ, пока, по вызовѣ всѣхъ свидѣтелей, не начался собственно судебный процессъ.

Мало того. Спустя три дня по своемъ прибытіи, Павелъ пригласилъ къ себѣ знаменитыхъ римскихъ іудеевъ, вѣроятно начальниковъ Синагоги, во первыхъ потому, что свою апостольскую дѣятельность онъ всегда сперва начиналъ въ народѣ обѣтованія, и во вторыхъ потому, что хотѣлъ сообщить имъ объ истинной причинѣ своего появленія въ Римѣ, о своихъ чистыхъ намѣреніяхъ и—имѣлъ выступить противъ новыхъ ухищреній. А онъ долженъ былъ опасаться, не получили ль они объ немъ изъ Іерусалима какихъ нибудь ложныхъ, неблагопріятныхъ извѣстій, и не смотрѣли ли на него, какъ на врага своего. Но, по ихъ словамъ, ничего такого не было. Они, какъ сами говорили, не получали о Павлѣ ни писемъ изъ Іудеи, ни частныхъ извѣстій, ни дурныхъ о немъ слуховъ отъ кого-либо изъ приходящихъ братьевъ; но желали подробно слышать его самаго, потому-что имъ о христіанскомъ обществѣ извѣстно было, что этой сектѣ всюду противодѣйствуютъ и спорятъ съ нею (Дѣян. 28, 21. 22). Хотя, конечно, Синедріонъ тотчасъ послѣ аппелляціи Павла *оффиціально* могъ увѣдомить римскихъ іудевъ, но это извѣстіе, по причинѣ скоро наступающей зимы, когда прекращается мореплаваніе (mare clausum), не могло дойти до нихъ раньше прибытія ап. Павла. Возможное дѣло, что эти знатные римскіе іудеи мало обращали вниманія на религіозныя происшествія. Все-таки крайне невѣроятно, чтобы они, хоть чрезъ *частныя* извѣстія, ничего худаго не слыхали о знаменитомъ отступникѣ, потому-что его уже вотъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ ненавидятъ и преслѣдуютъ Іудеи и палестинскіе, и Малоазійскіе, и Греческіе; да христіанская церковь въ Римѣ, какъ видно изъ по-

---

militem et custodiam copulat». сн. *Сенеки* de tranquill. 10: «одна стража охраняетъ всѣхъ, привязаны даже и тѣ, которые привязали, развѣ только ты, быть можетъ, цѣпь на лѣвой рукѣ признаешь довольно легкою: eadem custodia universos circumdedit alligatique sunt etiam, qui alligaverunt, nisi tu forte leviorem in sinistra catenam putas.

[1]) Такое состояніе подвергшагося судебному преслѣдованію у Саллюстія обозначается словами. "haberi in liberis custodiis„ (см. Catil. XLVII). *Прим. Перев.*

сланія къ Римлянамъ, была на столько многолюдна, что обратила на себя вниманіе іудеевъ. Безъ этого первая часть ихъ рѣчи не совсѣмъ согласна со второю, въ которой говорится, что имъ извѣстно общее повсюдное противодѣйствіе и противорѣчіе этой сектѣ (αἵρεσις). Посему въ этомъ мнимомъ незнакомствѣ іудеевъ съ апостоломъ язычниковъ нужно видѣть намѣренное притворство; происходило ли оно отъ того, что они этимъ хотѣли посмѣяться надъ его собственнымъ предположеніемъ о противодѣйствіи ему, или изъ опасенія и сознанія, что они не въ состояніи были привести обвинительныхъ пунктовъ противъ него, а потому желали, чтобы онъ самъ себя обвинилъ. Когда же Павелъ въ назначенный день довольно подробно возвѣстилъ имъ евангеліе, тогда произошло между ними раздѣленіе: одни вѣрили, а другіе ожесточили сердца свои, какъ предсказалъ Исаія (6, 9. 10); и теперь-то онъ, отвергнутый своими единоплеменниками, могъ съ чистою совѣстію обратиться къ язычникамъ, которые и здѣсь заявили большое сочувствіе и воспріимчивость. Въ посланіи къ Филиппійцамъ (1, 7. 13. 14) Павелъ могъ написать, что его узы содѣйствуютъ распространенію евангелія. Караульные солдаты смѣнялись, и каждый изъ нихъ передавалъ своимъ товарищамъ то, что слышалъ отъ апостола, такъ что проповѣдь о крестѣ сдѣлалась извѣстна во всей императорской охранной стражѣ, въ цѣлой преторіи (praetorium, castra praetoria-лейбгвардія (Фил. 1, 12—14). Уже самая личность Павла, его душа, его радостная готовность всѣмъ пожертвовать своему дѣлу должны были привлечь благосклонность къ его ученію. Правда, и здѣсь не было недостатка въ іудействующихъ лжеучителяхъ, которые по нечистымъ побужденіямъ, по зависти и соревнованію проповѣдывали евангеліе и старались подорвать его авторитетъ и еще болѣе усилить скорби его въ такомъ его положеніи (Фил. 1, 15. 16). Онъ жалѣетъ о томъ, что только три христіанина изъ іудеевъ, именно: Аристархъ, Маркъ и Іисусъ—Іустъ были ему отрадою (Кол. 4, 10. 11). Но и при этомъ не палъ духомъ. Онъ съ самоотверженіемъ забылъ о своемъ собственномъ лицѣ, подвизаясь за дѣло Господа, и радовался, что и его противники распространяютъ свѣдѣнія о событіяхъ и истинахъ христіанства, хотя и примѣшиваютъ къ нимъ кое-какія заблужденія. «Но что до того?

Какимъ бы образомъ Христа ни проповѣдывали, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться (Фил. 1, 18).»

Но его дѣятельность не ограничивалась одною только Римскою церковію. Онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ по временамъ, вокругъ себя весьма многихъ изъ своихъ друзей и сотрудниковъ, именно: *Луку*, *Аристарха*, *Тимоѳея*, *Марка*, *Тихика*, *Епафраса*, *Демаса*, *Іисуса*, по прозванію Іуста (Кол. 4, 10—15. Фил. 2, 19. 25. Филим. ст. 23. 24; сн. 2 Тим. 4, 10 и д.). Чрезъ нихъ онъ очень легко могъ поддерживать общеніе со всѣми своими церквами въ Греціи и Малой Азіи и продолжалъ руководить ихъ. Этого онъ достигалъ, посылая ихъ къ церквамъ съ устными наставленіями и письмами, чрезъ которыя имѣлъ вліяніе на всю церковь не только его временъ, но и на будущіе вѣка, такъ-что еще доселѣ мы наслаждаемся произведеніями узнической его жизни.

---

§ 25. Посланія изъ Римскаго узничества. (61—63).

Въ это именно время написаны были посланія къ *Колоссаямъ*, *Ефесеямъ*, къ *Филимону*, *Филиппійцамъ* и *второе* посланіе къ *Тимоѳею*, которыя касаются частію личныхъ отношеній, частію изображаютъ новыя опасности Церкви, и особенно чрезъ развитіе ученія о лицѣ Христа составляютъ переходъ къ писаніямъ Іоанновымъ. Что Павелъ упомянутыя посланія писалъ *будучи узникомъ*, объ этомъ онъ самъ говоритъ во многихъ мѣстахъ въ самыхъ этихъ посланіяхъ (сн. Еф. 3, 1. 13; 4, 1; 6, 20; Кол. 1, 24. 29; 2, 1; 4, 3. 18. Филим. ст. 1. 9. 10. 13. 22. Фил. 1, 7. 12 и д. 17. 19—26. 30; 2, 17. 2 Тим. 1, 16; 2, 8; 4, 6 и д. 16 и д.). Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что Римъ былъ мѣстомъ написанія, потому-что Павелъ сидѣлъ въ узахъ болѣе двухъ лѣтъ еще въ Кесаріи. Но въ пользу такого мнѣнія (о Римѣ, какъ о мѣстѣ написанія) должно настроить насъ еще почти единогласное преданіе древней церкви. Касательно втораго посланія къ Тимоѳею это принято всѣми новѣйшими критиками [1],

[1] За исключеніемъ *Беттера*, который въ своихъ прибавленіяхъ къ историко-критическому введенію въ Павловы посланія (Beiträge zür historisch kritischen Ein-

такъ-какъ Римъ въ 1 гл. 17 ст. ясно названъ (сн. также и Римскія имена Пудента, Лина и Клавдіи 4, 21); только здѣсь представляется слѣдующее въ послѣднее время возникшее затрудненіе: посланіе это написано во время первыхъ или вторыхъ узъ въ Римѣ?... Посланіе къ Филиппійцамъ гл. 4, 22, отправляетъ привѣтствіе отъ дома *Кесарева;* при этомъ всего естественнѣе представлять себѣ дворъ Нероновъ и членовъ его охранной стражи или его прислугу. И то, что Павелъ въ гл. 1, 7. 12—18 говоритъ о послѣдствіяхъ его узничества благопріятныхъ распространенію Евангелія, гораздо болѣе подходитъ къ тому, что сообщаютъ намъ Дѣянія Апостольскія о его положеніи въ Римѣ, чѣмъ къ тому, что извѣстно намъ о его узничествѣ въ Кесаріи. Труднѣе опредѣлить мѣсто написанія посланій къ Ефессеямъ, къ Колоссаямъ и къ Филимону. Впрочемъ въ пользу мысли о написаніи ихъ въ Кесаріи, какъ думаютъ *Шульцъ, Вигерсъ, Мейеръ* и *Тиршъ,* нельзя привести ни одного положительнаго основанія, между тѣмъ какъ свобода въ жизни и въ проповѣди, какою пользовался Павелъ по словамъ посланій (Еф. 6, 19. Кол. 4, 3. 4), указываетъ на Римъ (см. Дѣян. 28, 30 и д.). Далѣе, легче можно представить себѣ, что такое множество вышеприведенныхъ сотрудниковъ имѣли свиданіе съ Павломъ въ Римѣ,—средоточіи всего свѣта, чѣмъ въ гораздо менѣе значительной Кесаріи. Наконецъ мѣсто изъ посланія къ Филим. ст. 22 кажется окончательно рѣшаетъ дѣло; изъ него видно, что Павелъ надѣялся скоро прибыть во Фригію. Но объ этомъ онъ могъ думать

---

leitung in die Pavlinische Briefe, Göttingen 1837, Abth. 2) высказываетъ странный взглядъ и остроумно защищаетъ мысль, будто Павелъ по крайней мѣрѣ пять дней въ Римѣ сидѣлъ въ темницѣ, а остальное время два года проводилъ тамъ на полной свободѣ. (Сн. на это замѣтки *Неандера* 1, стр. 498 и д. и *Визелера,* Chronolog. стр. 411 и д. И *Тиршъ* (Apost. Kirche стр. 151) написаніе втораго посланія къ Тимоѳею относитъ къ узничеству Павлову въ Кесаріи въ 58 г., и въ началѣ и на концѣ этого посланія видитъ ясныя указанія на бывшую раньше за нѣсколько мѣсяцевъ разлуку съ Ефесомъ (2 Тим. 1, 4. сн. съ Дѣян. 20, 37; 2 Тим. 4, 13, сн. съ Дѣян. 20, 13; 2 Тим. 4, 20 съ Дѣян. 20, 15). Самое сильное основаніе въ пользу этого мнѣнія, по нашему предположенію, заключается въ одинокомъ положеніи апостола (2 Тим. 4, 10), котораго нельзя хорошо представить себѣ въ Римѣ. Но противъ этого говоритъ особенно ожиданіе смерти, объявшее его въ то время (2 Тим. 1, 8; 4, 16), между тѣмъ какъ въ Кесаріи онъ надѣялся непремѣнно дойти до Рима и въ доказательство этого могъ ссылаться на бывшее ему въ Іерусалимѣ откровеніе.

въ Римѣ, а не въ Кесаріи, потому что здѣсь (въ Кесаріи), по свидѣтельству Дѣян. 19, 21; 20, 25, сн. Рим. 1, 13; 15, 23 и д. Римъ и Испанія были ближайшими цѣлями его желаній, между тѣмъ какъ мысль о возвращеніи въ Малую Азію тогда была чужда ему (сн. Дѣян. 20, 25).

Что касается хронологическаго порядка этихъ посланій, то мы принимаемъ, что посланія къ Ефесеямъ, Колоссаямъ и къ Филимону написаны и отосланы впередъ другихъ, и притомъ почти въ одно время, въ продолженіи двухлѣтней спокойной жизни (Дѣян. 28, 30. 31. (61—63 г.); за тѣмъ нѣсколько позже посланіе къ Филиппійцамъ и наконецъ второе посланіе къ Тимоѳею [1]). Въ пользу этого говоритъ самое описаніе и изложеніе, какое содержатъ эти посланія касательно узничества Апостолова. По Ефес. 6, 19. 20. Кол. 4, 3. 4. онъ безпрепятственно проповѣдуетъ Евангеліе и ожидаетъ себѣ освобожденія. Въ посланіи къ Филимону въ Колоссахъ онъ велитъ себѣ у него приготовить горницу (ст. 22), такъ-какъ обстоятельства церкви въ Малой Азіи требовали его личнаго присутствія; они-то, кажется, были причиною измѣненія его прежняго плана сходить въ Испанію. О допросѣ въ этомъ посланіи еще нѣтъ рѣчи, точно также какъ и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ. Во время написанія посланія къ Филипійцамъ, онъ уже могъ говорить о большихъ успѣхахъ своей проповѣди въ Римѣ, а это указываетъ уже на позднее время (1, 7. 12—19; 4, 22). И тогда онъ еще имѣлъ надежду на *скорое* освобожденіе и свиданіе съ Филипійцами (1, 25. 26; 2, 24); но надежды уже не были такъ утѣшительны, и возможность близости мученической смерти запала въ его душу (1, 20—23; 2, 17). Послѣ втораго посланія къ Тимоѳею Павелъ наконецъ-то имѣлъ первое судебное объясненіе предъ Кесаремъ (4, 16. 17); онъ былъ тогда въ оковахъ, какъ злодѣй (2, 9); только и ждалъ осужденія на смерть, и свое поприще видѣлъ уже заканчивающимся, видѣлъ наконецъ свою борьбу (4, 6—8. 18) рѣшенною. На этотъ же результатъ наводитъ и число собравшихся

[1]) Точно также думаетъ еще *Маркіонъ* (150 г.) въ своемъ канонѣ, расположенномъ въ хронологическомъ порядкѣ и притомъ правильно, за исключеніемъ посланій къ Солунянамъ, которыя должны стоять на первомъ мѣстѣ. Онъ, по свидѣтельству *Епифанія*, (Haer. 42, 9) читалъ 10 принимаемыхъ имъ Павловыхъ посланій въ слѣдующемъ порядкѣ: къ Галатамъ, Коринѳянамъ, Римлянамъ, Солунянамъ, Лаодикійцамъ (Ефесеямъ), Колоссаямъ, Филимону, Филиппійцамъ.

около него его спутниковъ; потому-что въ посл. Кол. (4, 7—14) ихъ упомянуто восьмеро, въ посл. къ Филимону (10. 23. и д.) пятеро, въ посланіи къ Филипписеямъ только двое—Тимоѳей и Епафродитъ (1, 1; 2, 25; сн. впрочемъ 4, 21), а во время написанія втораго посланія къ Тимоѳею Апостола оставили всѣ, кромѣ Луки, частію по его порученію, частію добровольно, и притомъ, какъ кажется, изъ опасенія угрожающихъ смертію опасностей и изъ любви къ спокойствію (4, 9. 10. 16; 1, 15).

1. Посланіе къ *Колоссаямъ*, равно какъ и посланіе къ *Ефесеямъ* (Еф. 6, 21) было переслано (Кол. 4, 7. 8) чрезъ Тихика, вѣрнаго помощника Павлова (см. Дѣян. 20, 5; Тит. 3, 12). Это обстоятельство, поставленное въ связь съ разительнымъ сродствомъ содержанія обоихъ посланій, наводитъ на ту мысль, что они написаны были почти въ одно время. Вѣроятно посланіе къ Колоссаямъ написано раньше, такъ-какъ посланіе къ Ефессеямъ по мѣстамъ развиваетъ тѣ же самыя, какія въ посланіи къ Колоссаямъ, мысли и увѣщанія, только нѣсколько подробнѣе. Церковь въ Колоссѣ—городѣ въ Великой Фригіи, недалеко расположенномъ отъ Лаодикіи и Іераполиса, была основана не самимъ Павломъ, а его учениками, особенно Епафрасомъ, и большинство ея составляли христіане изъ язычниковъ. Поводомъ къ написанію ей посланія были частію радостныя, частію опасныя извѣстія, сообщенныя ему Епафрасомъ (1, 6—8; 4, 12. 13). Именно Мало-Азійской церкви угрожала новая опасность искаженія евангелія, отъ чего онъ еще прежде въ прощальной рѣчи (Дѣян. 20, 29. 30) предостерегалъ Ефесскихъ пресвитеровъ. Грубый фарисейскій іудеизмъ уже былъ опровергнутъ сильно и рѣшительно въ посланіи къ Галатамъ. Но теперь іудейское лжеученіе приняло болѣе утонченный и духовный видъ, и чрезъ обольщеніе стихіями греческой философіи начало превращаться въ гностицизмъ. Многіе образованные іудеи, особенно въ Александріи, стыдились строгаго и жесткаго проявленія своей религіи и прямую наготу ея облекали въ греческія смоковныя листья. Событія священной исторіи они выдавали только за символическій покровъ высшихъ платоническихъ идей, и старались внести ихъ даже въ Ветхій Завѣтъ посредствомъ аллегорическаго толкованія. Такъ произошло то замѣчательное смѣшеніе

іудейства съ язычествомъ, которое мы указали въ Филонѣ и Ѳерапевтахъ [1]). Впрочемъ Колосскіе лжеучители, кажется, не имѣютъ никакой прямой связи съ этимъ эклектизмомъ, но ихъ теорія объясняется проще изъ ессенизма въ связи съ фригійскою національностію, имѣвшею склонность къ мечтательности и иперболамъ. Они въ посланіи къ Колоссаямъ (гл. 2) представляются аскетами, ѳеософами, которые углублялись въ заоблачныя страны міра духовнаго, въ ущербъ высшимъ достостоинствамъ Христа покланялись ангеламъ, хвастали таинственною мудростію, и въ умерщвленіи тѣла искали средства къ безгрѣшной жизни.

Противъ такого іудействующаго гностицизма апостолъ выступилъ съ положительною полемикою, въ которой въ короткихъ, но многознаменательныхъ словахъ развиваетъ ученіе о лицѣ *Іисуса Христа* и Его дѣлѣ *искупленія*. Именно Христосъ представляется возвышающимся надъ всею тварію, центромъ всего духовнаго міра, Виновникомъ сотворенія міра и его сохраненія, истиннымъ вмѣстилищемъ и носителемъ всей полноты божества, Главою Церкви, источникомъ всякой мудрости и знанія; совершенное Имъ искупленіе объемлетъ и небо и землю, освобождаетъ отъ внѣшнихъ установленій, отъ тлѣнныхъ благъ этого міра и вѣрующихъ постепенно ведетъ къ истинному совершенству. За этимъ ученіемъ въ посланіи къ Колоссаямъ слѣдуютъ увѣщанія, извѣстія и привѣтствія.

2. Посланіе къ *Ефессеямъ* не имѣетъ такого прямаго и ясно высказаннаго отношенія къ какому нибудь опредѣленному лжеученію, и къ какому нибудь извѣстному кругу читателей, и за свой общій характеръ считается неподлиннымъ нѣкоторыми новѣйшими критиками, какъ напр. *де Ветте и Бауромъ*. Если припомнить, что Павелъ дѣйствовалъ въ Ефесѣ три года, то, конечно, должно показаться страннымъ, что онъ ни слова не говоритъ своимъ читателямъ объ этомъ житьѣ и не пишетъ поклоны ни отъ себя, ни отъ своихъ спутниковъ, напротивъ въ концѣ посланія обращается въ третьемъ лицѣ ко всѣмъ вообще христіанамъ (6, 24), а по гл. 1, 15 и 3, 2—4 (сн. впроч. подобный родъ чтенія 2 Сол. 3, 11. Фил. 1, 27), кажется знакомъ съ ними не прямо, только по слуху. Такое ра-

[1]) См. Правосл. Собесѣд. Ноябрь 1861 г. Стат. «Приготовленіе міра къ Христіанству стр. 277—285.

зительное явленіе достаточно объясняется тою мыслію, что мы здѣсь имѣемъ предъ собою *окружное* посланіе, которое хотя направлено было къ мало-азійской главной церкви Ефесской, особенно къ тамошнимъ христіанамъ изъ язычниковъ (сн. 2, 11 и д. 19 и д. 3, 1 и д.; 4, 17. 22), но въ тоже время и къ сосѣднимъ, образовавшимся отъ Ефеской, церквамъ, съ которыми Павелъ, особенно послѣ трех-четырехлѣтней разлуки, могъ быть знакомъ лично только отчасти. Въ пользу этого говоритъ и то обстоятельство, что обращеніе: ἐν Ἐφέσῳ (1, 1) въ знаменитомъ кодексѣ Ватиканскомъ «codex Uaticanus» (B) приписано маленькими буквами только на полѣ—на сторонѣ, и притомъ по мнѣнію *Тишендорфа* [1]) *другою* рукою, и его, по свидѣтельству *Василія* Великаго (advers. Evnom. 11, 19) и *Іеронима* (ad Ephes. 1, 1) не было и въ другихъ древнихъ рукописяхъ. Теперь ужъ если это обращеніе на основаніи важныхъ авторитетныхъ свидѣтелей признать за первобытный родъ чтенія, то все-таки выпускъ его во многихъ копіяхъ всего легче объяснить мыслію объ этомъ посланіи какъ объ окружномъ. Наконецъ мы знаемъ, что гностикъ Маркіонъ въ полов. 2-го столѣтія въ своемъ канонѣ посланіе къ Ефессеямъ помѣщаетъ подъ названіемъ посланія къ Лаодикійцамъ: epistola ad Laodicenos (πρὸς Λαοδικέας) [2]). Это вовсе не было какимъ нибудь намѣреннымъ искаженіемъ, на что нельзя представить ни одного основанія; нѣтъ; такое заглавіе еще подтверждаетъ очень вѣроятное, по нашему взгляду, мнѣніе, что упомянутое въ посланіи къ Колоссаямъ (4, 16) посланіе къ Лаодикійцамъ, которое должны были прочитать и Колоссяне, есть одно и то же съ посланіемъ къ Ефессеямъ [3]). Быть можетъ, Лаодикійская была въ округѣ послѣднею по времени Церковію, какъ и въ Апокалипсическихъ окружныхъ посланіяхъ къ Ефесу относит-

[1]) In den „Studien und Kritiken" 1847, стр. 133 и д.

[2]) По свидѣтельству Тертулліана advers. Marc. V, 11 и 17.

[3]) Подъ именемъ ἐπιστολὴ ἡ ἐκ Λαοδικείας (Кол. 4, 16) по ходу рѣчи можно разумѣть посланіе Павлово, назначенное для Лаодикіи. Предлогъ ἐκ указываетъ на Лаодикію не какъ на мѣсто написанія посланія, но какъ на такое мѣсто, откуда можно достать посланіе. *Гарлессъ*, *де-Ветте* и др., правда, подъ этимъ посланіемъ разумѣютъ посланіе, назначенное для Лаодикійцевъ, которое до насъ не дошло. Но въ такомъ случаѣ скорѣе можно было бы ожидать употребленія выраженія τὴν πρὸς Λαοδικεῖς.

ся первое посланіе, а къ Лаодикіи ни теплой, ни холодной— послѣднее.

Содержаніе этого посланія, какъ уже замѣчено, во многомъ сходно съ содержаніемъ посланія къ Колоссаямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ бо́льшую раскрытость въ ученіи; такъ, въ немъ идея о *Церкви* и ея тѣснѣйшемъ общеніи съ лицемъ и дѣломъ Искупителя раскрыта полнѣе и подробнѣе. Догматическій главный предметъ этого окружнаго посланія составляетъ *церковь Іисуса Христа, ея вѣчное жизненное начало*, ея единство не смотря на множество членовъ, ея борьба и побѣда, ея постоянное возрастаніе и славная цѣль ея. Она представлена тѣломъ Іисуса Христа, полнотой всей его Богочеловѣческой славы, чуднымъ духовнымъ зданіемъ, которое опирается на Немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, и въ которомъ собравшіеся и язычники и іудеи составили никогда прежде—невиданное общество мира и любви. Поэтому апостолъ и въ увѣщательной части съ особенною силою внушаетъ сохраненіе единства (4, 1 и д.), и обязанности супруговъ производитъ изъ отношенія Христа къ своей церкви и изъ отношенія ея къ Нему (5, 22 и д.). Такимъ образомъ мы здѣсь имѣемъ посланіе о Церкви, и для Церкви собственно Мало-Азійской, но посредственно и для всѣхъ мѣстъ и временъ. Еще при его отъѣздѣ изъ Ефеса эта мысль занимала его (Дѣян. 20, 28). Тогда онъ заботился вообще о прочности Церковнаго единства въ противодѣйствіе какъ предстоящимъ гоненіямъ совнѣ, такъ и возникающимъ лжеученіямъ извнутри, которыя грозили опасностію подорвать и уничтожить историческое христіанство. Правда, посланіе къ Ефессеямъ нигдѣ такъ прямо, какъ посланіе къ Колоссаямъ, не обличаетъ лжеученій, но оно все-таки въ то же время составляетъ положительное опроверженіе спиритуалистическаго гностицизма, и въ идеальныхъ общихъ чертахъ начертываетъ тотъ путь, по которому Церковь имѣла идти въ слѣдующія за тѣмъ времена, для того, чтобы этому опасному врагу противопоставить непоколебимый оплотъ. Что касается до изложенія, то мысли (идеи) ни въ какомъ другомъ посланіи не текутъ такъ послѣдовательно, и въ такихъ многочленныхъ періодахъ, какъ въ посланіи къ Ефессеямъ. Первая глава имѣетъ, такъ сказать, литургійный псалмопѣвческій характеръ и составляетъ

какъ бы вдохновенную хвалебную пѣснь о чрезмѣрномъ богатствѣ благодати Божіей во Христѣ и о славѣ христіанскаго званія.

3. Небольшое посланіе къ *Филимону*, ревностному христіанину въ Колоссахъ есть одобрительное (рекомендательное) письмо о его рабѣ *Онисимѣ*, который изъ-за какого-то преступленія (по древнему преданію-изъ-за воровства) сбѣжалъ отъ своего господина, но апостоломъ во время его узъ былъ обращенъ къ христіанству и теперь съ раскаяніемъ хотѣлъ вмѣстѣ съ Тихикомъ (Кол. 4, 9) воротиться къ своему господину. Это письмо есть «цвѣтъ христіанскаго мягкосердечія», безцѣнное дополненіе къ характеристикѣ достолюбезной и нѣжной личности апостола, который, среди заботъ о всей Церкви, имѣлъ горячую любовь къ несчастному рабу.

4. Нѣсколько позже упомянутыхъ посланій, быть можетъ по истеченіи двухъ первыхъ лѣтъ узничества въ 63 г., а вѣроятно еще до начала собственно судебнаго слѣдствія (процесса), [1]) написано было посланіе къ Церкви *Филиппійской*, которую основалъ Павелъ первую на Европейскомъ материкѣ, и съ которою былъ въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ (сн. 1, 3—11). Это посланіе было отослано съ Епафродитомъ, принесшимъ ему отъ филиппійцевъ средства къ содержанію (4, 10. 18; 2, 25). За это апостолъ благодарилъ ихъ въ посланіи (4, 10—20), но въ тоже время и сообщилъ имъ о своемъ личномъ положеніи и своей дѣятельности въ Римѣ (1, 12—26), тутъ же присоединилъ увѣщанія къ смиренію и согласію, къ радости въ Господѣ, къ молитвѣ и расположенности ко всякой добродѣтели, а также и предостереженія отъ іудейскихъ лжеучителей, которые свою собственную праведность дѣлами хотѣли поставить на мѣсто правды отъ вѣры (1, 27—4, 9). На концѣ этого посланія изложены привѣтствія и обычное желаніе благодати (4, 21—23). Въ догматическомъ отношеніи особенно важны 5-й и далѣе стихи 2 главы, гдѣ

[1]) Правда, многіе толкователи слово ἀπολογία Фил. 1, 7 относили къ юридическому судебному защищенію (сн. 2 Тим. 4, 16, ἀπολογία μου). Но это слово, очевидно, нужно ставить въ тѣсную связь съ словомъ τοῦ εὐαγγελίου, какъ показываетъ уже и отсутствіе члена при словѣ βεβαιώσει и стихъ 16 указываетъ на евангельскую дѣятельность апостола не столько предъ языческою властію, сколько въ отношеніи въ іудействующимъ лжеучителямъ (сн. 16 и 17 ст).

содержится ученіе о Христѣ. Но въ другихъ отношеніяхъ это посланіе болѣе всѣхъ другихъ посланій Павловыхъ къ церквамъ имѣетъ характеръ письма; оно исполнено личныхъ отношеній, есть изліяніе живыхъ сердечныхъ впечатлѣній и чувствъ, и составляетъ пріятный памятникъ его нѣжнаго, сочувствующаго, и весьма воспріимчиваго къ святой дружбѣ сердца.

---

§ 26. Предположенія о вторыхъ римскихъ узахъ ап. Павла.

Книга Дѣяній Апостольскихъ оканчиваетъ повѣствованіе о дѣятельности Павла (гл. 28, 31) замѣчаніемъ, что онъ, будучи въ узахъ въ Римѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ проповѣдывалъ царствіе Божіе и училъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ «безпрепятственно, съ полною свободою» (μετα πάσης παρρησίας ἀκωλύτος), —но оставляетъ совершенно не рѣшеннымъ вопросъ: былъ ли апостолъ отъ узъ освобожденъ, или нѣтъ. Лука, кажется, этими двумя годами спокойствія воспользовался для написанія, или продолженія своихъ (вѣроятно еще въ Кесаріи начатыхъ) двухъ сочиненій на основаніи частію старинныхъ документовъ, частію собственныхъ наблюденій, и книгу дѣяній Апостольскихъ окончилъ тотчасъ по истеченіи этого времени. Его второе сочиненіе, составляющее непосредственное продолженіе евангелія, имѣющее цѣлію изобразить основаніе Христовой Церкви двумя главными апостолами между іудеями и язычниками (ст. 1, 8), заканчивается изложеніемъ радостной евангельской дѣятельности Павла въ Римѣ,—столицѣ всего тогдашняго міра, въ скоромъ времени сдѣлавшейся центромъ христіанской церкви. Вмѣстѣ съ этимъ исполнилось данное апостолу обѣтованіе (Дѣян. 23, 11; сп. 19, 21; 27, 24) и окончательное торжество евангелія рѣшено.

Но при этомъ возникаетъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ апостола. Изъ преданія несомнѣнно извѣстно и всѣми принято только то, что онъ умеръ смертію мученика въ Римѣ при Неронѣ. Но случилось ли это въ первое, или во второе его узничество въ Римѣ, объ этомъ толкователи Священнаго Писанія и Церковные Историки еще до настоящаго дня разногласятъ между собою [1]). По мнѣнію однихъ Павелъ былъ приго-

[1]) Впрочемъ это разногласіе имѣетъ только научный интересъ, и чуждо всякаго вліянія на вѣроученіе и правоученіе. Между защитниками мнѣнія о второмъ

воренъ къ смерти еще въ 63 или 64 году; а по другому взгляду онъ получилъ себѣ свободу, и за тѣмъ дѣлалъ еще не мало миссіонерныхъ путешествій и умеръ въ 66 или 67 году. Въ послѣднемъ случаѣ освобожденіе нужно полагать *раньше* 64 года. Потому-что въ этотъ годъ произошелъ въ Римѣ большой пожаръ, а вслѣдствіе его поднялось жестокое гоненіе на христіанъ, во время котораго Павелъ, какъ глава ненавистной секты, конечно, менѣе всѣхъ былъ бы пощаженъ. Но что касается дѣятельности Павловой въ промежутокъ отъ перваго до втораго римскаго узничества, то объ этомъ защитники даже послѣдняго мнѣнія опять расходятся между собою. *Бароній* и *Гугъ* напр. *посланія къ пастырямъ* (Тимоѳею и Титу) считаютъ написанными до освобожденія; между тѣмъ какъ *Ушеръ*, *Пэрсонъ*, *Гейденрейхъ*, *Гизелеръ* и *Неандеръ* временемъ написанія перваго посланія Тимоѳею и посланія къ Титу полагаютъ промежутокъ между первыми и вторыми узами, а второе посланіе къ Тимоѳею, по примѣру *Евсевія*, относятъ ко времени втораго заключенія въ узы въ Римѣ. Кромѣ того *Неандеръ* при своемъ обширномъ и глубокомъ взглядѣ на дѣло изъ историческихъ намековъ въ пастырскихъ посланіяхъ Павловыхъ составляетъ себѣ слѣдующую картину той части дѣятельности Павловой, о которой совершенно умолчано въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ [1]). Павелъ послѣ своего освобожденія осуществилъ только-что высказанное имъ въ посланіяхъ къ Филимону и къ Филиппійцамъ намѣреніе посѣтить Малую Азію и Грецію, Тимоѳея оставилъ въ Ефесѣ для завѣдыванія Церковію и наблюдателемъ за прокрадывавшимися уже тогда лжеучителями, принесъ Евангеліе въ Критъ, дальнѣйшее устройство церкви на этомъ островѣ поручилъ своему ученику Титу, за тѣмъ въ свою очередь отправился въ Грецію (Никомидію въ Эпирѣ) и Малую Азію; разстался съ Тимоѳеемъ, и теперь-то исполнилъ свое давнишнее намѣреніе возвѣстить евангеліе въ Испаніи.

римскомъ узничествѣ Павла должно упомянуть особенно слѣдующихъ: *Баронія*, *Тиллемона*, *Ушера*, *Пэрсона*, *Мосгейма*, *Минстера*, *Гуга*, *Вурма*, *Шотта*, *Креднера*, *Гизелера*, *Неандера*, *Конибэра* и *Гаусона*, а изъ держащихся другаго мнѣнія: *Петавія*, *Ларднера*, *Шрадера*, *Гемсена*, *де Ветте*, *Винера*, *Баура*, *Нидпера*, *Визелера*. Послѣдній, по нашему мнѣнію, этотъ вопросъ, со стороны экзегетики и преданія, изслѣдовалъ основательнѣе и глубже всѣхъ (Chronologie des apost. Zeitalters стр. 461 и д. и стр. 521—551).

[1]) Ap. Geschichte 1, стр. 588 и д.

Но здѣсь онъ былъ схваченъ, приведенъ въ Римъ, откуда написалъ второе посланіе къ Тимоѳею, за-тѣмъ умеръ смертію мученика. Но мы здѣсь должны припомнить то, что такое широкое и многомѣстное путешествіе едва ли можно совершить въ продолженіи трехъ, или много—много четырехъ лѣтъ, особенно, если взять во вниманіе, что, какъ намъ извѣстно изъ Дѣяній Апостольскихъ,—у апостола было въ обыкновеніи не только проходить земли, но и жить довольно не мало времени въ большихъ городахъ.

Мы теперь намѣрены разсмотрѣть со всевозможнымъ безпристрастіемъ самыя главныя основанія въ пользу и противъ гипотезы о второмъ римскомъ узничествѣ. При этомъ нужно имѣть въ виду шесть пунктовъ: 1) *свойство процесса Павлова*, 2) *окончаніе книги Дѣяній Апостольскихъ*, 3) *особенные планы Павла*, 4) *время написанія посланій къ пастырямъ*, иначе называемыхъ пастырскими посланіями, а прежде всего 5) *втораго посланія къ Тимоѳею*, 6) *изреченія отеческаго преданія*.

1) Что касается *перваго* пункта, то Павелъ былъ во все не виноватъ и не сдѣлалъ ни какого преступленія, за которое могъ быть приговоренъ къ казни судомъ римскихъ законовъ. Потому-что Римское государство тогда еще не имѣло никакихъ оффиціальныхъ свѣденій о христіанствѣ, какъ христіанствѣ, оно еще не объявило христіанскую Вѣру «религіею недозволенною», запрещенною, religio illicita, и не обращало нималѣйшаго вниманія на домашніе религіозные споры у іудеевъ. Феликсъ, Фестъ и Агриппа были убѣждены въ невинности Апостола; докладъ, съ которымъ онъ отосланъ въ Римъ, безъ сомнѣнія, содержалъ благопріятный для него отзывъ, и къ этому докладу военачальникъ Юлій, оказывавшій ему въ дорогѣ уваженіе и любовь, и обязанный ему спасеніемъ отъ смерти, вѣроятно прибавилъ свой одобрительный отзывъ, основанный на знаніи его характера.

Но съ другой стороны нужно вспомнить то, что іудеи, конечно, всячески старались вставить въ обвинительный пунктъ ихъ собственный споръ и жертву своего фанатизма выставить возмутителемъ общественнаго спокойствія, слѣдовательно политическимъ преступникомъ, какъ и сдѣлалъ опытъ въ этомъ родѣ въ Кесаріи ихъ адвокатъ Тертуллъ. Въ императрицѣ Поп-

пеѣ, вышедшей за мужъ за Нерона въ 62 году, они легко могли найти себѣ поддержку, такъ-какъ она была прозелитка, и довольно не рѣдко съ успѣхомъ заступалась за іудеевъ [1]). Присоедините сюда еще успѣшную дѣятельность ап. Павла въ самомъ Римѣ, вслѣдствіе которой многіе язычники и іудеи отпали отъ своихъ религій, и привлечено было вниманіе и подозрѣніе къ этой новой сектѣ со стороны римскихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ возникшее вскорѣ по истеченіи двухъ лѣтъ (Дѣян. 28, 30) гоненіе на христіанъ предполагаетъ, что они уже были предметомъ общей ненависти и презрѣнія; потому-что иначе молва, провозгласившая ихъ виновниками пожара, не могла бы быть принята такъ легко. Но чтобы Неронъ поступилъ съ ап. Павломъ по справедливости и безпристрастно, то *это* невѣроятно, потому-что онъ еще съ 60 года, а особенно по смерти Бурра (въ 62 г.) началъ управлять государствомъ совершенно произвольно и ужасно жестоко. Впрочемъ положимъ, что Павелъ дѣйствительно былъ освобожденъ отъ обвиненій іудеевъ, изъ этого однакожъ во все не слѣдуетъ того, что онъ оставилъ Римъ, и впослѣдствіи времени въ другой разъ былъ посаженъ въ узы. По обстоятельствамъ римской церкви онъ могъ найти много благовидныхъ причинъ и по освобожденіи своемъ пробыть тамъ еще не мало времени, до тѣхъ поръ пока не разразилось лѣтомъ 64 года Нероново гоненіе на христіанъ, которое и положило конецъ и его жизни и всѣмъ его дальнѣйшимъ планамъ о путешествіи.

2) *Молчаніе книги Дѣяній Апостольскихъ* объ исходѣ Павловой аппеляціи предъ Императоромъ и о кончинѣ Апостола объясняютъ различно: а) знакомствомъ Ѳеофила съ этимъ, б) цѣлію Луки писать продолженіе, с) осторожностію, чтобы упоминаніемъ о Нероновомъ гоненіи на христіанъ не произвести волненія. Но всѣ эти объясненія, какъ легко можно замѣтить, не основательны и не удовлетворительны. Вѣроятно, судьба Павла при окончаніи книги Дѣяній Апостольскихъ еще не была рѣшена, и поэтому тогда нельзя было сказать ни *за*, ни *противъ* освобожденія, если ужъ не допускать мысли, что именно худшее положеніе узника, или взрывъ гоненія на христіанъ помѣшалъ писателю продолжать свое сочиненіе. Но

[1]) Joseph. Archaeol. XX, 8, 11 и его Uita § 3.

если положить написаніе книги Дѣяній Апостольскихъ послѣ смерти Апостола, то оно говоритъ скорѣе противъ втораго узничества, потому-что она ни слова не говоритъ о его планѣ отправиться въ Испанію, задуманномъ имъ въ Коринѳѣ (Рим. 15, 24. 28), но впослѣдствіи, кажется, или совсѣмъ оставленномъ, и, по крайней мѣрѣ, отложенномъ на неопредѣленное время (Филим. 22. Фил. 2, 24),—и вообще довольно ясно означаетъ Римъ самою крайнею и послѣднею цѣлію его дѣятельности (Дѣян. 19, 21; 23, 11; 27, 24; сн. 20, 25. 38).

3. Павелъ самъ въ посланіи къ Филимону (ст. 22) и къ Филиппійцамъ (1, 25; 2, 24) высказываетъ *надежду на освобожденіе*, и на ней основываетъ планъ посѣщеній своихъ греческихъ и малоазійскихъ церквей, даже заказываетъ въ Колоссахъ для себя квартиру. Но изъ этого никакъ нельзя заключать съ несомнѣнностію о дѣйствительномъ освобожденіи. Потому-что онъ питалъ эту надежду не вслѣдствіе высшаго откровенія, какъ было касательно его отправленія въ Римъ, но только по своему собственному соображенію, по очень естественному желанію видѣться съ своими братьями, и снова приняться за дѣла въ пользу Царствія Божія. Но мы никакъ не можемъ приписать апостоламъ непогрѣшимаго предвѣденія о ихъ личной судьбѣ. Мало того, мы находимъ, что настроеніе Павла, по отношенію къ такимъ предметамъ, измѣнялось по обстоятельствамъ. Въ прощальной рѣчи въ Милетѣ онъ разставался съ ефесскими пресвитерами навсегда, [1]) высказывалъ свое давнишнее намѣреніе изъ Рима прямо отправиться въ Испанію (Рим. 15, 24); а при написаніи посланія къ Филиппійцамъ, его надежда на освобожденіе вовсе не была такъ тверда и несомнѣнна, напротивъ ему въ тоже время представлялась возможность скорой-близкой мученической кончины (Фил. 2, 17), и онъ въ душѣ колебался между желаніемъ разрѣшиться и быть со Христомъ, и между желаніемъ еще по дольше послужить братьямъ (1, 20—23). Но въ Римѣ легко могла наступить неблагопріятная перемѣна въ его положеніи! Во время написанія втораго посланія къ Тимоѳею, которое и большая часть защитниковъ втораго узничества считаютъ появившимся еще до

[1]) См. выше § 20.

освобожденія Павлова, онъ былъ не просто только закованъ въ цѣпи (2 Тим 1, 16), но уже какъ злодѣй (2, 8),—и по страху смерти оставленъ многими своими братьями, даже своимъ сотрудникомъ Димасомъ (4, 10. 16—18), и только ожидалъ вѣнца мученическаго (4, 6—8).

4. Болѣе сильное доказательство въ пользу втораго римскаго узничества, кажется, съ перваго раза представляютъ *пастырскія посланія*. Именно: что касается собственно *перваго* посланія къ *Тимоѳею* и посланія къ *Титу*, то трудно отнести ихъ появленіе къ прежней жизни Павла, главнымъ образомъ потому, что книга Дѣяній Апостольскихъ ничего не передаетъ о евангельской дѣятельности Павла на островѣ *Критъ* (нынѣ Кандіи), которая предполагается извѣстною Титу (1, 5). Далѣе, по содержанію, онѣ болѣе подходятъ къ позднѣйшему времени. Такъ апостолъ находящемуся въ Ефесѣ Тимоѳею (1 Тим. 1, 3), и оставленному въ Критѣ Титу (Тит. 1, 5) преподаетъ наставленія касательно устройства Церкви и управленія ею, особенно касательно потребностей и обязанностей служителей церкви, и обличенія гностическихъ лжеучителей, которые изображаются частію уже существующими, частію еще имѣющими появиться въ послѣдствіи. Наконецъ духъ и слогъ Пастырскихъ посланій имѣетъ много такого, что отступаетъ отъ прочихъ посланій Павла, что можно бы объяснить его преклонными лѣтами; эти посланія не такъ увѣщательны, не имѣютъ такой діалектической доказательности и строгой связи, какъ напр. посланія къ Галатамъ и Римлянамъ, но они почти исключительно практическія, коротко изложенныя, и въ переходахъ отрывочны, повсюду въ нихъ пробивается какое-то уныніе, какъ будто бы писавшій ихъ хотѣлъ отъ зноя дневнаго и отъ поприща битвы пріютиться въ странѣ покоя.

Но всѣ эти мысли противъ довольно ранняго написанія нисколько не обязательны, и отчасти опровергаются уже тѣмъ, что древняя Церковь почти вся единогласно, а также многіе защитники изслѣдуемой гипотезы первое посланіе къ Тимоѳею и посланіе къ Титу считаютъ написанными *до* перваго римскаго узничества. Но если бы они были написаны вскорѣ послѣ него, тогда нужно бы было ожидать хоть какого нибудь указанія на это, но его нигдѣ нѣтъ....Затрудненія, если къ нимъ хорошенько приглядѣться, можно разрѣшить довольно удовлетворительно.

а) Молчаніе книги Дѣяній Апостольскихъ о критской дѣятельности Павла—не рѣшительное, потому что она вообще вовсе не имѣетъ въ виду подробно изложить жизнь и дѣятельность св. Павла, она совершенно умалчиваетъ и о многомъ другомъ, какъ напр. о его трехгодичномъ пребываніи въ Аравіи (Гал. 1, 17), его второмъ посѣщеніи Коринѳа (см. выше § 16), о его дѣятельности въ Иллиріи (Рим. 15, 19), и о многихъ его бѣдствіяхъ и непріятностяхъ (2 Кор. 11, 23 и д.). Павелъ изъ большихъ городовъ, какъ Антіохія, Ефесъ, Коринѳъ, гдѣ онъ проживалъ по нѣскольку лѣтъ, очень легко могъ сдѣлать путешествіе въ Критъ, и такъ-какъ онъ, по словамъ посланія къ Римлянамъ (Рим. 15, 19. сн. ст. 23) слѣд. *до* его узничества, *покончилъ* проповѣдь Евангелія между Іерусалимомъ и Иллирикомъ и здѣсь уже не имѣлъ болѣе мѣста, (почему онъ и остановился мыслію на Римѣ и Испаніи); то очень вѣроятно, что тогда же онъ былъ и въ Критѣ, лежащемъ посрединѣ между этими двумя конечными пунктами,—этомъ *величайшемъ* и *знаменитѣйшемъ* островѣ Архипелага, точно также какъ и на Кипрѣ (Дѣян. 13, 4 и д.) [1]). Намъ кажется болѣе всѣхъ основательнымъ то мнѣніе, что путешествіе Павла въ Критъ, равно какъ посланіе къ Титу и первое посланіе къ Тимоѳею относится ко времени его трехгодичнаго пребыванія въ Ефесѣ (Дѣян. 19, 7. 10; сн. 20, 31); [2]) къ этому времени мы отнесли (§ 16) и его второе, также опущенное въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, но упомянутое въ 2 Кор. 12, 13. 14, и 13, 1 путешествіе въ Коринѳъ. Оба эти путешествія очень удобно могли быть въ одно время, равно какъ упомянутое въ посланіи къ Титу (3, 12) предполагавшееся перезимованіе въ Никополѣ,

[1]) *Неандеръ* изъ того обстоятельства, что Лука въ своемъ подробномъ разсказѣ о путешествіи Павла гл. 27, 7 и д. ничего не говоритъ о привѣтствованіи его христіанами, нѣсколько опрометчиво вывелъ заключеніе, будто бы тогда на островѣ Критѣ не было ни одного христіанина (Ap. Gesch. 1, стр. 543). Во первыхъ потому, что Павелъ тамъ не останавливался даже на короткое время, а былъ проѣздомъ, слѣдовательно, христіане не имѣли случая привѣтствовать его, а во вторыхъ потому, что онъ могъ дѣйствовать совершенно въ другой части этого огромнаго острова, который еще у Гомера называется «стогородовымъ» (ἑκατόμπολις) Иліад. 11, 649.

[2]) Извѣстную разницу въ девяти мѣсяцахъ, которая находится въ опредѣленіи времени Лукою и Павломъ, кажется можно бы примирить тѣмъ, что послѣдній включаетъ сюда и свое путешествіе въ Критъ и свое второе путешествіе въ Коринѳъ (2 Кор. 13, 1), изъ котораго онъ опять воротился въ Ефесъ.

подъ которымъ нельзя разумѣть иного, какъ только Никополь, лежащій въ Эпирѣ и принадлежащій къ *Ахаіи* [1]), построенный Августомъ въ память его побѣды надъ Антоніемъ (Νικόπολις = νίκη и πόλις), и скоро пришедшій въ цвѣтущее состояніе. Потому-что уже изъ перваго посланія къ Кориняанамъ, написаннаго въ Ефесѣ около этого времени весною 57 года (§ 16), мы знаемъ, что Павелъ слѣдующую зиму надѣялся провести въ Ахаіи, къ которой, какъ уже только что замѣчено, принадлежалъ и Эпирскій Никополь (1 Кор. 16, 3 — 6; сн. 2 Кор. 10, 15. 16. Дѣян. 19, 21). Этотъ планъ онъ осуществилъ, какъ свидѣтельствуютъ Дѣянія Апостольскія (20, 2. 3); и проходя сухимъ путемъ мимо Македоніи въ Коринѳъ, очень легко могъ зайти въ Никополь. Такая возможность получаетъ видъ достовѣрности, благодаря подробному указанію самаго апостола въ скоро за тѣмъ (въ 58) написанномъ посланіи къ Римлянамъ, что онъ тогда дѣйствовалъ въ пограничной съ Эпиромъ Иллиріи (15, 19), и что въ этихъ-то областяхъ ему уже не было мѣста для проповѣди Евангелія (ст. 23). И Дѣянія Апостольскія не говорятъ того, будто онъ провелъ всю зиму съ 57 на 58 годъ только въ Коринѳѣ, но вообще въ Елладѣ, т. е. въ Ахаіи (Дѣян. 20, 2. 3); и если былъ когда въ Иллиріи, то самый короткій путь велъ его оттуда въ Коринѳъ чрезъ Никополь. Такимъ образомъ, если хорошенько вникнуть въ дѣло-то, все здѣсь превосходно объясняется; между тѣмъ, какъ признавши посланіе къ Титу написаннымъ въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ римскимъ узничествомъ, находишься только на ненадежной почвѣ предположеній и догадокъ. А что первое посланіе къ Тимоѳею написано около этого времени, быть можетъ еще раньше посланія къ Титу, въ пользу этого положительно говоритъ то обстоятельство, что Тимоѳей былъ тогда еще «въ молодыхъ лѣтахъ» (1 Тим. 4, 12; сн. также Тит. 2, 15), и вообще былъ мало знакомъ съ управленіемъ церковными дѣлами, что гораздо менѣе подходитъ ко времени послѣ перваго римскаго узничества, такъ-какъ онъ еще съ 51 года (Дѣян. 16, 1 и д.) присталъ къ ап. Павлу, какъ его сотрудникъ въ проповѣди [2]).

---

[1]) Объ этомъ *Тацитъ* ясно говоритъ: лѣт. 11, 53: apud Achaiae Nicopolim, quo venerat per Illiricam oram etc.

[2]) Правда, Павелъ еще и въ позже написанномъ второмъ посланіи предостере-

b) Нисколько нельзя удивляться существованію служителей Церкви и лжеучителей въ такое раннее время. Потому-что діаконы и пресвитеры были еще гораздо раньше въ первой по времени христіанской церкви въ Іерусалимѣ (Дѣян. 6, 8 и д. 11, 30; 15, 2. 23) и въ Павловыхъ церквахъ (Дѣян. 14, 23; 1 Сол. 5, 12; 1 Кор. 16, 15 и д. Рим. 16, 1), гдѣ упоминается даже діаконисса Фива. Іудейскій гносисъ, совершенно похожій на обличенный въ пастырскихъ посланіяхъ, распространился въ Колоссахъ еще во время перваго римскаго узничества; почему же начатки его не могли выказаться двумя годами раньше въ малоазійской главной церкви, этомъ центрѣ іудейской и языческой магіи и лжефилософіи (сн. Дѣян. 19, 13—19)? Да Павелъ еще въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ посланій (отъ 53 г.) говоритъ, что «тайна беззаконія» (2 Сол. 2, 7), которая стоитъ въ связи съ отпаденіемъ отъ христіанской истины (сн. ст. 11), «уже дѣется», затѣвается,—въ дѣйствіи. Правда, противъ этого даютъ силу прощальной рѣчи Павла въ Мальтѣ (Дѣян. 20, 29. 30), гдѣ онъ предостерегаетъ отъ лжеучителей, которые появятся тотчасъ «*по его отъѣздѣ*». Но строго судя, онъ говоритъ о предстоящемъ *въ ней* возникновеніи лжеучителей между Ефесскими *пресвитерами*, и изъ этого скорѣе можно вывести то, что они уже были *въ церкви* раньше того,—чѣмъ противное. И кто не знаетъ неустойчивости, измѣнчивости, приливовъ и отливовъ въ исторіи ересей и сектъ! Какъ легко лжеучители могли нагло поднять свои головы во время управленія церковію молодымъ и еще мало опытнымъ Тимоѳеемъ?! По возвращеніи Павла, силою Святаго Духа и его личными качествами на долгое время они могли быть обезоружены, но потомъ, по его отходѣ, выступить снова и съ большею опасностію для христіанъ. Къ этому присоедините еще то, что бѣдствіе въ первомъ посланіи къ Тимоѳею (4, 1 и д.; сн. 2 Тим. 2, 17 и д. 3, 1 и д,) представлено такимъ, которое вполнѣ раскроется въ будущности—«въ послѣднія времена».

гаетъ Тимоѳея отъ «*юношескихъ* похотей» (2 Тим. 2, 22), подъ которыми, по связи рѣчи, должно разумѣть особенно страсть къ спорамъ, наклонность къ безполезнымъ умствованіямъ и честолюбіе. Но этимъ искушеніямъ еще весьма легко можетъ подвергаться человѣкъ и пожилыхъ лѣтъ, и онъ-то тѣмъ болѣе долженъ сберегать себя отъ нихъ, что они особенно не приличны ему, и его сану.

c) Наконецъ особенное содержаніе и тонъ разсматриваемыхъ посланій для лицъ вообще вполнѣ убѣжденныхъ въ подлинности ихъ достаточно объясняются частію особеннымъ настроеніемъ Писателя, примѣръ котораго изъ того же времени мы имѣемъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (см. § 18), частію характеромъ тѣхъ, къ которымъ писались эти посланія.

5) Главнымъ источникомъ для рѣшенія предложенныхъ гипотезъ служитъ *второе* посланіе къ *Тимоѳею*, на которое, поэтому, преимущественно ссылаются и новѣйшіе защитники ихъ. Это посланіе, наводящее на мысль о пребываніи получившаго его въ Ефесѣ, или, по крайней мѣрѣ, вблизи этого города (1, 15. 18; 4, 19; чему не противорѣчитъ 4, 12), и приглашеніе его вмѣстѣ съ Маркомъ поскорѣе прибыть въ Римъ къ заключенному въ узахъ Павлу (4, 9. 11. 21), именно содержитъ такіе признаки, которые, повидимому, указываютъ на кратковременное пребываніе Павла въ Малой Азіи и Коринѳѣ, и на несогласное съ описаніемъ Дѣяній Апостольскихъ (27 гл.) путешествіе, равно какъ и на отличное отъ перваго узничества (Дѣян. 28, 30 и д.) положеніе Апостола. Между тѣмъ точнѣйшее изслѣдованіе и истолкованіе приводитъ совершенно къ другому выводу, какъ мы сейчасъ и докажемъ. Мѣста, относящіяся сюда, слѣдующія:

a. Павелъ поручаетъ Тимоѳею принести оставленную въ Троадѣ ѳелонь, т. е. влагалище для книги [1]) вмѣстѣ съ книгами и пергаментными свитками (4, 13). При этомъ очень хорошо можно представлять себѣ упомянутое въ Дѣяніяхъ 20, 6. пребываніе Павлово въ Троадѣ, объяснять ли оставленіе этихъ вещей какою нибудь опредѣленною цѣлію, или свойствомъ его путешествія, такъ-какъ онъ до Асса шелъ пѣшкомъ (ст. 13). Хотя съ тѣхъ поръ прошло, конечно, много лѣтъ, но ничто не мѣшаетъ намъ принять, что онъ до сихъ поръ или не имѣлъ удобнаго случая достать себѣ оттуда книги, или нарочито оставилъ ихъ тамъ Карпу на нѣсколько времени для занятія ими, или, наконецъ, до сихъ поръ не имѣлъ въ нихъ нужды. И такъ-какъ при написаніи 2-го посланія къ Тимоѳею онъ ожидалъ имѣющую скоро наступить мучениче-

[1]) Ѳелонь (φελόνης) можетъ означать мантію, эпанчу, или *чемоданъ*, футляръ, портфель. Послѣднее-то значеніе всего лучше идетъ здѣсь по причинѣ требуемыхъ вмѣстѣ съ ѳелонью книгъ и свитковъ.

скую кончину; то должно дать мѣсто и тому мнѣнію, что онъ объ этихъ документахъ тогда наказалъ только за тѣмъ, что въ судебныхъ изслѣдованіяхъ объ немъ онѣ были важны, какъ свидѣтельство его невинности.

b. Замѣчаніе, что апостолъ «оставилъ Трофима больнымъ въ Милетѣ (Мальтѣ)» и что «Ерастъ остался въ Коринѳѣ» (4, 20), недостаточно подтверждаетъ мысль о незадолго предъ тѣмъ бывшемъ посѣщеніи Павломъ Коринѳа и Мальты, о чемъ не знаетъ книга Дѣяній Апостольскихъ. Потому-что послѣднее замѣчаніе объ Ерастѣ говоритъ только то, что Ерастъ (безъ сомнѣнія казначей Коринѳскій Рим. 16, 23), противъ ожиданія Павлова, не пришелъ въ Римъ, гдѣ онъ, по своему видному положенію, могъ быть полезенъ въ судейскомъ процессѣ св. апостола, какъ *ходатай*, а, быть можетъ, и какъ свидѣтель, когда его обвинители—Іудеи перенесли дѣло на судъ Аннея Галліона (Дѣян. 18, 12—27). А что касается до оставленія больнаго Трофима, то глаголъ ἀπέλιπον, который обыкновенно считаютъ за первое лице единственнаго числа, какъ будто бы Павелъ былъ здѣсь подлежащимъ (субъектомъ), въ граматическомъ смыслѣ можетъ быть и третьимъ лицемъ множественнаго числа и тогда можно перевести такъ: они, т. е. его земляки, азійцы (2 Тим. 1, 15. 16) оставили Трофима въ Милетѣ больнымъ [1]). Если это не удовлетворительно, то можно разумѣть здѣсь дѣйствительно Карійскій Милетъ, а не Критскій, или нужно читать Мальта (ἐν Μελίτῃ) — представлять себѣ переводъ апостола изъ Кесаріи въ Римъ, во время котораго (перевода) онъ дошелъ только до Миръ Ликійскихъ (Дѣян. 27, 5) и тамъ-то пересѣлъ на другой корабль, но Трофима могъ оставить съ опредѣленнымъ порученіемъ и въ надеждѣ, что онъ на первомъ кораблѣ, отправлявшемся въ Адрамитію вблизи Троады и имѣвшемъ плыть вдоль мало-азійскихъ приморскихъ городовъ (27, 20), доплыветъ вплоть до самаго Милета. [2]) Какъ бы то ни было, а апостолъ этою замѣткою

[1]) *Гугъ* въ Einl. N. T. 11, 418 и д. цитуетъ одно мѣсто изъ Лукіана (de morte Peregr. § 13) для того, чтобы показать, съ какою ревностію первенствующіе христіане на общій счетъ, отправляли отъ себя по нѣскольку человѣкъ для утѣшенія какого бы то ни было заключеннаго въ узахъ брата и для защиты его на судѣ.

[2]) Также думаетъ *Визелеръ* стр. 466. Такое затрудненіе всего легче было бы разрѣшить, если бы вмѣстѣ съ Тиршемъ написаніе втораго посланія къ Тимоѳею

едва ли хотѣлъ сообщить Тимоѳею что нибудь новенькаго о Трофимѣ, такъ-какъ Тимоѳей тогда жилъ уже въ самомъ Ефесѣ или близь него, слѣдовательно и вблизи Милета, но онъ хотѣлъ разсказать о своемъ одинокомъ положеніи (2 Тим. 4, 16); и чрезъ то представить побужденіе къ своей просьбѣ о томъ, чтобы хоть Трофимъ-то пришелъ къ нему въ Римъ еще до зимы (ст. 21). Тѣмъ прискорбнѣе было апостолу жить безъ Трофима, что этотъ человѣкъ былъ невиннымъ виновникомъ его узничества въ Іерусалимѣ (Дѣян. 21, 29) и слѣд. могъ бы оказать ему особенно большую услугу какъ свидѣтель противъ того обвиненія, будто онъ осквернилъ храмъ чрезъ введеніе въ него язычника.

c. Во второмъ посланіи къ Тимоѳею 4, 16. 17 Павелъ говоритъ о *своемъ первомъ отвѣтѣ* (πρώτη ἀπολογία), во время котораго его друзья по житейскимъ отношеніямъ, изъ-за страха смерти, оставили его, но Господь поддержалъ его и исхитилъ изъ львиной пасти (ἐκ στόματος λέοντος). Многіе вслѣдъ за *Евсевіемъ* подъ этими словами разумѣютъ освобожденіе изъ перваго римскаго узничества и изъ подъ власти Кесаря Нерона, а слѣдующія за тѣмъ слова: «дабы чрезъ меня сдѣлалось убѣдительнымъ (πληροφορηθῇ) евангеліе, и услышали всѣ язычники» относятъ къ дѣятельности освобожденнаго апостола между другими западными народами, которыхъ онъ прежде того еще не посѣщалъ. Умолчимъ о томъ, что ἀπολογία не αἰχμαλωσία, и πρώτη—не προτέρα. Противъ вышеприведеннаго толкованія говоритъ еще то обстоятельство, что ап. Павелъ Тимоѳею хочетъ сообщить что-то новинькое; но освобожденіе отъ перваго узничества Тимоѳею не могло быть неизвѣстнымъ. Отъ того теперь почти всѣ толкователи первое защищеніе относятъ къ тому узничеству, въ которомъ Павелъ находился во время написанія, и проповѣдью предъ всѣми народами считаютъ публичную *судебную защитительную рѣчь* апостола узника, такъ-какъ изслѣдованія и допросы по уголовнымъ преступленіямъ у Римлянъ производились публично, а въ Римъ стекались всѣ народы. Объясненіе слова «левъ» не рѣшительно ни въ пользу того, ни въ пользу другаго мнѣнія; все-таки

отнести ко времени узничества въ Кесаріи, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ посѣщенія Павломъ Милета (Дѣян. 20, 15); но противъ этого, по нашему взгляду, говорятъ весьма много доказательствъ.

подъ нимъ намъ, по всей вѣроятности, нужно разумѣть не Нерона, но или смертельную опасность или обвинителя Павлова—Намѣстника Синедріона. [1]) Кромѣ того во 2 посл. къ Тимоѳею нѣтъ ни какого намека на прежнее римское узничество; ни слова не сказапо о немъ въ 3 гл. 11 ст., гдѣ слѣдовало бы ожидать того, потому-что онъ здѣсь перечисляетъ свои бѣдствія и гоненія.

Такимъ образомъ, если въ этомъ посланіи рѣшительно нѣтъ никакого основанія для мысли о второмъ римскомъ узничествѣ, за то оно вообще гораздо скорѣе говоритъ противъ нея. Потому-что въ сущности-то оно предполагаетъ тоже положеніе апостола, какое изображаютъ и посланія изъ перваго узничества. Апостолъ и теперь имѣлъ при себѣ частію тѣхъ же товарищей какъ напр. Луку (4, 10. сн. Кол. 4, 14. Филим. 24), частію отослалъ за нѣсколько времени раньше, какъ напр. Тихика (ст. 12; сн. Еф. 6, 21. Кол. 4, 7.); частію звалъ къ себѣ, какъ напр. Тимоѳея (ст. 9. 11); былъ связанъ одною цѣпью (1, 16); онъ могъ принимать посѣтителей и писать письма. Но чтобы тѣже обстоятельства повторились и во время втораго узничества, и чтобы апостолу и послѣ Неронова гоненія на христіанъ предоставлены были свиданія и сношенія съ друзьями и *второе* защищеніе (на которое указываетъ правильно понимаемое слово πρώτῃ (2 Тим. 4, 16),—это, конечно, весьма не вѣроятно. Поэтому-то даже многіе защитники втораго узничества, какъ *Бароній* и *Гугъ*, появленіе втораго посланія къ Тимоѳею относили къ времени первыхъ узъ; только они ошибаются, когда относятъ его къ раннимъ временамъ [2]). Пото-

---

[1]) Единственное число здѣсь, вѣроятно, поставлено потому, что по римскому праву всегда долженъ былъ быть только одинъ истецъ. *Визелеръ* стр. 476 цитуетъ одно мѣсто изъ *Іосифа* Antiq. XVIII, 6, 10, гдѣ слово λέων левъ употребляется въ такомъ же смыслѣ. Можно сопоставить также и выраженіе ἐθηριομάχησα (1 Кор. 15, 32), гдѣ подъ дикими звѣрями (бестіями *bestia* θήρ) нужно разумѣть, вѣроятно, яростныхъ враговъ Павловыхъ.

[2]) Въ этомъ пунктѣ согласны съ ними *Петавій*, *Ляйтфутъ*, *Шрадеръ*, *Маттіесъ* и др. Единственное доказательство въ пользу этого мнѣнія то, что Тимоѳей еще не былъ въ Римѣ, между тѣмъ какъ мы видимъ его при Павлѣ во время написанія посланій къ Колоссаямъ (1, 1), Филимону (ст. 1) и къ Филиппійцамъ (2, 19). Hug's Einl. 11, стр. 415 и 451). Но это должно объяснять дву-кратнымъ посѣщеніемъ Рима Тимоѳеемъ, потому-что въ другихъ отношеніяхъ всѣ признаки говорятъ въ пользу ранняго составленія только что упомянутыхъ посланій (сн. § 15). Во время написанія посланія къ Филиппійцамъ обѣщалъ въ возможной скоро-

му-что всѣ обстоятельства, особенно отлучка большей части его спутниковъ, одинокое положеніе (4, 9. 10. 16) [1]), далеко зашедшій процессъ апостола (4, 16. 17), его ожиданіе близкой мученической кончины (4, 7. 8. 18) и отпаденіе Димаса (4, 10. см. съ Кол. 4, 14) говорятъ въ пользу того, что второе посланіе къ Тимоѳею было написано послѣ въ концѣ жизни и притомъ по истеченіи двухъ лѣтъ, которыми заканчиваютъ Дѣянія Апостольскія, когда уже былъ первый допросъ Павла, о которомъ Лука не говоритъ ни слова, и когда его положеніе,—въ сущности—то одно и то же,—но по отношенію къ вѣроятному исходу сдѣлалось значительно хуже. Самый ранній предѣлъ для написанія его есть весна 63 года, а самымъ позднимъ служитъ пожаръ въ Римѣ въ Іюлѣ 64 года, вслѣдствіе котораго разразилось гоненіе на Христіанъ; и такъ какъ Павелъ приглашалъ Тимоѳея поскорѣе (4, 9) и притомъ еще до зимы (ст. 21) придти къ нему, то послѣдній лѣтній мѣсяцъ 63 года нужно считать приблизительнымъ, самымъ вѣроятнымъ временемъ написанія этого посланія.

Такимъ образомъ въ самомъ Новомъ Завѣтѣ мы не находимъ собственно никакого доказательства въ пользу разсматриваемаго предположенія. Теперь спрашивается, нельзя ли предположеніе о второмъ узничествѣ доказать позднѣйшими свидѣтельствами? Многіе защитники этого предположенія, какъ напр.

сти отправить въ Филиппы Тимоѳея (Фил. 2, 19—24), а оттуда недалеко было до Ефеса, откуда апостолъ впослѣдствіи звалъ его къ себѣ. Марка еще раньше онъ отправилъ въ Колоссы, слѣдовательно въ тѣ же страны (Кол. 4, 10). Привѣтствіе, какое онъ дѣлаетъ Тимоѳею отъ лица нѣкоторыхъ римскихъ христіанъ (2 Тим. 4, 21), также дѣлаетъ вѣроятнымъ прежде сдѣланное Тимоѳеемъ посѣщеніе Рима. Гугову выводу противорѣчитъ гораздо болѣе вѣрный выводъ изъ отсутствія Аристарха (2 Тим. 4, 11), такъ-какъ онъ пришелъ въ Римъ вмѣстѣ съ Павломъ (Дѣян. 27, 2, и въ Кол. 4, 10. Филим. 24), упоминается въ числѣ его сотрудниковъ, слѣдовательно онъ могъ отлучиться лишь послѣ написанія двухъ только-что упомянутыхъ посланій.

[1]) Такое одинокое положеніе апостола безъ сомнѣнія нѣсколько загадочно, если припомнить, что въ Римѣ онъ привѣтствуетъ очень многихъ друзей, число которыхъ вѣроятно увеличилось вслѣдствіе его личной дѣятельности, и что, по Тациту, при Неронѣ было избито огромное число (ingens multitudo) Христіанъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается очень осязательное доказательство въ пользу той мысли, что второе посланіе къ Тимоѳею написано было во время узничества въ Кесаріи, а это конечно при помощи другихъ основаній крайне невѣроятно. И выраженіе: πάντες με ἐγκατέλιπον ст. 16 «всѣ меня оставили» нужно ограничить и оно имѣетъ въ виду свидѣтелей во время судебныхъ изслѣдованій.

Бароній, Гугъ, отказавшись отъ экзегетическихъ доказательствъ, подтверждаютъ его авторитетомъ нѣкоторыхъ отцевъ Церкви. Это приводитъ насъ къ шестому и послѣднему пункту.

6. Изъ *свидѣтельствъ преданія* сюда собственно относящихся можно привести только два, одно —*Климента Римскаго*, а другое *Евсевіево*, потому что другіе-то отцы Церкви въ этомъ пунктѣ въ полной зависимости отъ Евсевія.

а) *Климентъ Римскій*, молодой современникъ, и, вѣроятно, даже ученикъ Павла (Филипп. 4, 3), слѣдовательно особенно важный свидѣтель, въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ гл. 5 разсказываетъ о Павлѣ, что онъ (какъ *вообще* толкуютъ слова Климента) семь разъ носилъ оковы, проповѣдывалъ Евангеліе на Востокѣ и Западѣ, научилъ весь міръ правдѣ, прошелъ *до предѣловъ Запада и умеръ мученическою смертію при правителяхъ* [1]). Если бы *Климентъ* прямо сказалъ, что Павелъ былъ въ Испаніи, тогда дѣло скоро бы рѣшилось, тогда мы имѣли бы несомнѣнное свидѣтельство на то, что онъ былъ освобожденъ изъ первыхъ узъ въ Римѣ, потому что прежде этого времени, по изложеннымъ обстоятельствамъ, онъ не могъ быть въ Испаніи, но вздумалъ отправиться туда уже изъ Рима (Римл. 15, 24. 28). Но дѣло—то не такъ просто. Все зависитъ отъ объясненія выраженій τέρμα τῆς δύσεως и μαρτυρήσας ἐπὶ τῶν ἡγουμένων. Начнемъ съ послѣдняго выраженія. Защитники втораго римскаго узничества глаголъ μαρτυρεῖν понимаютъ въ употреблявшемся впервые у позднѣйшихъ пи-

[1]) Мы здѣсь предлагаемъ самый греческій подлинникъ, такъ-какъ переводъ и объясненіе его неодинаково: Διὰ ζῆλον (ὁ) Παῦλος ὑπομονῆς βραβεῖον (ἐπέσχ)εν, ἑπτάκις δεσμὰ φορέσας, (παι) δευθεὶς, λιθασθείς. Κῆρυξ γ(ενό)μενος ἔν τε τῇ ἀνατολῇ καὶ ἐν (τῇ) δύσει, τὸν γενναῖον τῆς πίστεως αὐτοῦ κλέος ἔλαβεν δικαιοσύνην διδάξας ὅλον τὸν κόσμον κ(αὶ ἐπὶ) τὸ τέρμα τῆς δύσεως ἐλθὼν καὶ μαρτυρήσας ἐπὶ τῶν ἡγουμένων, οὕτως ἀπηλλάγη τοῦ κόσμου καὶ εἰς τὸν ἅγιον τόπον ἐπορεύθη, ὑπομονῆς γενόμενος μέγιστος ὑπογραμμός. Написанное въ скобкахъ дополнено издателемъ этаго въ древности очень важнаго посланія библіотекаремъ *Патриціемъ Юніемъ*. слѣд. нельзя это ставить наровнѣ съ первобытнымъ оригинальнымъ текстомъ. Въ находящемся въ Британскомъ музеумѣ Александрійскомъ кодексѣ (codex Alexandrinus), въ которомъ только и содержится посланіе Климента, и изъ котораго Юній въ 1663 г. въ первый разъ отпечаталъ его въ Оксфордѣ, много письменныхъ знаковъ сгладилось, и такимъ образомъ произошли въ текстѣ *пропуски*, которые можно восполнить только посредствомъ догадокъ (см. объ этомъ *Гефеле*, Patrum Apostolicorum opera, prolegg. p. XXV sqq. ed. 3).

сателей смыслѣ: «умереть мученическою смертію» и слово ἡγούμενοι прилагаютъ (вмѣстѣ съ Пэрсономъ) или къ Геліусу и Поликлету, которые управляли въ Римѣ за отлучкою Нерона въ Грецію съ 66 до 67 г. слѣд. послѣ перваго узничества Павлова, или (вмѣстѣ съ Гугомъ) къ префектамъ Тигеллину и Нимфидію Сабину. Но, (умолчимъ о нѣкоторыхъ историческихъ затрудненіяхъ), предлогъ ἐπὶ здѣсь едва ли указываетъ на время: *«во время правителей»* (sub praefectis, какъ переводитъ Гефеле); здѣсь лучше онъ значитъ «въ присутствіи,» предъ лицемъ, въ глаза: coram principibus. А тогда и глаголъ μαρτυρήσας нужно принимать въ его обыкновенномъ значеніи, въ смыслѣ публичнаго свободнаго исповѣданія вѣры или вообще объясненія, какое Павелъ предложилъ предъ Кесаревымъ судомъ (сн. 2 Тим. 4, 16. 17. Дѣян. 23 ст. 11), [1]). Понятіе же о смерти *Климентъ* выражаетъ далѣе словами ἀπηλλάγη τοῦ κόσμου καὶ εἰς τὸν ἅγιον τόπον ἐπορεύθη «перешелъ изъ здѣшняго міра и отошелъ въ святое мѣсто.» Такимъ образомъ все доказательство держится только на многозначительномъ выраженіи τέρμα τῆς δύσεως. *Пэрсонъ*, *Гугъ*, *Неандеръ* и *Ольсгаузенъ* полагаютъ, что подъ этими словами всего естественнѣе разумѣть *Испанію*, такъ какъ Климентъ писалъ изъ Рима, слѣдовательно Италія для него была не границею, но скорѣе началомъ Запада (а вѣдь каждому извѣстно, что слово граница можетъ означать какъ начало, такъ и конецъ: это зависитъ отъ взгляда пишущаго). Англійскіе Богословы въ интересахъ своей Церкви подъ этими словами разумѣютъ еще болѣе отдаленную отъ Рима Британію [2]). Но не говоря о томъ, что слово τέρμα, если оно должно имѣть значеніе мѣстности, допускаетъ и *субъективное* пониманіе и, по всей вѣроятности, можетъ означать только то, что *для Павла* было границею его апостольской дѣятельности, или то, что *Коринѳянамъ*, къ которымъ Климентъ писалъ, казалось границею Запада. Все это мѣсто очевидно имѣетъ

---

[1]) Такъ объясняетъ и д. *Неандеръ* 1,529. Anm. 1 упомянутое изъ Климента мѣсто («онъ далъ исповѣданіе о своей вѣрѣ предъ языческою властію»), и считаетъ не случайнымъ явленіемъ то, что Климентъ словами ἐπὶ τῶν ἡγουμ, хотѣлъ сообщить болѣе опредѣленныя свѣденія касательно времени событія и указать на тѣ лица, которымъ тогда было поручено въ Римѣ верховное завѣдываніе дѣлами Имперіи.

[2]) Такъ *Ушеръ* (*Usher* Brit. Eccl. Antiq. c. 1) и Стиллингфлитъ Stillingfleet (Orig. Brit c. 1.)

въ себѣ столько риторическихъ и панегирическихъ прикрасъ, что на немъ одномъ никакъ нельзя основывать такое важное предположеніе. Климентъ говоритъ еще, будто Павелъ *семь* разъ носилъ узы; (при этомъ конечно никому и въ голову не приходитъ мысль о седьмикратномъ его узничествѣ)—и будто бы онъ научилъ *всю вселенную правдѣ*, что тоже нужно считать за преувеличеніе (иперболу). Павелъ для означенія быстраго распространенія Евангелія по всему Римскому государству употребляетъ точно такія же выраженія, и притомъ въ такое время, когда онъ еще не былъ въ *Испаніи* (Кол. 1, 6. 23. 2 Тим. 4, 17 и еще Рим. 10, 18, гдѣ онъ слова 18 псалма примѣняетъ къ вѣстникамъ Евангелія: «по всей землѣ разнесся голосъ ихъ, и до *предѣловъ вселенной* слова ихъ» (εἰς τὰ πέρατα τῆς οἰκουμένης)». Точно также въ Дѣян. 1, 8 см. 13, 17 сказано, что апостолы должны быть свидѣтелями Іисуса до края земли (ἕως ἐσχάτου τῆς γῆς), и однако Лука, тоже писавшій въ Римѣ, свой разсказъ объ основаніи Церкви заканчиваетъ проповѣдію Павла въ *Римѣ*, чѣмъ, конечно, въ тоже время уже упрочено торжество Христіанства на остальномъ Западѣ. Тотъ же Лука разсказываетъ (Дѣян. 2, 5), что на праздникѣ Пятдесятницы были въ Іерусалимѣ Іудеи «изъ всякаго живущаго подъ небесами народа,» и вслѣдъ за тѣмъ (ст. 10), при перечисленіи ихъ, *о Римлянахъ* упоминаетъ какъ о самомъ западномъ народѣ въ доказательство того, что по тогдашнему словоупотребленію Римъ въ иперболической рѣчи дѣйствительно очень хорошо могъ считаться границею Запада.

Но спрашивается, нельзя ли слово τέρμα, употребленное Климентомъ, понимать не въ значеніи *мѣста*? Если припомнить, что ни одинъ отецъ Церкви не ссылался на него, какъ на свидѣтельство въ пользу посѣщенія Павломъ Испаніи, и что предлогъ ἐπί, который сперва далъ поводъ къ географическому изъясненію, есть собственно догадка издателя Іюнія, такъ какъ въ оригиналѣ по Алекс. кодексу cod. Alex. здѣсь пробѣлъ (см. представ. примѣчаніе): то весьма недавно предложенное *Визелеромъ* объясненіе заслуживаетъ полнаго вниманія. По мнѣнію Визелера, вмѣсто предлога ἐπὶ лучше читать ὑπὸ, а слово τέρμα нужно принять въ значеніи «самой верховной власти, верховнаго суда» [1]). Поэтому спорное мѣсто мы перево-

[1]) Извѣстны выраженія: θεοὶ ἁπάντων τέρμ' ἔχοντες Боги имѣющіе верховную

димъ такъ: «возвѣстивши Евангеліе на Востокѣ и Западѣ, Павелъ достигъ высокой славы за свою вѣру; научивши весь міръ правдѣ и явившись *предъ верховною властію Запада* и предложивши предъ правительствомъ свидѣтельство о Христѣ, онъ оставилъ этотъ міръ и переселился въ святое мѣсто, оставивши по себѣ высочайшій образецъ терпѣнія.» Только при этомъ переводѣ можно уяснить слова Климента, и только чрезъ это избѣгаешь тожесловія, въ которомъ его по другому переводу можно бы было обвинить, такъ какъ обширность проповѣдническаго поприща Павлова онъ уже достаточно изобразилъ высказаннымъ раньше названіемъ Павла: «проповѣдникомъ и учителемъ всего свѣта».

b) Къ разсматриваемому вопросу относится: а) отрывокъ Коринѳскаго епископа *Діонисія* (ок. 170 г.), сохранившійся у Евсевія (11, 25). Въ немъ говорится, будто св. апостолы Петръ и Павелъ съобща основали Коринѳскую церковь, (что во всякомъ случаѣ невѣрно касательно перваго-то) [1]) и разсказывается объ ихъ одновременной мученической кончинѣ, но не единовременномъ путешествіи обоихъ Апостоловъ изъ Коринѳа въ Италію, которое, конечно, могло бы быть только послѣ перваго узничества [2]). Точно также сюдаже относится б) написанный около 170 г., изданный *Муратори* отрывокъ о *Канонѣ*, который, правда, первый ясно упоминаетъ о путешествіи Павла въ Испанію («profectio Pavli ab urbe ad *Spaniam* proficiscentis»), но въ такомъ поврежденномъ и темномъ мѣстѣ, что изъ него нельзя вывести больше ничего, какъ только то, что въ то время была сказка объ этомъ путешествіи, которую не можетъ подтвердить и доказать единственная Павлова церковь ecclesia Pavlina въ той землѣ, и которая, какъ допускаетъ и *Неандеръ*, очень легко можетъ быть объяснена поспѣшнымъ, опрометчивымъ заключеніемъ отъ намѣренія Апостолова (Рим. 15, 24 и д.) къ его исполненію.

c) Ясно и рѣшительно впервые свидѣтельствуетъ объ осво-

власть надъ всѣмъ», или «всѣмъ распоряжающіеся», τέρμα σωτηρίας ἔχειν, имѣть власть подавать спасеніе, τέρμα Κορίνθου ἔχειν, имѣть кормило правленія надъ Коринѳомъ. Ср. указанія въ лексиконахъ.

[1]) Критическій разборъ отрывка Діонисія Коринѳскаго представленъ въ статьѣ «Св. Ап. Петръ въ Римѣ»,—помѣщенной въ № 26 Дух. Бесѣды за 1861 годъ.

[2]) Чит. подробнѣе у *Визелера* стр. 534 и д.

-божденіи ап. Павла изъ первыхъ узъ и о постигшемъ его во второй разъ римскомъ узничествѣ *Евсевій* († 340) во второй книгѣ своей церковной исторіи (гл. 22). Но сила его свидѣтельства значительно ослабляется тѣмъ, что онъ основываетъ его не на историческихъ извѣстіяхъ—онъ говоритъ объ этомъ неопредѣленно: «λόγος ἔχει», но на своемъ собственномъ выше уже нами разсмотрѣнномъ изъясненіи 16-го и 17-го стих. 4 гл. 2-го посланія къ Тимоѳею, которое большею частію даже самыхъ новѣйшихъ защитниковъ втораго узничества признано ложнымъ. Къ тому же вся хронологическая система Евсевія требовала принятія этого предположенія, какъ поддержки, потому что онъ первое узничество Павлово относитъ къ веснѣ 55 года, что во всякомъ случаѣ вполнѣ несправедливо, а его кончину полагаетъ на 13 году царствованія Неронова т. е. къ 67 году, слѣдовательно, не допустивши освобожденія Апостола, пришлось бы принять двѣнадцатилѣтній военный надзоръ за ап. Павломъ.

§ 27. Мученическая кончина ап. Павла и Нероново гоненіе на христіанъ (64 г.).

Собственно о судебномъ процессѣ Павла мы ничего не знаемъ кромѣ того, что извѣстно намъ объ общемъ ходѣ римскаго судопроизводства и что сообщаютъ кое-какіе намеки во второмъ посланіи къ Тимоѳею. Но что, по свидѣтельству Дѣян. 28, 30. 31 прошло, по крайней мѣрѣ, два года до того времени, когда его дѣло не было еще близко къ концу, это насъ не должно удивлять, если вспомнимъ во первыхъ то, что это дѣло по своей связи съ религіознымъ спорнымъ вопросомъ было очень запутанно; во вторыхъ то, что обвиненный сидѣлъ въ узахъ тоже два года въ Кесаріи, безъ всякаго суда и слѣдствія; далѣе то, что деспоты—Кесари, къ какимъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, послѣ пятилѣтняго своего управленія отъ 54—59 (quinquennium) принадлежалъ Неронъ, нерѣдко нарочно замедляли ходъ судебныхъ изслѣдованій; наконецъ еще и то, что іудеи желали, не безъ благовидной для нихъ причины, затянуть дѣло съ одной стороны для того, чтобы напередъ пріобрѣсть себѣ покровителей при Дворцѣ, а съ другой для того, чтобы чрезъ неизвѣстность исхода дѣла сдѣлать Апосто-

ла безвреднымъ и безопаснымъ для самихъ себя, по крайней мѣрѣ — сколько возможно дольше. Въ такихъ случаяхъ, какъ предложенный, когда свидѣтелей, которые по обыкновенію должны были явиться на очную ставку (Дѣян. 24, 19), нужно было вызывать изъ дальнихъ странъ, значительная проволочка времени была благопріятна истцу. Собственно сущность-то процесса состояла изъ нѣсколькихъ рѣчей истца, обвинителя и его собщниковъ, изъ защитительныхъ рѣчей (ἀπολογίαι) обвиняемаго и его друзей, изъ доноса свидѣтелей и разбора другихъ доказательствъ. Затѣмъ слѣдовало рѣшеніе судьи, который въ случаѣ ясныхъ доказательствъ виновности или невинности или произносилъ приговоръ или освобождалъ, но въ сомнительныхъ случаяхъ откладывалъ дѣло, т. е. произносилъ извѣстное слово: «non liquet—неясно, сомнительно», и тогда по истеченіи уже назначеннаго срока нужно повторить, уяснить и дополнить прежде предложенныя изслѣдованія во второмъ засѣданіи (actio secunda), до тѣхъ поръ пока можно будетъ добиться опредѣленнаго приговора. Изъ 15 стих. 4 гл. 2 пос. къ Тимоѳею по правильному объясненію выходитъ, что и у Павла была такая же отсрочка, проволочка дѣла и въ Римѣ, подобно какъ нѣкогда раньше того въ Кесаріи (Дѣян. 24, 22). Во время перваго отвѣта, хотя его друзья, изъ опасенія за свою жизнь, оставили его,— подкрѣпленный Господомъ онъ безстрашно засвидѣтельствовалъ о своей вѣрѣ предъ верховнымъ языческимъ судомъ. Впрочемъ, хоть въ этотъ разъ еще не былъ произнесенъ надъ нимъ приговоръ, все-таки его положеніе стало нѣсколько хуже. Былъ ли въ другой разъ ему допросъ, котораго онъ ожидалъ (2 Тим. 4, 16. 18) или скоро за тѣмъ вспыхнувшее гоненіе на христіанъ насильно прервало ходъ законныхъ изслѣдованій, это неизвѣстно.

Второе посланіе къ Тимоѳею, которое во всякомъ случаѣ оказывается послѣднимъ письмомъ великаго апостола язычниковъ, даетъ намъ возможность бросить по крайней мѣрѣ хоть какой нибудь взглядъ на душевное состояніе его не задолго предъ его мученическою кончиною. Почти тридцать лѣтъ служилъ онъ своему небесному Господу и Учителю съ безпримѣрною вѣрностію и самопожертвованіемъ; безчисленныя опасности и борьбы, гоненія на сушѣ и на морѣ, въ городахъ и пустынѣ, среди іудеевъ и язычниковъ и отъ ложныхъ

братьевъ онъ переносилъ съ такимъ мужествомъ, которое возможно только при высшей помощи, и сильнѣе остроумныхъ разсудочныхъ доказательствъ свидѣтельствуетъ о божественности Христовой вѣры: и вотъ теперь-то на краю своего подвижническаго поприща онъ оставляетъ еще одинъ прекрасный памятникъ своей отеческой любви къ ученику Тимоѳею, своей неутомимой заботливости о Церкви и о сохраненіи въ чистотѣ спасительнаго ученія,—памятникъ своего высокаго душевнаго спокойствія, непоколебимой вѣры во Всемогущаго и Вѣрнаго Бога и въ окончательное торжество Его Евангелія надъ всѣми врагами. Онъ не могъ лучше и достойнѣе закончить и оставить поприще борьбы, какъ произнеся слѣдующія слова (2 Тим. 4, 7. 8): «я подвизался подвигомъ добрымъ, поприще кончилъ, вѣру соблюлъ. А теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія въ тотъ день; да и не мнѣ одному, но и всѣмъ возлюбившимъ Его явленіе.»

Павлу, какъ Римскому гражданину, по преданію отсѣкли голову [1]) или не задолго *до* или *во время Неронова гоненія на Христіанъ*, которое началось съ яростію въ 64 году по Р. Христовѣ [2]).

---

[1]) По дорогѣ въ Остію за городомъ вблизи теперешней Церкви святаго Павла. Такъ разсказываетъ Римскій Пресвитеръ *Кай*, жившій въ концѣ втораго столѣтія у *Евсевія* Цер. Ист. 11, 25 (ἐπὶ τὴν ὁδὸν τὴν Ὠστίαν). Объ отсѣченіи головы въ первый разъ говоритъ *Тертулліанъ* de praescript. haer. c. 36. Habes Romam... ubi Paulus Iohannis (Крестителя) exitu coronatur. За нимъ *Евсевій* Ц. И. 11, 25: Παῦλος δὴ οὖν ἐπ' αὐτῆς Ῥώμης τὴν κεφαλὴν ἀποτμηθῆναι... ἱστορεῖται, см. III, 1. *Іеронимъ* de script. eccl. c. 5 говоритъ о Павлѣ: Decimo quarto Neronis anno eodem die, quo Petrus, Romae pro Christo capite truncatus sepultusque est in via Ostiensi.

[2]) *Визелеръ* стр. 351 убіеніе Павла полагаетъ въ началѣ 64-го года, а распятіе Петра во время Неронова гоненія на Христіанъ, слѣд. нѣсколькими мѣсяцами позже. Преданіе *кончину обоихъ апостоловъ* полагаетъ во время Неронова гоненія, и одни свидѣтели, какъ *Іеронимъ* и *Геласій* думаютъ, что она была въ одинъ день, а другіе, какъ напр. *Араторъ*, *Кедринъ*, *Августинъ*, въ промежутокъ между кончиною того и другаго ставятъ годъ или нѣсколько меньше. Въ пользу мученической кончины Павла раньше гоненія, кажется, говоритъ частію довольно легкій родъ смерти, частію самая мѣстность казни. Потому что во время самаго гоненія право римскаго гражданства, принадлежавшее апостолу, едва ли было бы уважено, а театромъ-мѣстомъ гоненій была не дорога въ Остію, а Ватиканъ по ту сторону Тибра, гдѣ были расположены Нероновы сады и циркъ (см. Тацита лѣтописи XIV, 14, и *Бунсена* описаніе города Рима *Bunsen* Beschreibung der Stadt Rom. 11, 1. стр. 13 и дал.)

Самымъ ближайшимъ внѣшнимъ поводомъ къ этому *первому*[1]) *императорскому* гоненію *на христіанъ* былъ страшный пожаръ 19 Іюля (XIV Calend. Sext.) 64 года, продолжавшійся шестеро сутокъ, и изъ четырнадцати частей, на которые тогда былъ раздѣленъ Римъ, истребившій три цѣликомъ и семь на половину. Языческіе писатели всѣ единогласно виновникомъ этого пожара считаютъ самаго *Нерона*, который, хотя въ первые пять лѣтъ (54—59) правилъ государствомъ благоразумно подъ руководствомъ *Сенеки* и *Бурра*, но послѣ этого предался безмѣрному произволу и безчеловѣчной, неимовѣрной жестовости, такъ что его должно причислить къ самымъ чудовищнымъ изъ всѣхъ деспотовъ. Во время пожара самаго большаго изъ всѣхъ, какіе только знаетъ исторія, онъ находился въ Анціумѣ (Antium) не вдалекѣ отъ города, и въ своемъ любимомъ театральномъ платьѣ распѣвалъ о разрушеніи Трои, и лишь тогда поторопился въ городъ, когда яростная стихія приближалась къ его собственному дворцу. Для того, чтобы подавить возникшее во всѣхъ подозрѣніе на него въ поджогѣ, и въ тоже время доставить новую пищу своей нечеловѣческой жестокости, онъ взвелъ вину въ томъ на ненавистныхъ христіанъ, которыхъ между тѣмъ, особенно со времени публичнаго процесса о Павлѣ и его успѣшной дѣятельности въ Римѣ, научились отличать какъ «какой то третій родъ» (genus tertium), и о которыхъ не только грубая толпа, но даже весьма серьезные и образованные язычники, какъ показываетъ примѣръ Тацита, наклонны были думать весьма низко. При такомъ подозрѣніи и неосновательномъ обвиненіи въ ненависти къ людямъ и въ другихъ неестественныхъ преступленіяхъ, Неронъ приказалъ умертвить огромное число (ingens multitudo) Христіанъ самымъ жестокимъ образомъ. Это было отвѣтомъ адскихъ властей на сильную проповѣдь двухъ первоверховныхъ апостоловъ, поколебавшую язычество въ самомъ его центрѣ. Христіанъ то вѣшали на крестахъ, то одѣвали въ шкуры дикихъ звѣрей и бросали на травлю собакамъ, то обливали горючими матеріалами и ночью вмѣсто факеловъ зажигали въ садахъ Императора. Все это заканчивалось теа-

[1]) Потому что въ Клавдіевомъ указѣ объ изгнаніи Христіане еще неотличались отъ Іудеевъ.

тральнымъ представленіемъ, во время котораго Нерону угодно было явиться кучеромъ—возничимъ [1]). Такое происшествіе въ столицѣ естественно могло имѣть только не благопріятное вліяніе на положеніе христіанъ и въ провинціяхъ и, вѣроятно, повлекло за собою много другихъ гоненій. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни какихъ извѣстій о томъ глубоко трогательномъ впечатлѣніи, какое должна была произвести на христіанъ, какъ изъ іудеевъ, такъ и изъ язычниковъ, эта трагическая сцена и, можетъ быть, почти одновременная мученическая кончина двухъ главныхъ апостоловъ.

[1]) *Светоній* Nero 16: Подпавшіе казнямъ Христіане—родъ людей съ суевѣріемъ новымъ и злодѣйскимъ: afflicti suppliciis Christiani—genus hominum superstitionis novae et maleficae. О пожарѣ онъ разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ г. 38. Но гораздо точнѣе знаменитый разсказъ Тацита въ его лѣтописяхъ XV, 44, который хотя христіанъ считаетъ невиноватыми въ поджогѣ, но все-таки, не будучи знакомъ съ ними, описываетъ ихъ невѣрно, еще включаетъ ихъ въ одинъ рядъ съ іудеями и подводитъ подъ одно употреблявшееся объ іудеяхъ позорное названіе: *odium generis humani*, «враги рода человѣческаго» (сн. Hist. V, 5, гдѣ онъ говоритъ объ іудеяхъ: они тверды въ своей вѣрѣ и съ усердіемъ благотворятъ другъ другу, но за то они смертельные враги во всѣмъ другимъ (apud ipsos fides obstinata, misericordia in promptu, sed *adversus omnes alios hostile odium*). Замѣчательное во многихъ отношеніяхъ мѣсто Тацита (Ann. XV, 44) мы передадимъ въ подлинникѣ: sed non ope humana, non largitionibus principis aut deum placamentis decedebat infamia, quin jussum incendium crederetur. Ergo abolendo rumori Nero subdidit reos, et quaesitissimis poenis affecit, quos per flagitia invisos vulgus Christianos appellabat. Auctor nominis ejus Christus Tiberio imperitante per procuratorem Pontium Pilatum supplicio affectus erat; repressaque in praesens exitiabilis superstitio rursus erumpebat, non modo per Judaeam, originem ejus mali, sed per urbem etiam, quo cuncta undique atrocia aut pudenda confluunt celebranturque. (Это rursus erumpebat указываетъ на необыкновенный успѣхъ, какой, должно быть, имѣла дѣятельность Павла и Петра въ Римѣ и который тѣмъ лучше объясняетъ дьявольскія жестокости Неронова гоненія). Igitur primo correpti qui fatebantur (въ чемъ?), deinde indicio eorum multitudo ingens, haud perinde in crimine incendii, quam odio generis humani convicti sunt. Et pereuntibus addita ludibria, ut ferarum tergis contecti laniatu canum interirent, aut crucibus affixis, aut flammandi, atque ubi defecisset dies, in usum nocturni luminis urerentur. (Ювеналъ упоминаетъ, что Христіане въ стоячемъ положеніи, будучи горломъ прибиты къ столбамъ, горѣли какъ факелы). Hortos suos ei spectaculo Nero obtulerat, et circense ludicrum edebat, habitu aurigae permixtus plebi vel curriculo insistens. Unde, quamquam adversus sontes et novissima exempla meritos miseratio oriebatur, tanquam non utilitate publica, sed in saevitiam unius absumerentur. Вотъ возможно точный переводъ этого классическаго мѣста: «Дурная молва не прекращалась, не смотря на человѣческую власть, на подарки государя, и на жертвы богамъ, употребленныя съ цѣлію уничтожить всеобщую увѣренность въ поджогѣ, произведенномъ по приказу (Нерона quin jussum incendium crederetur). Поэтому Неронъ для подавленія молвы скрылъ виновниковъ, а подвергъ самымъ изысканнымъ казнямъ тѣхъ, которыхъ за ихъ злодѣянія народъ называлъ

Не дѣло случая въ томъ, что рядъ Императоровъ гонителей христіанъ открылъ *такой* человѣкъ, который представляетъ собою одного изъ порочнѣйшихъ язычниковъ, въ исторіи помѣченъ какъ убійца своей матери, своей жены, своего учителя, наконецъ, какъ самоубійца; однимъ словомъ, какъ одинъ изъ самыхъ безбожныхъ тирановъ, какъ истинное нравственное чудовище и въ сказкахъ считался предтечею антихриста [1]). Исторія любитъ сопоставлять въ непосредственной связи

ненавистными Христіанами. Виновникъ этого имени Христосъ былъ казненъ въ царствованіе Тиверія Прокураторомъ Пилатомъ; но подавленное въ началѣ, это пагубное суевѣріе въ настоящее время снова усилилось (erumpebat) не только по Іудеѣ, родинѣ этого зла, но даже и въ городъ (Римъ), куда со всѣхъ сторонъ стекается и гдѣ преобладаетъ все мерзкое и гадкое. Сперва были схвачены тѣ, которые признались (въ чемъ? въ поджогѣ или христіанствѣ); за тѣмъ, по показанію ихъ, было обвинено огромное число не столько въ поджогѣ, сколько въ ненависти къ роду человѣческому. И для большаго удовольствія прогуливающихся одни изъ христіанъ одѣтые въ шкуру дикихъ звѣрей должны были умереть растерзанными отъ собакъ, а другіе пригвожденными ко кресту, или по прошествіи дня горѣть ночью вмѣсто фонарей. Неронъ для такого зрѣлища пожертвовалъ своими садами и сдѣлалъ театральное представленіе въ циркѣ, а самъ въ одеждѣ кучера толкался среди черни или сидѣлъ на колесницѣ. При этомъ къ виновнымъ и обреченнымъ на послѣднія казни возбуждалось состраданіе изъ за того, что они погибали не для пользы общества, а по жестокости одного.

[1]) Сперва у язычниковъ образовалась сказка, будто Неронъ живъ и снова явится изъ своей неизвѣстности; вотъ слова *Тацита*: Hist. 11. 8. sub idem tempus Achaja atque Asia falso exterritae, velut Nero adventaret, vario super exitu ejus rumore, eoque pluribus vivere eum fingentibus credentibusque: т. е. «въ тоже время Ахаія и Азія подпали ложному страху отъ того, будто бы пришелъ Неронъ; поелику много говору объ его кончинѣ, а еще больше думающихъ и вѣрящихъ, что онъ живъ». Эта молва у христіанъ была видоизмѣнена: будто Неронъ снова придетъ антихристомъ, или (по Лактанцію) предтечею Антихриста. А что такое ожиданіе, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи было въ Церкви, конечно только какъ частное мнѣніе нѣкоторыхъ, такъ это видно изъ *Августина* de civitate Dei 1. XX c. 19, гдѣ онъ говоритъ, что нѣкоторые подъ «тайною беззаконія» (2 Сол. 2, 7) разумѣютъ Нерона,—и за тѣмъ продолжаетъ: «вѣдь иные думаютъ, что онъ самъ (Неронъ) воскреснетъ, *и будетъ антихристомъ*. А другіе не считаютъ его убитымъ, но скорѣе укрывшимся для того, чтобы признали его убитымъ и думаютъ, что онъ живъ и скрывается въ цвѣтѣ лѣтъ, въ какихъ онъ былъ тогда, когда слухи носились о его погибели,—до тѣхъ поръ, пока во-время не появится снова и не взойдетъ на царство. Но мнѣ кажется страннымъ такой предразсудокъ». О подобномъ мнѣніи упоминаетъ Лактанцій (de mort. pers. c. 2.), ссылаясь въ тоже время на одно мѣсто Сивиллиныхъ книгъ (C. IV. p. 525 ed. Serv. Gallaeus), которыя, между прочимъ, говорятъ вовсе не объ антихристѣ, но, вѣроятно, о появленіи лженерона во времена Тита (см. *Тацита* въ 1, 2), какъ о дѣлѣ прошломъ (см. *Thiersch* въ его сочиненіи «о критикѣ Новозавѣтныхъ книгъ» 1845 ст. 410 и д.).

величайшіе нравственные контрасты, какъ напр. апостоловъ *Павла съ Петромъ* и чудовище *Нерона*, и въ одно время обозрѣвать судьбу добродѣтельнаго, который по смерти получаетъ вѣнецъ славы и побѣды,—и участь порочнаго, торжество котораго здѣсь послужитъ ему для его посрамленія въ вѣчноти.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.